ПИОНЕР

ИЮЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1958 год. 7

НА ТРЕНИРОВКЕ.

Рисунок Я. Титова.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 35-й.

И Ю Л Ь

№ 7 1958 г.

В этом номере:

На обложке:
Рисунок В. Каменского
«На горных пастбищах».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Маленький доктор

Анатолий **БЕЗУГЛОВ** Рисунки В. Цельмера.

Предшественник Вали Фоминой Дмитрий Сергеевич, крупный, полноватый, одетый в хорошо сшитый костюм мужчина, уезжая, сердечно пожал своей большой рукой маленькую Валину и грустно сказал:

— Годами мечтал, чтобы прислали нового врача. А теперь, глядя на вас, думаю: лучше бы потерпел еще год, другой. Жалко мне вас... маленький доктор.

Осторожно садясь на ослика, Дмитрий Сергеевич старался не измять свой красивый пиджак и, перехватив иронический взгляд Вали, с достоинством сказал:

— Советую и вам постоянно держаться в форме, дорогая. Человек должен всегда оставаться человеком. Не для других, для себя...

Совет Дмитрия Сергеевича — постоянно держаться в форме — Валя выполнить не смогла. В амбулатории не хватало рук, и приходилось делать все. И мыть полы, и белить стены, и бегать за водой к горному ручью. Густые, но не вьющиеся каштановые волосы Валя заплела в две коротенькие косички, и они торчали в разные стороны по-детски смешно и наивно. Пригодился новому доктору и старый, со студенческой поры, лыжный костюм. Когда Валя вышла на улицу в брюках, это ни у кого не вызвало удивления, потому что почти все женщины носили здесь длинные шаровары.

Разбираясь в оставленном предшественником канцелярском хозяйстве, Валя удивилась: почти никто из жителей горных кишлаков не обращался за медицинской помощью.

Старый Рашид, любивший поговорить и считавший себя коллегой любого доктора по той причине, что десяток лет прослужил сторожем при центральной больнице в Сталинабаде, а теперь работал на той же должности в амбулатории, объяснял Вале:

— Приехать с гор можно только верхом. А больному от такой поездки еще хуже станет. Вот и ходят к старухам-табибам.

— Если Магомет не может прийти к горе, то гора должна пойти к Магомету,— пошутила Валя.

Старик хотел что-то возразить, но на пороге амбулатории появился председатель колхоза Махат и заговорил возбужденно и громко, подергивая контуженной щекой:

— Ах, как хорошо! Какая чистота! Прямо как в санатории. И почему наши люди не ходят к докторам! Никак не пойму...

— А я сама хочу пойти к ним,— сказала Валя.— И для этого вы должны выделить мне лошадь.

— Шутки говоришь,— усмехнулся Махат, поправляя расшитую серебром тюбетейку на большой бритой голове.— Даже наши женщины боятся ездить в горы. Ты, наверное, не видела наших горных дорог.

— Пока не видела. Но там, где ездят мужчины, может ездить и женщина,— спокойно возразила Валя.

— Послушай, маленький доктор,— с легкой руки Дмитрия Сергеевича никто не называл Валю иначе, кроме старого Рашида, величавшего ее по имени-отчеству,— а если ты свалишься в пропасть или разорвется от страха твое сердце? Кто за тебя отвечать будет? Отвечать буду я,— начинал горячиться Махат.

Старый Рашид присоединился к председателю:

— Дмитрий Сергеевич был мужчина! Но он никуда не ездил. Он был очень мудрым и рассуждал справедливо: «Если заболел человек, это очень плохо. Но если доктор сломает себе голову, это будет еще хуже. Тогда некому будет лечить больных».

Доводы двух горных старожилов подействовали на Валю, и она на некоторое время успокоилась, занялась местными больными.

Но однажды в амбулаторию заглянул какой-то мужчина и рассказал «маленькому доктору», что в их высокогорном кишлаке тяжело болен ребенок.

Судя по рассказу, ребенок заболел скарлатиной.

Все необходимые лекарства и инструменты были собраны в течение нескольких минут, и Валя с сумкой через плечо вошла в правление колхоза.

Махат попробовал было отговорить ее, но внезапно смолк — так поразила его неожиданная решительность девушки.

Уловив колебание председателя, Валя пустила в ход решающий аргумент:

— Вот что, уважаемый товарищ Махат. Доказывать вам я больше ничего не стану. Вижу, что это бесполезно. Я сейчас же даю телеграмму в Сталинабад. Умирает ребенок, председатель отказывает в транспорте...

— Валентина Васильевна! — взмолился Махат.— Нынче сильный ветер, плохая погода...

— Тогда я уйду пешком! — крикнула Валя и выбежала из правления.

Махат догнал ее на крыльце.

— Ладно,— сказал он.— Бери Бухгалтера. Это самый умный осел во всей округе.

— Мне не до шуток! — вспылила Валя.

— Я вовсе не шучу! — закричал председатель.— Клянусь хорошим урожаем, что у нас не найдется животного, а может быть, даже человека, умнее Бухгалтера...

Махат в самом деле не шутил и не обманывал. Бухгалтер оказался действительно изумительным осликом. Своим странным прозвищем он был обязан председателю и его трехлетней вражде с бывшим хранителем колхозных доходов, упрямым и скаредным Саидом. Председатель и бухгалтер давно помирились, но осел не реагировал ни на какое другое имя. Мальчишки пробовали соблазнять его даже такими звучными и лестными прозвищами, как «Верный», «Быстрый», «Вратарь», но все попытки были тщетными. Так и остался он Бухгалтером.

Путешествие в высокогорный кишлак окончилось вполне благополучно. Но ощущения от этой поездки Валя смогла кое-как осмыслить лишь по возвращении домой. Всю дорогу ее сковывал такой жуткий страх, что она не могла думать ни о чем другом, кроме как о спокойствии Бухгалтера, от которого почти два дня зависела ее жизнь. Эти ощущения были ни с чем не сравнимы. Когда-то, когда Валя только что закончила десятый класс, ей пришлось гостить у родственников в Москве. Дядя решил угостить ее мороженым в кафе на крыше гостиницы «Москва». Усевшись за столик, Валя посмотрела сквозь решетку вниз. У нее закружилась голова, и стало вдруг казаться, что весь огромный дом, вместе с нарядными столиками на крыше, с улыбающимся дядей и с ней, начал крениться набок и сейчас

опрокинется. Вале стало страшно. Она постаралась побыстрее доесть мороженое и попросила дядю спуститься вниз.

Но разве можно было сравнивать это с только что пережитым! Там, в кафе, несмотря на тревожное замирание сердца, на дрожь рук, разум упрямо твердил: «Ничего не случится. Тысячи людей сидели здесь до тебя и будут сидеть после тебя. Дома никогда не падают на улицу».

Здесь же, на узкой горной тропке, где не могли разминуться два всадника, разум твердил совсем иное. Он приводил бесчисленные примеры несчастий, случавшихся в горах, вызывал в воображении картины одну чудовищней другой, напоминал о том, что достаточно маленькому животному неверно поставить ногу...

А кругом забитые туманом ущелья и пропасти с едва различимыми серебристыми змейками рек, над головой огромные отвесные скалы, а в голове одна-единственная мысль: «Вот сейчас ветер столкнет скалу прямо на тропку, и все...»

Но каким молодцом оказался Бухгалтер! Как уверенно и спокойно переставлял он свои крохотные тонкие ножки! Что за дурак выдумал, будто осел — олицетворение глупости!

Валя разыскала в кармане жакетки кусок сахару и протянула его на ладони Бухгалтеру.

— Ай да маленький доктор! Ай да молодец! — с уважением говорил Махат.— Храбрая девушка! На войне я бы взял тебя в батарею! Клянусь хорошим урожаем!

В устах председателя это было высшей похвалой. Все знали, что, отчитывая какого-нибудь нерадивого колхозника, Махат обязательно заканчивал свою пылкую речь уничтожающим осуждением:

— На войне я послал бы тебя в обоз. Но не в тот, который возит патроны и снаряды, а к телеге со старыми портянками.

Старый Рашид, сопровождавший Валю в горы в качестве проводника, рассказывал теперь всем о решительном характере своей начальницы...

Время шло незаметно, нанизывая день за днем на нитку беспрерывных забот и волнений. К врачебной работе прибавились комсомольские поручения, и скучать было некогда. Через год во всей округе не оставалось уголка, где бы не побывали «маленький доктор» и его Бухгалтер. Страх перед скалами и ущельями почти исчез, и Валя обходилась теперь без проводника. И все-таки она считала себя ужасной трусихой. Когда по улице какого-нибудь дальнего кишлака проходила закутанная, несмотря на жаркое солнце, в тряпье бабка-знахарка, когда Валя встречала ее ненавидящий слезящийся взгляд и слышала проклятия на языке, который она теперь уже довольно сносно понимала, сердце девушки сжималось от страха. Не то чтобы она боялась, что старуха обидит ее, нет... Это было почти необъяснимое, еще с детства неизжитое чувство трепета перед всем таинственным, загадочным, темным.

И еще боялась Валя председателя колхоза Махата, хотя последний даже не подозревал об этом.

Каждый раз, когда между председателем и «маленьким доктором» начиналась очередная стычка, когда Махат пускал в ход свои яростные клятвы, а щека его начинала нервно дергаться, Валя робела, как робеют перед человеком, с которым в любой момент может случиться нервный припадок.

Стараясь воспитать у себя упорный и твердый характер, Валя приходила порой в отчаяние от своих слабостей. Но думать об этом приходилось ей редко. Дела быстро прибавлялись, и год пролетел незаметно.

Наступил срок Валиного отпуска, и она стала собираться домой. В амбулатории оставалась новая, недавно окончившая техникум медсестра, звали ее Зайнаб. Девушка родилась и выросла в Сталинабаде, в горы она приехала впервые. Проработав два месяца вместе с Валей, Зайнаб показала себя находчивой и способной медсестрой, и Валя спокойно могла оставить на нее свой участок.

В этот вечер девушки засиделись допоздна. Сначала собирали Валин чемодан, а потом обсуждали ее отпуск, рассчитывая чуть ли не каждый шаг, который предстояло сделать Вале на равнинной саратовской местности.

— Ну ладно. Хватит. Спать,— сказала наконец Валя, закрывая чемодан.

Она подошла к выключателю и погасила свет. И... словно выключатель оказался присоединенным к запалу какого-то гигантского снаряда. Послышался страшный треск, и многоголосое эхо в дальних горах повторило его... Стена подалась куда-то в сторону, жалобно зазвенела посуда в шкафу...

Тяжелые, глухие удары беспрерывно сотрясали землю. Казалось, что через горы шагает великан и горы дрожат под его гигантскими сапогами.

«Землетрясение,— подумала Валя и сама

удивилась четкости своих мыслей.— Нужно успокоить Зайнаб. Ведь она здесь новичок...»

Через минуту девушки стояли на улице.

Светила луна, и казалось, что по синему небу плывут огромные белые корабли с косыми парусами — это были снежные вершины гор. Тихий, прохладный воздух, шорох ветвей — все было наполнено покоем и сном...

И вдруг где-то в дальнем конце кишлака, там, где ущелье делило селение на две части, снова послышался глухой нарастающий лязг и грохот. Казалось, сама земля застонала.

— Обвал! — прокричал кто-то, застучали сапоги, послышались выкрики. Потом все поглотила лавина звуков.

Еще звенело в ушах от грохота обвала, когда Валя услышала ослабленные расстоянием отчаянные крики...

Собрать медицинскую сумку было делом одной минуты.

И вот она вместе с Зайнаб уже бежала по улице прямо на неумолкающий шум голосов.

Широкая тень метнулась перед девушками. Кто-то взял Валю за руку. Блеснул тонкий, беспокойный луч карманного фонаря. Это был председатель Махат.

В ущелье несла свои ледяные воды бурная горная речка. Валя по нескольку раз в день переходила ее по подвесному мосту на двух крепких стальных тросах. Но теперь моста не было. Только что-то темнело внизу, в воде.

На том берегу крики слышались все громче. Вале казалось, что весь разноголосый шум сливается в одно требовательное: «Доктора! Доктора! Доктора!»

Потом от темной массы людей отделилась одна, хорошо видимая при свете луны фигура и, сложив руки рупором, действительно прокричала:

— Доктора! Доктора!

А доктор стоял с тяжелой сумкой, полной самых нужных на том берегу средств, здесь, на высокой скале, и с ужасом смотрел вниз, в ущелье. Как перебраться через реку?! Берег крут и обрывист. Тут нельзя даже спуститься к воде. Есть, правда, ездовой брод, но до него пять километров.

Махат сунул в руки кому-то из молодых парней крепкую веревку, прикрепил к поясу другой ее конец.

— Держи! — крикнул он парню, неожиданно шагнул к Вале и, подхватив ее, как ребенка, на руки, начал спускаться к воде. Но-

ги председателя скользили. Камни с шумом и скрежетом сыпались вниз. Вале пришлось изо всех сил ухватиться за шею председателя.

Луна, как назло, спряталась в облако, и все погрузилось в темноту.

На том берегу кто-то разложил костер, и в колышущемся его свете опять стала видна серая речка, кусок противоположного берега, упрямые, бешеные глаза Махата.

Вдруг он качнулся и, не выпуская Валю из рук, чуть не упал. Девушка поняла, что они уже в воде.

— Отпусти! — внезапно прокричал председатель. Стальные его пальцы оторвали от шеи Валины руки и отбросили ее на прибрежные камни. Валя упала и, когда подняла голову, сообразила, в чем дело. Течение сбило Махата с ног. Он с трудом выбрался на берег.

— Не ушиблась? — тяжело дыша, спросил он Валю.

Она только покачала головой.

С другого берега слышались стоны и крики. Казалось, они стали во много раз сильнее.

И вдруг Валя вскочила на ноги.

— Перебросьте сюда канат! — закричала она, но ее, конечно, никто не услышал.

Девушка делала знаки, кричала... Скоро к ее голосу присоединились другие... И вот с противоположного берега полетел, пущенный сильной рукой, обвязанный веревкой камень. Только сейчас Валя заметила, что к воде успели спуститься семь или восемь мужчин. Они натянули канат, и Валя ступила в воду.

Девушке показалось, что ее ноги сунули в горящую печь. Она готова была поклясться, что чувствует, как острые, жгучие иглы впиваются в тело, легко, без задержки пронизывают кости и входят в мозг. Но она только быстрее стала перебирать руками по канату.

Ударило течением. Дно исчезло из-под ног. Теперь тело девушки уносило силой воды, и только руки, держащие канат, могли выручить ее...

Брызги били в лицо, и Валя не замечала, что до противоположного берега остается всего метр — другой. Несколько сильных рук протянулись к ней, подхватили, и она поплыла куда-то вверх.

— Переодеться! — слышала Валя как в тумане.— К костру ее... Дать водки!

Валю осторожно поставили на землю. Кто-то протягивал ей бутылку, кто-то укрывал плечи одеялом...

— Где раненые? — тихо спросила девушка.— Ведите туда...

Затрепетало пламя смоляных факелов. Окружив «маленького доктора», словно стараясь телами своими загородить ее от холодного ночного ветра, люди повели девушку в глубь селения. Валя чувствовала, что скоро упадет, к горлу подступала тошнота, ее тряс озноб...

Но вот двигавшиеся впереди факелы остановились. Люди раздвинули тесный круг. На земле лежали раненые. При свете факела были видны пятна крови на их одежде. Валя присела на корточки и начала осматривать пострадавших.

— Перелом ноги. Открытый...— сказала она, склонившись над первой женщиной, и сама удивилась тому, что озноб вдруг исчез и тошнота утихла.— Дайте-ка мою сумку...

Только через несколько дней, когда был сооружен временный мост, метавшуюся в жару Валю перевезли в амбулаторию. Прибывший из города врач нашел у нее крупозное воспаление легких.

Были приняты самые радикальные меры, и Валя быстро начала поправляться. Маленькая комнатка при амбулатории оказалась тесна. Весь день тут было полно людей. Врач, Зайнаб, старый Рашид, председатель Махат, ковылявший после той памятной ночи на костыле, соседи, люди из других кишлаков.

Выяснилось, что городской доктор, так же как и Махат, служил во время войны в артиллерии. Председатель решил, что ему будет понятна мера похвалы, которой он хотел вознаградить Валю.

— Понимаешь,— говорил Махат,— если бы опять командовал дивизионом, я взял бы эту девушку не только наводчицей, но даже разведчицей, даже командиром взвода разведки...

— О достопочтенный Махат,— возразил ему старый Рашид.— Твоя щедрость намного уступает твоей мудрости... Эту девушку... Я даже не могу представить себе, что бы я сделал для этой девушки... Даже ее осла Бухгалтера я нарисовал бы на всех папиросных коробках «Казбек». А о нашем маленьком докторе,— старик первый раз ласково назвал так свою начальницу,— я заставил бы поэтов сочинить хорошую песню. Пусть поет ее вся страна...

— Ты прав, старый Рашид! — воскликнул Махат.— Ты лучше моего придумал! Клянусь хорошим урожаем!

Пересказала Надежда БЕЛИНОВИЧ

Рисунки А. Брея.

Восходит румяное солнце
И слышит, как плачет планина
Каждым листочком зеленым,
Каждою малой травинкой.

Турки спалили сегодня
Габрово — село за рекою,
Родителей Ненчо убили...

Летят, пролетают годы,
На пепле отстроилось снова
Габрово — село за рекою.

Летят, пролетают годы.
Растет-вырастает Ненчо,
Голодный, разутый мальчишка,
Никто его не жалеет.
Только жалеет девчонка,
Девятилетняя Йонка,
Дочь удалого юнака
И раскрасавицы горной —
Волшебницы Самодивы.
Йонка встает на рассвете
И учится у Самодивы
Лечить горячие раны,
Искать целебные травы,
Живую и мертвую воду.

Йонка приносит Ненчо
Из леса дикого меда,
Сочных ягод в кувшине,
Дома его угощает
Хлебом и виноградом.

Растет, вырастает Ненчо...

Двенадцать лет ему было,
Когда девчонка сказала:
— Мама моя Самодива
Велела тебе сегодня
Сесть на камень под вербой —
Деревом самодивским,
Там ты найдешь свое счастье!

Послушался мальчик подругу...
Глядь, по тропе мимо вербы
Скачут хайдуки — на битву
За родину и свободу.
Мальчика увидали,
И обо всем расспросили,
И взяли его в дружину.

Одна с ним прощалась Йонка,
Прощалась и говорила:
— Мама моя Самодива
Зарок на тебя положила:
Пока меня не забудешь,
Пуля тебя не ужалит,
Сабля и меч не изранят!

Вот девять лет миновало,
Стал Ненчо славным хайдуком —
Защитником угнетенных.
Собрал он в дружину юнаков,
Тех, у которых турки
Убили отцов с матерями.
Они ничего не боялись,
Зато их враги страшились.
Дружина, как щит, закрывала
От недругов горные села,
А Ненчо помнил о Йонке
И не был ни разу ранен.

Услышал султан про Ненчо,
Собрал полки делибашей,
Послал их на Витош-планину,
Велел разгромить дружину,
Убить воеводу Ненчо
И сжечь болгарские села.

Вот турки помчались на битву...
Три тысячи делибашей
Против трехсот юнаков
Начали утром сраженье,
Какого еще не бывало.

Туча закрыла солнце.
Сабли, как молнии, блещут.
...Забыл воевода Ненчо
О черноглазой Йонке,
Он только о родине помнил,
О родине и свободе.

Случилось великое чудо:
Хайдуки разбили турок,
И делибаши бежали,
Бросая оружие в поле.

Да Ненчо был ранен жестоко.
Едва он дошел в Габрово,
Упал возле дома Йонки,
И жить ему не хотелось.
Вышла девушка Йонка,
Взглянула, узнала Ненчо
И горько заплакала сразу:
— Ты ранен, а я забыта!

Открыл глаза воевода,
Глянул на милую Йонку,
И жить ему захотелось:
Так была Йонка прекрасна.

Ненчо снял кованый перстень,
Дал его девушке милой,
Сказал:
— Излечи мои раны
И будь моею женою.
А если ответишь отказом,
То нанесешь мне, Йонка,
Неисцелимую рану!

Ласково молвила Йонка:
— Я остужу твои раны
Травой самодивской зеленой,
Живою студеной водою,
Но буду женою твоею,
Коль ты хайдучить не станешь,
Начнешь окапывать лозы,
Пахать отцовскую ниву.

И обещал воевода
Исполнить желанье невесты.

Стала красавица Йонка
Лечить горячие раны
Водой родниковой живою,
Волшебной зеленой травою.
И сила вернулась к юнаку.
Начал окапывать лозы,
Плугом вспахивать ниву,
Слушать песни невесты,
Ее красотой любоваться.
И наяву он думал,
Что отыскал свое счастье.

Но сны его были тревожны.
Он видел набеги и битвы
За родину и свободу,
Турецкие сабли-бритвы,
Покрытые кровью болгарской.

Так миновало полгода...
Однажды перед грозою
Над кровлей орел заклектал:
Турки в поход устремились,
Мчатся справа и слева,
Болгария кровью умылась.

Вздохнул воевода Ненчо,
Взял у невесты перстень,
В пояс ей поклонился.
— Прощай,— говорит,— дорогая,
Люблю я тебя, как прежде,
Но родина мне дороже,
Милее тебя свобода.

Может, опять в сраженье
Я про тебя забуду.
Ну, что ж, не бывать юнаку
В бою без горячей раны!

Александра БРУШТЕЙН

Рисунки Б. Винокурова.

Дорога уходит в даль...

(Окончание)

ТАЙНЫЙ СОВЕТ В «ПИНГВИНЕ»

У нас теперь очень важная новая забота. Скоро конец трети учебного года (в нашем институте учебный год делится не на четверти, а на трети). Треть подходит к концу, и многие девочки уже ходят заплаканные. Ведь очень много уроков пропало сперва, когда ежедневно служили молебствия о здравии государя Александра III, потом из-за панихид, а на три дня по случаю государевой смерти вовсе освободили от занятий. Поэтому учителя подгоняют нас теперь изо всех сил, чтобы мы во что бы то ни стало прошли все, что полагается пройти за первую треть. Но у нас есть девочки, которые и с самого начала года учились плохо,— то ли им трудно, то ли им скучно, то ли они плохо понимают, что говорят учителя, но они сперва получали тройки, тройки с минусом, тройки с двумя минусами, а теперь, после всех пропущенных уроков, не справляются с тем, что задано, и съехали вовсе на двойки!

Среди этих девочек есть такие, что, если объяснишь им толково, они понимают и учатся лучше. Вот у нескольких учениц — у Лиды Карцевой, у Мани Фейгель, у Вари, у меня — возникла мысль, которая нам очень нравится: приходить в институт ежедневно за 45 минут до начала уроков и заниматься с двоечницами. Но это надо обсудить где-нибудь подробно, толково, а главное, без помехи, без опаски, без оглядки на подслушивающую Дрыгалку. Где же его найдешь, такое место, у нас в институте?

Есть оно, это райское место! Есть она, эта колыбель свободы! Это — извините за прозу — ватерклозет.

Даже удивительно, как подумаешь: в нашем институте, где все время «синявки», классные дамы, шныряют между ученицами, подсматривают, подслушивают, лезут в ящики, читают письма и записки, вынюхивают, ну, совершенно, как полицейские собаки, ватерклозет устроен, как неприступная крепость, окруженная рвом! В самом конце большого коридора есть маленькая дверь, сливающаяся по цвету со стеной. Откроешь эту дверь, войдешь — и сразу прохладно, полутемно и, что совсем удивительно, страшно тихо: как во всех старинных зданиях стены такие массивные, такие толстые, что они непроницаемы для звуков. Жужжание, шум, крик, громкий разговор в коридоре во время большой перемены — ведь нас в институте пятьсот человек! — сразу словно ножом отрезало за тяжелой дверью. Тут начинается полутемный внутренний коридор, ведущий к уборным. Коридор очень длинный, но постепенно светлеет, в нем появляются окна, замазанные белой краской, и, наконец, коридор вливается в большую комнату с несколькими окнами,— как бывает предбанник, так это предуборник. Здесь девочки сидят на глубоких подоконниках, болтают, даже поют, даже завтракают. Отсюда уже две двери ведут в самые уборные. Вот эта предуборная комната — это единственное место во всем институте, где можно чувствовать себя совершенно свободно: делать, что хочешь, говорить, что вздумается, петь, кричать, хоть кувыркаться!

Когда-то кто-то, наверное, из старших классов, назвал это помещение «Пикквикским клубом». Потом его стали называть «Пингвинским клубом»: ведь младшие не читали «Пикквика», да и старшие читали его далеко не все. Сейчас клуб уже называется просто «пингвин». «Приходи на большой перемене в «пингвин»!»

Вот в этом «пингвине» мы сидим на подоконнике, четыре девочки, четыре заговорщицы: Лида, Маня, Варя и я. Нам надо составить список учениц-двоечниц, установить, по какому предмету у них двойки, и закрепить их для занятий за каждой из нас. Лида будет заниматься с отстающими по французскому языку, Маня и Варя — по арифметике, я — по русскому языку. Каждая должна предупредить всех девочек своей группы, когда и где будут происходить занятия, вообще позаботиться обо всем. В моей группе четыре девочки: Малинина, Галков-

ская и еще две девочки со странными фамилиями, из-за которых я в первый день занятий разобиделась на них чуть не до слез. Это было до первой переклички, и мы еще не знали, как кого зовут. Около меня стояли, держась под руки, две очень милые девочки. Они мне понравились, и я спросила одну из них:

— Как твоя фамилия?

На это она ответила мне очень спокойно:

— Моя фамилия — Чиж.

Я сразу поняла, что надо мной подшучивают, и только собралась обидеться, как вторая девочка, подружка этой Чиж, весело и дружелюбно сама сказала мне, не дожидаясь вопроса:

— А моя фамилия — Сорока.

Тут уж я разозлилась окончательно и, когда девочки, в свою очередь, захотели узнать мою фамилию, я сердито каркнула:

— Вор-р-рона!

Через несколько минут после того, как Дрыгалка провела первую перекличку, все выяснилось: и то, что у обеих девочек в самом деле такие птичьи фамилии, и то, что они хорошие, милые девочки, и то, что я обидчивая дура. Мы с Чиж и Сорокой тут же помирились, и все семь лет, что проучились вместе, жили мирно и дружно.

И вот теперь я буду заниматься с Чиж, Сорокой и Галковской. Итого у меня в группе три девочки-польки и одна русская, Малинина. Это, конечно, понятно: польские девочки выросли в польской среде, говорят дома по-польски, это их родной язык, а русский язык для них все равно что иностранный. Они знают его плохо, учиться им трудно, они бредут через пень колоду, от тройки с двумя минусами к двойке. А Люба Малинина — хорошая девочка, толстая, как колобок, и ужасно ленивая: у нее двойки не только по русскому, но и по арифметике.

— Понимаешь,— говорит она мне,— я как открою грамматику Кирпичникова или услышу: дательный падеж, звательный падеж,— ну, не могу! Глаза просто сами слипаются!

Все это она говорит уже на следующее утро, когда мы все пришли ровно без четверти девять и сели заниматься в углу нашего класса, еще пустого. Лида Карцева и Маня Фейгель устроились со своими ученицами где-то в другом месте.

Тьфу, тьфу, тьфу, не сглазить бы! — но первый наш «урок» проходит очень хорошо!

Когда прозвучал звонок к началу занятий, в класс пришли Лида, Варя и Маня со своими ученицами, все очень довольные. С этого дня мы стали регулярно, каждый день заниматься с неуспевающими. С этого же дня мы сами перестали скучать на уроках. Мы слушали, как отвечает которая-нибудь из наших учениц, мы волновались, радовались, когда они отвечали хорошо, огорчались, когда они почему-либо увязали и путались. Ничто не изменилось в преподавателях наших, их уроки были по-прежнему нудные и скучные. Но мы перестали быть равнодушными зрителями неинтересных для нас уроков: мы стали участниками.

И вот приходит день, приносящий нам одновременно и радость и беду! Радость оттого, что три девочки, еще недавно не вылезавшие из двоек, отвечают Федору Никитичу вполне прилично и решают задачи правильно. Федор Никитич этому радуется. Он ведь не злой человек, он только преподает скучно. Ну, он же в этом не виноват! Федор Никитич справедливый. Если он сбавлял мне отметки за то, что у меня четверки похожи на «пожарников», так ведь это и в самом деле так было: почерк у меня отвратительный! Но как только я стала писать лучше, Федор Никитич сразу отметил это, поставил мне четверку, а вскоре и пятерку и еще при этом с удовлетворением сказал: «Молодец! Вот поработала, постаралась — и добилась». И сегодня он тоже радуется тому, что три неуспевающие девочки так явно выправляются. Федор Никитич улыбается этим девочкам, улыбается, повернувшись к Дрыгалке: вот, мол, как! Дрыга тоже изображает нечто, по ее мнению, похожее на улыбку. И девочки, получившие сегодня по тройке, улыбаются. С радостной улыбкой переглядываемся мы четверо — Маня, Лида, Варя и я. Одним словом, урок идет на сплошных улыбках. И вдруг...

Вдруг все летит кувырком! Одна из выправившихся двоечниц — Люба Малинина — не может сдержать своей благодарности:

— Это нас Фейгель так хорошо научила! Она с нами каждый день занимается, она очень понятно все объясняет!..

Если бы она сказала, что Фейгель учит их ходить на руках, это вряд ли вызвало бы больший эффект.

— Что, что вы сказали? Фейгель с вами занимается? — срывается со своего места Дрыгалка, и в глазах ее зажигается счастливый огонек, как всегда, когда вдруг пахнет возможностью «поймать, изобличить, наказать...»

— Да,— подтверждает Люба Малинина с довольной и благодарной улыбкой.— Она

приходит утром... без четверти девять и занимается... с нами...

Эти слова Люба Малинина произносит уже без тех ликующих ноток, с какими она сказала свою первую фразу. Голос ее стал тише, говорит она уже медленнее и, наконец, совсем затихает.

В классе такое напряжение, что мы и не заметили, как прозвенел звонок и ушел учитель Федор Никитич. Мы сидим неподвижно, мы понимаем: сейчас разыграется буря!

— Фейгель! — вызывает Дрыгалка, и в ее голосе, обычно таком бесцветном, слышны металлические нотки. — Фейгель!

Маня встает в своей парте. Она очень бледная, но спокойная. Зато сильно волнуется за Маню Катя Кандаурова.

— Она же ничего, ничего плохого... — вдруг говорит Катя и закрывает лицо руками.

— Фейгель! Это правда? — спрашивает Дрыга.

— Правда, — отвечает Маня негромко, спокойно.

Дрыгалка едко прищуривается.

— Вы даете своим подругам уроки? Что же, вы и деньги с них за это берете или как?

— Нет! — кричит Люба Малинина.— Никаких денег она с нас не берет!

Тут начинают кричать то же самое и другие девочки, с которыми занимается Маня. Дрыгалка жестом заставляет всех замолчать и снова обращается к продолжающей стоять в своей парте Мане:

— Так как же, Фейгель? Вы не ответили на мой вопрос...

Тут, не сговариваясь, одновременно встаем Лида, Варя и я.

— Вам еще что нужно? — обрушивается на нас Дрыгалка.— Вы желаете защищать Фейгель?

В дверях появляется могучая фигура Колоды. Где-то за ней угадывается тощенькая Дрыгалка.

— Евгения Ивановна! — говорю я.— Я тоже...

— И я тоже... — заявляет Лида.

— И я... — басит Варя.

Дрыгалка смотрит на нас, веки ее осоловелых глаз хлопают, как ставни на осеннем ветру.

— Что такое вы тоже? — бормочет она.

Мы объясняем ей все: учебная треть кончается, у нас много двоечниц, мы хотели им помочь и потому занимаемся с ними. Они стали учиться лучше; вот сейчас на уроке арифметики она, Дрыгалка, сама слыхала,

как отвечала Малинина, как ее похвалил Федор Никитич...

Дрыга слушает с лицом страдающим и несчастным.

— Но кто вам разрешил вести эти занятия?

Мы трое переглядываемся.

— А мы не знали, что нужно спрашивать разрешения...— говорит Лида с удивлением.

Дрыгалка долго молчит.

— Вот что,— говорит она наконец.— Я этого случая так оставить не могу. На следующем уроке я доложу об этом начальнице. И тут уж,— Дрыга беспомощно и покорно разводит руками,— тут уж все будет, как она скажет.

Мы все в общем не особенно волнуемся. Дело кажется нам таким естественным и простым! Девочки учатся плохо, им хочется учиться лучше, у родителей их нет денег на то, чтобы нанять учителей,— ну, мы хотели помочь... Господи, к чему тут можно придраться?

Оказывается, можно.

После уроков Дрыгалка приказывает всем идти домой, а нам, четверым «учительницам»,— на квартиру начальницы. Тут уж нам становится немножко не по себе. Даже чуть-чуть страшно. Все мы бледные, жмемся друг к другу, у меня страшно болит живот (всегда в таких случаях!). Лида успевает шепнуть мне, что у нее тоже... Спокойнее всех держится Маня Фейгель. Она стоит между Лидой и мной и тихонько, незаметно ни для кого поглаживает пальцы наших рук.

В квартире Колоды все маленькое, миниатюрненькое: низенькие пуфики, масса безделушек, какая-то совсем игрушечная кушеточка, две крохотные, круглые, как шарики, беленькие собачки-болоночки. Даже непонятно, как Колода умудряется не раздавить весь этот крохотулечный уютик! Что она видит в маленьком круглом зеркале на стене? Наверное, один свой нос!..

Мы продолжаем стоять неподвижно. Из соседней комнаты все время выбегают беленькие болоночки с темненькими носиками, они тявкают на нас, но не кусаются. Наоборот, они выражают нам всяческую симпатию, становятся перед нами на задние лапки и пританцовывают. Если бы у меня не болел живот и мне не было бы так страшно (мне все-таки страшно, Лиде, Варе и Мане тоже страшно), мне было бы очень весело смотреть на этих смешных собачат.

Из соседней комнаты доносится шушуканье Колоды с Дрыгалкой, но слов разобрать нельзя. Только порой они называют какую-нибудь из наших фамилий.

Наконец шушуканье смолкает.

В дверях появляется могучая фигура Колоды. Где-то за ней угадывается тощенькая Дрыгалка.

Мы делаем глубокий реверанс.

Колода молча и хмуро кивает нам головой. Затем она садится в креслице и долго смотрит на нас испытующим взглядом. Это очень неуютно.

Наконец она говорит насмешливо и все время неодобрительно качая головой:

— Э бьен, господа преподаватели объясняют непонятно, и потому вы п е р е о б ъ я с н я е т е их слова своим подругам? Ученицы не понимают господ преподавателей, а вас понимают, да? Это просто... просто очаровательно!

И Колода смеется нарочно и натужно, как плохая актриса.

— И вы—маленькие девочки, первоклассницы! — вы решили открыть т а й н у ю ш к о л у в нашем институте? Так?

Может быть, оттого, что живот разбаливается у меня с каждой минутой все пуще, на меня нападает отчаянность, и я отвечаю Колоде на ее вопрос:

— Александра Яковлевна, мы не хотели открыть тайную школу... Мы хотели помочь двоечницам...

— Молчать! — кричит на меня Колода таким страшным голосом, что обе белые болоночки, только что дружелюбно обнюхивавшие мои ботинки, начинают в два голоса тявкать на меня.

— Молчать! — продолжает Колода.— Вы должны выслушать, что в а м скажут, а ваши слова никому не интересны, да... Так вот... Где же это мы?.. Вы меня сбили... Ах, да! Вы действовали самовольно, без разрешения, да... Вы незаконно собирались... Как заговорщики, да! Господин директор, которому я доложила обо всем, называет ваши поступки заговорщицкими, да! За незаконные действия с к о п о м,— подчеркивает Колода,— да, да, скопом, потому что вы подговорили и этих несчастных двоечниц — значит, вас было много, боже мой! — за это вас следует исключить!

Когда Колода волнуется, она начинает в разговоре брызгать слюной. Слово «исключить» она произносит с брызгами во все стороны. Это смешно, но я не смеюсь: рука Мани Фейгель около моей руки резко вздрагивает. Я понимаю: Маня с ужасом думает о возможности своего исключения из инсти-

тута. И мне тоже становится очень не по себе.

— Господин директор настаивал на вашем исключении,— говорит Колода.— Но я уговорила, я положительно умолила его простить вас. Я верю, что вы не окончательно испорченные девочки, да... бог вам поможет, и вы еще исправитесь... Но помните: никаких незаконных поступков! Никаких действий скопом!

Мы молчим, наклонив головы и глядя себе под ноги. Мы не отвечаем, потому что мы уже крепко знаем: когда начальство задает вопросы, оно вовсе не ждет от нас ответа. Надо молчать и терпеливо ждать, когда кончится вся эта комедия.

— Ступайте! — говорит Колода.— И помните. Пом-ни-те!

Мы делаем реверанс и уходим почему-то на цыпочках. Может быть, этим мы хотим показать, что мы пом-ним! Пом-ним!

Мы в самом деле пом-ним! Помним и о том, что надо во что бы то ни стало довести наших бедных двоечниц до честных троек. Мы больше не занимаемся в стенах института, мы собираемся по очереди у каждой из нас. В день, когда нам выдают «сведения»— теперь это называется «табель», а у нас называлось «Сведения об успехах и поведении ученицы такой-то»,— мы, четверо заговорщиков (Лида называет нас «скопщиками»), сияем, как именинницы: все наши «студентки» получили тройки, честно заработанные трудом, своим и нашим. Только бедная Броня Чиж получила одну двойку — по французскому языку, и то главным образом за кляксы в тетради.

НЕЗАБУДУДКИ

В первый раз я попала в театр, когда мне было семь лет. Играли пьесу «В лесах Индии». Там были бесконечные погони и схватки с разбойниками, выстрелы, взрыв крепости и огромный картонный слон, шедший через всю сцену. Но мне больше всего понравилась одна артистка: она не произносила ни слова, только каждый раз, как злодей, грозя ей кинжалом, требовал, чтобы она открыла место, где спрятались от него благородные герои, эта артистка отрицательно мотала головой. «Не скажешь?» — в последний раз заорал на нее злодей. Она опять сделала головой знак: «Нет!» — и злодей заколол ее кинжалом. В афишке последней строкой в перечне действующих лиц было напечатано: «Малабарка — госпожа Стенина». Когда дома папа спросил меня: «Ну, кто тебе понравился больше всех?» — я, не задумываясь, сказала: «Малабарка — госпожа Стенина! Она умерла, но не выдала друзей». Я тогда не знала, что есть Малабарский полуостров, я думала, что «Малабарка» — это имя. И актрису на бессловесные роли, «госпожу Стенину», я помню и сегодня, спустя шестьдесят шесть лет: ведь она играла героическую и благородную Малабарку!

Но все-таки такого, чтобы я после театра ошалела от восторга, бредила тем, что видела,— такого со мной никогда не было. Одно было: я очень любила играть в театр. Пьесу я сочиняла сама, тут же, по вдохновению, во время действия. Играла я почти всегда одна. Партнерами моими были куклы, диванная подушка, злодеем всегда был буфет. «Ты еще жив, негодяй! — вопила я на него.— Сию минуту убирайся вон, или я размозжу тебе голову!»

Вот уже несколько дней, как все, и мама и Юзефа, стараются не оставлять меня наедине с папой, а папа подмигивает мне и делает до невозможности загадочное лицо. Это значит, что мне готовят какой-то сюрприз. Так всегда бывает перед елкой и в особенности перед днем моего рождения: вся семья — и дедушка, и бабушка, и дядя Николай, и дядя Мирон приходят с какими-то свертками и пакетами, которые складываются в мамином гардеробе и запираются на ключ. Папу ко мне не подпускают, его оттирают от меня, чтобы он не выболтал, какие мне готовят подарки. Иногда, улучив минуту, папа быстро-быстро шепчет мне:

— Мирон принес что-то такое длинное, а Николай — круглое.

— А что это такое? — любопытствую я.

— Понятия не имею! — признается папа.— Я только видел, что одно длинное, а другое круглое...

— Гоните Якова! — сердится Мирон.— Он ей все выбалтывает!

Так и теперь. Папа без конца подмигивает мне, мама отгоняет его от меня. Папа издали делает какие-то непонятные жесты: разводит руками, принимает горделивые позы, грозит кулаком; вообще можно подумать, что он сошел с ума. Понимаю я из всего этого только одно: меня ждет какое-то большое удовольствие.

Так оно и оказывается: мы едем в театр. Будут представлять пьесу «Елка». Мама немного ворчит, что она не знает этой пьесы, что, может быть, это не очень удачно, что лучше было бы другое, ну, вообще, как вор-

чат все мамы как раз тогда, когда предстоит что-нибудь интересное.

Даже сейчас, когда я вспоминаю эту «Елку», у меня по спине бегут счастливые иголочки, как пузырьки от нарзана. Вся эта пьеса длилась, ну, не больше 20—25 минут. После нее шла другая пьеса. Но эту, «Елку», я храню как самое дорогое воспоминание.

Сперва какой-то немолодой муж и очень молоденькая, востроносенькая жена, недавно поженившиеся, украшали в сочельник елку. Она миленько болтала-чирикала, он миленько улыбался ей, все было безоблачно. Вдруг горничная сказала этому немолодому человеку, что к нему пришли по делу. Жена сделала миленькую-миленькую гримаску: «Ну, какие, дескать, несносные люди! Постарайся, мол, поскорее спровадить этого человека!» — и грациозно выпорхнула вон из комнаты. Горничная ввела в комнату пришедшего по делу «несносного человека»,— и он оказался девочкой лет четырнадцати, в меховой шапочке, в короткой жакетке, из-под которой было видно коричневое форменное платье гимназистки. Девочка, ее зовут Олей,— дочь того немолодого человека. Он, оказывается, был раньше женат, у него были дети, но он оставил жену и детей и женился на другой женщине (той миленькой, востроносенькой). Совесть, однако, мучила его, прежнюю свою семью он все-таки любил, не забывал, сегодня, в сочельник, он послал им деньги — на рождественскую елку. Но девочка Оля не захотела принять деньги от отца, который их так оскорбил, оставил их, ушел от них. И она принесла деньги отцу обратно: «Нам ничего не надо, у нас все есть...»

Вот тут я впервые в жизни не то что поняла, а всем существом своим почувствовала: в театре всегда есть не только то, что зритель воспринимает глазами и слухом, то есть не только слова, которые произносят актеры, поступки, которые совершает тот или другой герой пьесы. Нет, есть еще всегда то, что *не* говорится и *не* делается, то есть то, что герой (и изображающий его актер) думает, чувствует, то, чего он желает или чего он, наоборот, хотел бы избежать. Это выражается не словами и не поступками, а звуком голоса, выражением глаз, непроизвольными движениями. Эту *внутреннюю* жизнь героя зритель воспринимает сердцем. Часто этим скрытым чувствам героя его слова и действия даже противоречат. Так, девочка Оля в пьесе «Елка» говорила отцу сурово, отчужденно, чтобы он взял обратно свой подарок, что им, ей, матери, младшим детям, не нужны эти деньги: у них все есть, и она, Оля, зарабатывает, давая уроки. Оля протягивала отцу деньги, которые он им прислал: не надо, мол, отказываемся мы от этого, не хотим от тебя ничего! Но ее глаза, голос, ее руки, протянутые к отцу, говорили о другом. Они горько, без слов упрекали: «Папа, за что ты бросил нас? Папа, мы любим тебя, мы несчастны без тебя...» Отец бросился к девочке, обнял ее, плача, прижал ее к себе. Оля быстрыми-быстрыми движениями, как легким касанием птичьих крыльев, дотрагивалась пальцами до лица своего отца, до его головы, лба, плеч; слезы, настоящие, не актерские, а живые слезы неудержимо катились из ее глаз; дрожала вспухшая от слез, искривленная горем верхняя губа. В этой короткой сценке отец и дочь не говорили друг другу почти ничего важного, значительного, но их слезы, их взгляды, выражение их лиц, нежность их речей говорили зрителю: да, отец и дочь любят друг друга и всегда будут любить, он любит и свою прежнюю семью тоже, жену и детей, и связь его с ними нерасторжима, хотя и ушел он от них, полюбив другую.

Когда пьеска кончается, зрительный зал без конца вызывает девочку Олю; она все снова выходит и выходит кланяться.

Тут я словно от сна просыпаюсь.

— Как она играет... девочка эта! — вырывается у меня с восхищением.

— А она вовсе не девочка,— говорит Леня, внук Ивана Константиновича.— Она актриса...

И он протягивает мне афишу, где напечатано, что роль Оли исполняет артистка госпожа В. Ф. Комиссаржевская.

После «Елки» играют какую-то веселую комедию. Ленька так хохочет, что на нашу ложу с удовольствием смотрят все соседи. Мы тоже смеемся, и я смеюсь: очень смешно играют. Но я на всю жизнь захвачена тем, что я видела в «Елке».

Такова была моя первая настоящая встреча с замечательной актрисой, любимейшей в моей жизни, Верой Федоровной Комиссаржевской. Но вместе с нею в мою жизнь навсегда вошел и театр, вошел, как судьба моя. Это поначалу было бесформенно и неопределенно. Кем я буду в театре, я долго не знала. Актрисой? Писателем, автором пьесы? Режиссером? Конечно, мне хотелось этого, но если бы мне пришлось быть в те-

атре хотя бы капельдинером или швейцаром, портнихой или истопником,— все равно, это казалось мне счастьем!

После «Елки» я сперва мечтаю быть актрисой. Я становлюсь перед зеркалом, протягиваю руки, как Оля в «Елке», и проникновенным (так мне кажется) голосом, «полным тихого страдания», говорю:

— Папа... папа...

Но тут в комнату приходит мой собственный папа, заспанный, оказывается, разбуженный мною, и сердито говорит:

— Ну, что ты хрипишь на весь дом, как удавленник: «Папа, папа...» Что тебе от меня нужно? Я только засыпать стал, а ты вопишь...

Это мой возглас, «полный тихой боли», прозвучал, оказывается, на весь дом, как вопль или хрипение удавленника!

Конечно, после этого вечера, «Елки», мы играем домашние спектакли. Каждое воскресенье у кого-либо из нас. Вот играем мы пьесу «Две королевы» — нашего сочинения. Есть там такая сцена: в спальню кроткой и несчастной французской королевы (ее играет Катенька Кандаурова) прокрадывается ночью негодяйка — английская королева (ее играю я). Я пробралась сюда, чтобы злодейски убить кроткую и несчастную французскую королеву. В руке моей дрожит и сверкает фруктовый нож. Я подхожу к «королевскому ложу», составленному из трех стульев,— на них спит королева — Катя — и рычу бульдожьим голосом трагический, яростный монолог, списанный без всякого зазрения совести из «Макбета» Шекспира, где его произносит леди Макбет:

...Сюда, ко мне, о демоны убийства!
Сгустите кровь мою, загородите
Путь сожаления к моей груди,—
И будет замысел мой тверд...
Скорей, глухая ночь,
Укрой мой нож,— и в мрачном дыме ада
Пусть он не видит раны...

Пока я говорю эти великолепные слова, в «зрительном зале», где сидят все мои подруги, Леня, Иван Константинович, мама, все время слышатся какие-то подозрительные звуки. У меня мелькает мысль: «Они плачут!.. Я их проняла своим монологом!»— и, ободренная успехом, я еще поддаю «рыка». Но тут я замечаю, что и сама французская королева — Катя — делает какие-то странные движения... Матушки мои! Это она старается удержаться от смеха! Такие ее старания и судорожные движения приводят к тому, что стулья, составляющие королевское ложе, разъезжаются во все стороны, и Катя с грохотом падает на пол. Зрительный зал чуть не рыдает от смеха, хохочет и сама Катя, лежа на полу. Только я одна беспомощно верчу в руках фруктовый

— Сюда, ко мне, о демоны убийства!

нож и не знаю, смеяться мне или плакать. В конце концов побеждает смех, я сажусь на пол около Кати и хохочу во все горло...

— Ну, с чего... с чего...— еле могу я выговорить сквозь смех,— с чего ты так развеселилась?

— Сашенька, милая!..— хохочет Катя.— Не обижайся, золотко... Но ты так страшно гримасничала...— И Катя заливается с новой силой.

— Шашура,— подбегает к нам Леня,— какая у тебя была смешная рожа! Ну, просто жаба мух ловит!..

Каково это слышать трагической актрисе, а?

Зато через две недели мы играем «Юбилей» Чехова, и это полный мой триумф! Я играю Мерчуткину, и успех вознаграждает меня за все минувшие неудачи.

Увлечение домашними спектаклями скоро сменяется новым увлечением: мы издаем журнал. «Издаем» — это, конечно, звучит слишком пышно. Мы еще не «издаем», мы только хотим «издавать». Мы объявили всем в классе, чтобы кто может, писал стихи, рассказы, повести — кто что хочет, кто что любит.

Главным редактором мы единогласно выбираем Лиду Карцеву. Она хотя еще сама ничего не написала ни хорошего, ни даже плохого, но у нее две тетки — писательницы. Одна из них даже награждена Пушкинской премией Академии наук,— шуточки! Лида знает всякие загадочные слова: это безвкусно, а то со вкусом, это поэтично, а то — еще как-то иначе.

В общем, Лида — самый подходящий редактор. В помощь Лиде — Маня, Варя и я.

— Если у нас наберется пять — шесть порядочных вещиц — вот и первый номер журнала! — с увлечением говорит нам Лида.

— А как мы его назовем? — спрашивает Маня.

— Я предлагаю заглавие «Пламенные сердца»! — говорит Варя. При ее басовитом «шмелином» голосе это звучит очень торжественно.

— Ох,— морщится Лида.— Невкусно!

— А ты его есть собираешься, что ли? — сердится Варя.— Ну, хорошо, давай иначе — «Незабудки».

Лида безнадежно машет рукой.

— Ладно,— вмешиваюсь я.— Заглавие придумаем потом, когда будет уже что-нибудь написано. А то придумываем имя, а ребенок-то еще не родился!

Все-таки Варя изготовляет вперед прелестную обложку для журнала: по всей обложке сыплются незабудки, а на изящном, косо нарисованном прямоугольнике заглавие журнала:

НЕЗАБУДУДКИ

— О-очень хорошо! — насмешливо восхищается Лида.— «Незабудудки»! — Замечательное изобретение Варвары Забебелиной!..

Варя смущена, но находит выход из затруднения: две лишних буквы в середине слова «Незабудудки» она превращает в маленькие незабудочки. Конечно, непонятно, почему заглавие в середине своей поперхнулось незабудочками, но ничего, сойдет!

Гораздо хуже то, что нам принесли для журнала. Стихи, в которых «ни складу, ни ладу», например:

РОЗА

В саду цветов росло немало,
Но всех пышнее роза расцветала.
В садик вошел раз маленький мальчик,
Розу на кустике он увидал.
К ней протянул он свой пальчик
И бедную розу сорвал.
  И нет уж хорошенькой розы,
  И все цветочки льют слезы.

Редактор Лида беспомощно разводит руками.

— Ну, можно ли поместить в журнале такую белиберду?

— Нельзя! — отвечаем хором Варя, Маня и я.

Одной из первых неожиданно приносит рассказ «Неравная пара» Тамара, сестра Лени.

Мы читаем... Бедный, но гениальный музыкант дает уроки сиятельной княжне. У нее глаза! У нее ресницы! У нее носик и ротик! У нее шейка! У нее золотые кудри, нежные, как шелк! У нее прелестные ручки и крохотные ножки! Описание красоты молодой княжны занимает почти целую страницу. У бедняка-музыканта нет ни ручек, ни ножек, ни шейки, ни ресниц. Но у него глаза «глубокие, как ночь», смелые и решительные, и он необыкновенно умный, образованный и талантливый. Молодые люди влюбляются друг в друга. Однажды юная княжна играет на арфе, музыкант слушает, сперва спокойно, а потом, придя в экстаз, он склоняется к ногам юной княжны и целует ее туфельку. Молодые люди мечтают пожениться. Об этом узнают старый князь и старая княгиня и решают отдать свою дочь

в монастырь: пусть живет до самой смерти монахиней, но только не женой бедного музыканта! Подслушав это родительское решение, молодая княжна бежит к озеру; ее белая вуаль развевается по ветру; она бросается в озеро и тонет. Бедняк-музыкант бросается за ней и тоже погибает. Конец.

Тамара приносит свое произведение мне.

— Почитай...— говорит она.— Не знаю, хорошо ли вышло. Но имей в виду: дедушка Иван Константинович читал и плакал! Слезами плакал!

Помолчав, Тамара добавляет:

— Если вы все найдете, что конец слишком печальный, так я могу написать другой: бедный музыкант спас княжну, когда она уже совсем, совсем утопала,— ну, прямо, можно сказать, уже пузыри по воде шли. Музыкант выловил ее из озера. После этого сердца ее родителей смягчились, и они разрешили молодым людям пожениться. Они поженились и жили очень, очень счастливо. Конец.

Этот рассказ «Неравная пара» обходит весь класс, и все плачут над ним. Мы, редакторы, в отчаянии: все плачут — значит, это хорошо? А мы все четверо, собравшись на первое редакционное собрание у меня, хохочем — тоже до слез.

— Что делать? — говорит наконец Лида.— Это же совершенный ужас! Безвкусица!

— Но все плачут!..— замечает Варя.

— Еще грустнее: значит, ни у кого нет вкуса! Ну, что у нас там еще есть?

Маня выкладывает на стол лист бумаги.

— Вот Меля Норейко принесла. «Страдалица Андалузия». Роман.

Маня читает вслух роман, написанный Мелей на одной страничке, вырванной из тетрадки. Можно смело сказать, самый короткий роман в мировой литературе!

«...Жила-была одна девушка. Ужасная красавица! И звали ее Андалузия. А пока маленькая, то Андзя. И к ней посватался принц, тоже красавец. Его звали Грандотель.

Они поженились. Но он оказался очень противный. Во-первых, пьяница. Во-вторых, злой-презлой. Дрался каждый день, а как, бывало, напьется, так хоть беги вон из дому! И, в-третьих, ужасно расточительный. Другой что заработает, то в дом несет, а этот принц Грандотель все из дому таскал.

И бедная Андалузия была несчастная страдалица.

В один прекрасный день принц Грандотель забрал из кассы всю выручку (они в Ковно торговали папиросами) и пошел в кабак и ужасно там напился. Пьяный, полез в драку, его забрали в полицию и посадили в тюрьму.

После этого несчастная страдалица Андалузия уже больше никогда, никогда не выходила замуж...»

— Все,— говорит Маня, дочитав «Страдалицу Андалузию».

Тут из соседней комнаты раздался голос папы. Он, оказывается, лежал там на диване и слушал все, что мы читали.

— Девочки! — говорит папа.— Я тут нечаянно услышал эти два произведения. Помоему, это бред. И знаете, что самое плохое? Это печальный бред! Жил когда-то, очень давно, Гиппократ, великий древний философ, «отец медицины». Так этот Гиппократ писал: «Бывает у больного бред веселый. Это неплохой признак: такой больной еще может выздороветь. А бывает бред печальный, мрачный — это плохо: такой больной почти наверное умрет». Эти рассказы, что вы здесь читали,— мрачный бред.

— ...И значит, журналу нашему предстоит помереть! — заключает Лида Карцева.

Никто из нас не возражает.

ЧЕРНОЕ ДЕЛО И СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Последние недели учебного года ползут так медленно, что вот, кажется, взяла бы хворостину и стала подгонять их, как гусей! Но все-таки они ползут и приближают нас к экзаменам, а там к каникулам. И как подумаешь, что скоро конец Дрыгалке с ее губками, поджатыми в ниточку, с ее пестрыми ручками, похожими на кукушечьи яйца,— становится так весело, хочется сделать что-нибудь оглушительно глупое: подпрыгнуть выше головы, завертеться волчком, как собака, которая ловит свой собственный хвост...

Но прежде всего надо, конечно, усиленно заниматься с двоечницами, подтягивать их к экзаменам. Теперь мы уже умные, ученые: мы знаем, что это называется «действие скопом» и что это запрещено. Мы не болтаем об этом зря, мы занимаемся не в институте, а по квартирам. Нас, «преподавательниц», стало больше: не только Лида, Маня Фейгель и я, но и Тамара, внучка Ивана Константиновича Рогова, она хорошо говорит по-французски, очень терпеливо и понятно объясняет все, что надо.

Дрыгалка все-таки что-то чует. Она пробовала выспрашивать, например, у Кати

Кандауровой, не занимается ли Маня с двоечницами. Но Катя, этот на удивление прямой и правдивый «ягненочек», как зовет ее Лида Карцева, сделала глупенькое лицо и сказала:

— А зачем Мане с двоечницами заниматься? Она ведь не двоечница!

Дрыгалка вздохнула над Катиной глупостью и отпустила ее:

— Ну, ступайте. Господь с вами!..

Подумать только: за один учебный год правдивую, честную Катю научили так здорово врать!

Но после этого случая Лида с сомнением говорит:

— Ох, смотрите!

— А что смотреть? Куда смотреть? Зачем смотреть? — сыплются на Лиду вопросы.

— Смотрите, как бы Дрыгалка чего-нибудь...

— Да что она может сделать, твоя Дрыга?

— А вдруг пойдет обходить квартиры? Ага, присмирели! — торжествует Лида.— Придет к тебе, Шура, а у тебя сидят четыре наших ученицы. Как вы объясните Дрыгалке, почему они у тебя «незаконное собрание» устроили?

Мы на минуту теряемся. Молчим. Потом Олюня Мартышевская говорит очень спокойно:

— Я скажу: я учебник потеряла, пришла к Саше учебник попросить...

— А я скажу,— так же спокойно продолжает Броня Чиж,— я на той неделе у Саши книжку брала почитать, вот теперь принесла.

— А я скажу: я Броню Чиж провожаю! — радостно заявляет Сорока.

— Ну, а ты, Люба, что скажешь? — спрашивает Лида у Любы Малининой.

— Что же мне сказать? — говорит Люба в полном замешательстве.— Ох, знаю, знаю! Я скажу: к нам домой собака ворвалась, страшно бешеная! Воды не пьет, и хвост у нее не вверх смотрит, а под живот опущен... Ужасно бешеная!

— Ну, и что? — продолжает Лида свой допрос.

— Ну, я, конечно, испугалась... и побежала сюда, к Саше.

— На другой конец города прибежала? — насмешничает Лида.

Вот какая правдивая, оказывается, Люба Малинина! Так и не научилась врать. Ничего, наш обожаемый институт, «наш дуся институт», он еще и Любу обработает, дайте срок. Научится врать Дрыгалке, как мы все научились.

Так мы гадаем о возможном налете Дрыгалки на чью-нибудь квартиру. А Дрыгалка и в самом деле налетает — к Тамаре! Но тут она терпит жестокое поражение, и, надо признать, только благодаря спокойной находчивости Тамары. Дрыгалка впархивает в квартиру Ивана Константиновича совершенно неожиданно. Проскользнув мимо оторопевшего денщика Шарафутдинова, она внезапно появляется в столовой, где сидят Тамара и еще пять девочек из нашего класса. Тамара потом рассказывает, что Дрыга ворвалась, «как демон, коварна и зла». К счастью, девочки только что пришли и еще не начинали заниматься, даже книг не успели разложить на столе. Девочки повскакали со стульев, стали «макать свечкой», здороваясь с Дрыгалкой. Но Дрыгалка только рассеянно кивнула им головой, не переставая шарить вокруг «пронзительным оком».

И тут вдруг начинает говорить Тамара самым ласковым и приветливым голосом:

— Здравствуйте, Евгения Ивановна! Это наши девочки ко мне пришли. Зверей посмотреть... Может, и вы взглянете?

— Зверей? — бледнеет Дрыгалка.— Как-к-ких зверей?!

— А это дедушка мой, доктор Рогов, разводит зверей... Три комнаты зверями заняты. Очень интересно! Жабы, лягушки, змеи...

До черепах, саламандр и рыб перечень зверей не дошел: Дрыгалка рванулась в переднюю и как пуля выбежала из квартиры.

Этот случай сразу облетает весь наш класс и делает Тамару героинею дня. А главное, с этого дня весь класс начинает хорошо относиться к Тамаре.

— Страшная вещь! — возмущается мой папа. — До чего исковеркали детей! За что они полюбили человека? За то, что он хороший, умный, честный? Нет, только за то, что талантливо соврал!

— Яков Ефимович...— обижается Тамара.— Я не соврала. То есть почти не соврала. Ну, малюсенько-малюсенько соврала: я сказала про змей, а у дедушки змей нету. А остальное все — правда! И ящерицы и лягушки — все у дедушки есть.

— Да, Яков, ты неправ,— вступается мама. — Тамарочка выручила подруг. И не ложью, а находчивостью.

После этого случая мы принимаем меры предосторожности. Можно надеяться, ко-

нечно, что Дрыгалка больше не сунется в квартиру Ивана Константиновича Рогова. Поэтому мы переносим туда занятия моей группы и группы Мани Фейгель. Квартира большая, места много. Для полной надежности в передней, прямо против входной двери, устанавливается террариум с жабами как устрашение для Дрыгалки, если бы она все-таки опять нагрянула. Лида Карцева занимается со своей группой у себя дома, но на эти часы мать Лиды, Мария Николаевна Карцева, ложится с книгой на кушетке в гостиной. Рядом с нею ваза с фруктами, коробка конфет: если Дрыгалка придет, Мария Николаевна усадит ее в кресло, будет угощать, «заговаривать ей зубы» и одновременно будет ласковым голосом звать Лиду:

— Лидуша! Лидуша! Посмотри, кто к нам пришел! Какая гостья!

Это будет сигнал, чтобы девочки улепетывали по черному ходу.

Мария Николаевна очень увлечена игрой; ее просто огорчает, что все это впустую и Дрыгалка не приходит.

— Лежу, лежу часами,— жалуется она своим детски-капризным голосом,— а эта ваша ведьма не приходит!..

Но тут вдруг начинаются неожиданные события. И не в институте, и, уж конечно, не в семьях учениц, а в далеком мире, за тысячи верст от нашего города! Словно забили там в огромный колокол и звон его загудел на всю Россию. Вся огромная страна содрогнулась и с гневом, потрясенная, прислушивается к его медному голосу...

На одной из больших перемен, когда мы завтракаем, сидя на излюбленной нами скамье около приготовительного класса, я вдруг замечаю в газете, в которую завернут завтрак Мели Норейко, такие строки:

«...Когда крестьянская девочка Марфа Горовизнина бежала по лесу, она увидела лежащий поперек лесной тропы прикрытый азямом труп неизвестного мужчины. Труп был без головы, от которой уцелел только грязный клок волос... У трупа не оказалось ни сердца, ни легких, они были кем-то вынуты. На трупе были следы уколов. Обвинение утверждает, что убитый человек был мучительно обескровлен еще живым: из него была выточена вся кровь...»

Дальше прочитать я не могу: Меля держит бутерброд пальцами и закрывает продолжение своим мизинцем. Страшно заинтересованная этой мрачной историей с трупом без головы (я как раз перед тем прочитала «Всадника без головы» Майн Рида), я схватываю Мелю за руку.

— Убери пальцы с газеты!

— Что, что? — пугается Меля.— Какие пальцы? С какой газеты?

Я сама отвожу ее пальцы, чтобы прочитать продолжение. Но, как говорится, увы, газета тут и обрывается: никакого продолжения нет. Я бесцеремонно заглядываю в другой Мелин пакет с едой, тоже завернутый в газету.

— Что ты делаешь, бзиковатая (сумасшедшая)? — сердится Меля.— Что ты меня пугаешь во время еды? Это вредно, я могу заболеть...

Но я ее не слушаю, я рассматриваю второй кусок газеты и нахожу следующие слова, они как будто продолжают прежде прочитанное о находке трупа на лесной тропе.

«... Я был на этой тропе. Трудно себе представить место, более угрюмое и мрачное. Кое-где проступают лужи, черные, как деготь, местами ржавые, как кровь...»

Дальше опять оборвано.

— Больше газеты у тебя нет? — спрашиваю я у Мели.

— Взбесилась, честное слово, она взбесилась! — всплескивает руками Меля.— На что тебе газета?

Но Лида, Варя, Маня, Катя, которым я дала прочитать найденные мною у Мели два клочка бумаги, так же взволнованы, как я.

— Надо в мусорном ящике посмотреть,— вдруг вспоминает Варя.

И мы все начинаем с остервенением рыться в мусорном ящике, как собаки в помойной яме. Раздается звонок — конец большой перемены. И как раз перед звонком я успеваю выхватить из множества грязных бумажек в сальных пятнах кусок газетного текста, напечатанный таким же шрифтом, как куски, найденные прежде.

Это опять только обрывок! И многих слов в нем не хватает: оторваны или запачканы.

«... Я посетил село Мултан. Я был на мрачной тропе, где нашли обезглавленный труп нищего Матюнина... Я еще весь охвачен впечатлениями ужасной, таинственной, неразъяснимой драмы... И мне хочется крикнуть: нет, этого не было! Судом два раза осуждены невинные... в нашем отечестве не совершают уже человеческие жертвоприношения!..»

Мы стоим, словно окаменели. Мы повалили мусорный ящик, из него выпало много

бумаги, объедков. Но мы не идем в класс, мы не можем.

Первыми опоминаются Лида и Маня. Они торопливо запихивают в мусорный ящик все его содержимое, мы помогаем, ставим ящик в угол и бежим в класс.

Хорошо, что последний урок — рукоделие. Думать о чем-нибудь, слушать объяснения учителей, отвечать на их вопросы мы бы, конечно, не могли. Меня минутами вдруг бьет дрожь. Когда я смотрю на подруг, особенно на Лиду и Маню, я вижу, что они чувствуют то же, что и я.

После уроков мы молча одеваемся и так же молча выходим на улицу.

— Вот что,— говорит Лида,— это все надо узнать точно.

— Конечно! отзывается Варя.— Иначе даже и не заснешь ночью!

Лида продолжает:

— Что мы узнали из этих засаленных газетных клочков? Что в каком-то селе Мултан (Где это? В Австралии?) нашли в лесу труп без головы, без сердца и легких... что кого-то обвинили в том, будто этого человека мучили... выточили из него всю кровь... Будто это было какое-то человеческое жертвоприношение... За это два раза осудили невинных... А кто виноват на самом деле, кто это сделал, никто не знает!

Я смотрю на Лиду просто с восхищением. Как быстро она схватила смысл того, что прочитала в газетных обрывках, как толково она свела все это в одно! Нет, удивительно она умная, Лида!

— Надо сделать так,— предлагает Лида,— я спрошу у моего папы. Ты, Маня, у твоего. Шура — у Якова Ефимовича... Еще и газеты просмотрим... Неужели же мы не узнаем всей правды?

— Я еще спрошу у моего дяди Мирона,— предлагаю я.— Он, наверное, знает...

Варя говорит с огорчением:

— А моя бабушка газет почти не читает... Да я и не хочу ее пугать: она ведь у меня старенькая...

— Конечно, не рассказывай бабушке! — говорим мы.

Мы подходим к перекрестку, где нам всем расходиться в разные стороны.

Я иду домой и думаю:

«А кто же писал эту статью, вон ту, клочки которой нам попались? «Я был там... я еще весь охвачен тяжелыми впечатлениями... И мне хочется крикнуть: не было этого! Суд осудил невинных!» Кто этот человек? Узнать бы это!..»

Дома я застаю и папу, и дядю Мирона, и дедушку. Мирон и дедушка сегодня у нас обедают.

Я вхожу в комнату и сразу, не здороваясь, спрашиваю:

— Папа! Что такое село Мултан и что там случилось?

Никто не удивляется моему вопросу! У меня почему-то даже мелькает уверенность, что именно об этом они сейчас разговаривали перед моим приходом! Но все молчат, переглядываясь.

— Что такое Мултан? Что там случилось? — повторяю я.— Ну, папа же!..

Папа смотрит на дядю Мирона.

Мы все начинаем с остервенением рыться в мусорном ящике.

— Мирон лучше может рассказать тебе... Он юрист.

Мирон, как всегда, начинает ворчать:

— Ну, конечно! Это несносный ребенок! И при чем тут то, что я юрист? Что ты хочешь? — говорит он сердито.— Чтоб я прочитал ей лекцию по философии права, да?

— Мне не надо никакой фалософии! — возражаю я с железной уверенностью, что это слово произносится именно так, как его выговариваю я.— Я хочу знать, что такое Мултан, кого там убили, кого судят, за что судят! А больше мне ничего не надо! Никакой фалософии!

В конце концов Мирон объясняет мне.

Село Мултан — в глухом краю Вятской губернии. Там вперемежку с русским населением живет народ вотяки [1]. Народ немногочисленный (их всего четыреста тысяч), малокультурный, но мирный и трудолюбивый. С русским населением вотяки живут дружно. И русские и вотяки живут крестьянской жизнью: обрабатывают землю, разводят скот, пчел, ловят рыбу, курят смолу, промышляют охотой.

Три с половиной года тому назад около села Мултан нашли в лесу труп нищего вотяка Конона Матюнина,— вот так, как было напечатано в обрывках газеты: без головы, без сердца и легких, с уколами на теле. Врач, осматривавший труп, признал, что никакого прижизненного мучительства тут не было: уколы сделаны после смерти, тогда же вынуты сердце и легкие, голова тоже отрублена у мертвого, а не у живого человека. Кровь из трупа тоже никем не выточена.

И все-таки местные полицейские и судебные власти решили, что тут совершено человеческое жертвоприношение вотяцкому божеству (хотя вотяки — христиане, православные)! Было арестовано несколько вотяков. Следствие велось два с половиной года! Велось, как Мирон говорит, непростительно небрежно. Суд был безобразный: обвиняемым не позволили даже вызвать на суд своих свидетелей, которые их знают, которые могли бы показать на суде, что они не виноваты. Наконец на суде обвиняемые показали, что на допросах их пытали и истязали, добиваясь от них, чтоб они признались в убийстве. Так же пытали и истязали свидетелей, вынуждая у них лживые показания. На суд был вызван «ученый-этнограф», якобы знаток быта вотяков; он нес несусветную чепуху и утверждал на основании народных сказок — а сказки-то ведь слагались много веков назад, да еще он и привел-то сказки не вотяков, а черемисов! — будто бы у вотяков есть обычай человеческих жертвоприношений. В конце концов обвиняемых признали виновными и приговорили к каторжным работам. Тем самым обвинили в людоедстве не только семерых осужденных вотяков, но и весь вотяцкий народ: раз эти семь человек принесли своему божеству человеческую жертву — значит, у вотяцкого народа есть такой страшный обычай.

Все это нам рассказывает дядя Мирон, и, надо отдать ему справедливость, хорошо рассказывает, очень понятно. Но мне этого мало.

— Значит, так это и будет? — спрашиваю я.— Их, несчастных, обвинили, и никто за них не вступится?

Папа, Мирон и дедушка переглядываются.

— Видишь, Мирон! — говорит папа, привлекая меня к себе.— От такого прокурора, как этот несносный ребенок, ты так скоро не отделаешься! Успокойся, прокурор,— обращается папа ко мне,— нашлись люди, заступились за вотяков, добились того, чтобы судебное дело было разобрано во второй раз...

— И их оправдали? — радуюсь я.

Взрослые снова переглядываются, словно советуясь, говорить мне все или не говорить. Потом папа отводит глаза в сторону и бросает коротко, словно нехотя:

— Нет. Не оправдали. Опять осудили.

— И конец? — спрашиваю я сдавленным голосом.

— Нет! — отвечает дядя Мирон.— Сейчас добились нового пересмотра дела. В третий раз! Он начнется на будущей неделе.

— Ох! — вырывается у меня с таким облегчением, словно с меня скатилось придавившее меня к земле бревно.— Ох, как хорошо!..

Мама из столовой зовет нас обедать. Папа и Мирон идут туда, а дедушка задерживается со мной в кабинете.

— А ты дурочка! — говорит он мне с упреком.— Бросаешься, как угорелая кошка: «Где? Кто? Что? Кого?» Ты бы дедушку своего спросила: дедушка читает каждый день не меньше трех газет, он все знает, он бы тебе давно все рассказал!

Вечером, когда я уже лежу в кровати, папа подсаживается ко мне, чтобы поцеловать меня на ночь.

[1] Ныне в Советской стране они называются удмуртами.

— Папа! — вспоминаю я.— А кто же это заступился за вотяков? Кто добился пересмотра дела?

Папа секунду молчит. Потом отвечает «торжественным» голосом:

— Писатель Короленко, Владимир Галактионович.

— Революционер? — спрашиваю я шепотом.

— Как видно, да. Сидел в тюрьме, был сослан куда-то, куда ворон костей не заносил. И писатель замечательный! Написал удивительную повесть — «Слепой музыкант»...

— «Слепой музыкант»? — радуюсь я.— Я это читала! Это чудно!

— Вот этот самый Владимир Галактионович Короленко услыхал про мултанцев еще после того, как их судили в первый раз. Многие знали об этом, многие возмущались,— страшное ведь дело! Но никто во всей России не откликнулся на него так, как Короленко! Он жил тогда в Нижнем Новгороде, бросил все, все дела и работы и занялся только этими вотяками. Объехал и обошел весь этот край Вятской губернии, опросил жителей, познакомился со всеми хорошими людьми,— они тоже возмущались мултанским делом, жалели несчастных вотяков... Во второй раз дело слушалось в городе Елабуге, и Короленко поехал туда! Он и его товарищи, двое журналистов из Нижнего Новгорода, прямо подвиг совершили: стенографисток на этом суде не было: местные власти не хотели, чтоб все безобразие этого суда попало в печать, а ведь стенографический отчет — это такой документ, в котором не пропадает ни одно слово! Власти хотели, чтоб все было записано бегло, расплывчато, чтоб можно было потом все переиначить и в конце концов замести следы своего подлого поведения в деле мултанцев...

Папа, забывшись, рассказывает мне о мултанском деле и о Короленко громко, во весь голос.

Мама входит к нам и с укором, даже сердито говорит папе:

— Яков, перестань кричать, как студент! Что ты ее будоражишь ночью, когда ей давно спать пора? Она и так ходит сегодня весь день сама не своя, а ты еще подливаешь масла в огонь! Сию минуту скажи девочке «спокойной ночи», и пусть спит.

Папа виновато разводит руками:

— Ну, братец ты мой... Значит, спокойной ночи — и все!

В первый раз в жизни я сержусь на маму.

— Хорошо,— говорю я (как мне кажется, «с достоинством», а на самом деле сердитым, кислым голосом).— Хорошо... Только я не усну ни на полминуточки, если папа не доскажет мне, что сделали на суде Короленко и его товарищи — журналисты!

Мама безнадежно машет рукой и выходит из комнаты. А папа, присев около меня, досказывает тихо то, о чем я прошу:

— Короленко и его товарищи — журналисты — записали от слова до слова весь судебный процесс, весь, понимаешь? Они писали с утра до ночи три дня, на пальцах у них сделались кровавые мозоли от карандаша, но они записали все! И спрятать это теперь уже невозможно. Вот что сделал Короленко и его товарищи — журналисты!

— Папочка, миленький! — умоляю я.— Одно словечко, одно! А кто всю эту подлость сделал? Кто убил нищего и взвел напраслину на вотяков, кто два раза осудил их?

Папа молчит, словно размышляет.

— Папа, честное, благородное слово, никому не скажу! Только одно слово: это сделало правительство?

Папа тихонько трогает мою косу, заплетенную на ночь.

— Ого! — говорит он.— Коса-то, коса и вправду коса! До половины лопаток доходит...

И, целуя меня, папа говорит шепотом мне в самое ухо:

— Да, правительство. Царское правительство... Спокойной ночи! — И уже в дверях, обернувшись ко мне: — А Мирон-то ведь прав! Ты удивительно несносный ребенок...

Назавтра Лида Карцева говорит мне как бы вскользь:

— У нас сегодня третий урок — закон божий. Ты свободна, я тебе дам прочесть одну вещь. Тебе и Мане Фейгель. В гимнастическом зале прочитаете. Я взяла это у моего папы...

Два первых урока я сижу как во сне. С одной стороны, я прислушиваюсь к тому, как отвечают наши отстающие, с которыми мы занимаемся. С другой стороны, ох, скорее бы прошли эти два урока, и Лида дала нам с Маней то, что обещала!

Перед уроком закона божия мы бежим в «пингвин», где Лида дает нам брошюру. Я быстро прячу ее под нагрудник школьного фартука.

— Только смотрите! — говорит нам Лида многозначительно.— Помните!

— Папа, что такое село Мултан и что там случилось?

Во время урока закона божия мы с Маней в гимнастическом зале быстро, жадно читаем брошюру, которую нам дала Лида.

Брошюра озаглавлена так: «Дело мултанских вотяков, обвиняемых в принесении человеческой жертвы языческим богам (Составлено А. Н. Барановым, В. Г. Короленко и В. И. Суходоевым под редакцией и с примечаниями В. Г. Короленко)».

Мы с Маней читаем с жадностью, быстро, буквально давясь, чтобы успеть прочитать брошюру до конца. Многое из того, что в ней напечатано, мы уже знали раньше. Очень многое мы узнаем впервые. Мы читаем, потрясенные, и, когда почему-либо наши пальцы встречаются, каждая из нас на секунду удивляется тому, какие ледяные пальцы у другой.

Больше всего потрясает нас описание того, как в городе Елабуге, при втором рассмотрении дела мултанцев, суд во второй раз вынес им обвинительный приговор.

«...Несколько секунд,— пишет В. Г. Короленко,— в зале царствовала гробовая тишина, точно сейчас сообщили собравшимся, что кто-то внезапно умер... Семь обвиняемых вотяков стояли за решеткой, как будто еще не понимая вполне того, что сейчас с ними случилось...

Я сидел рядом с подсудимыми. Мне было тяжело смотреть на них, и вместе я не мог смотреть в другую сторону. Прямо на меня глядел Василий Кузнецов, молодой еще человек, с черными выразительными глазами, с тонкими и довольно интеллигентными чертами лица... В его лице я прочитал выражение как будто вопроса и смертной тоски. Мне кажется, такое выражение должно быть у человека, попавшего под поезд, еще живого, но чувствующего себя уже мертвым. Вероятно, он заметил в моих глазах выражение сочувствия, и его побледневшие губы зашевелились... Он закрыл лицо руками.

— Дети, дети! — вскрикнул он, и глухое рыдание прорвалось внезапно из-за этих бледных рук, закрывавших еще более бледное лицо...

...В углу, за решеткой, за которой помеща-

лись подсудимые, стоял восьмидесятилетний старик Акмар, со слезившимися глазами, с трясущейся жидкой бородой, седой, сгорбленный и дряхлый. Его старческая рука опиралась на барьер, голова тряслась, и губы шамкали что-то. Он обращался к публике с какой-то речью.

— Православной! — говорил он.— Бога ради, ради Криста... Коди кабак, коди кабак, сделай милость.

— Тронулся старик,— сказал кто-то с сожалением.

— Коди кабак, слушай! Может, кто калякать будет. Кто ее убивал, может, скажут. Криста ради... кабак коди, слушай...

— Уведите их в коридор,— распорядился кто-то из судейских.

Обвиняемых вывели из зала...»

Мы прочитали. Мы с Маней смотрим друг на друга невидящими глазами. Словно мы побывали в зале Елабужского суда, сами видели деда Акмара, сами слышали его наивную и трогательную мольбу, чтобы православные люди шли в кабак и прислушивались там к тому, что «калякает» (говорит) народ... «Кто ее убивал?» (то есть кто убил его, нищего Конона Матюнина)...

Мы с Маней не плачем. То, что мы прочитали, нанесло нам такой удар, после которого можно только сжимать кулаки, ненавидеть, проклинать, но не плакать.

— Вчера приехал мой брат. Студент...— шепчет мне Маня.— Он привез список с письма, которое Короленко написал кому-то из своих друзей после второго суда над вотяками. Это в Петербурге читают все и передают друг другу из рук в руки. Возьми и читай быстро. Скоро звонок...

И я читаю переписанное Маниной рукой письмо В. Г. Короленко:

«...Здесь приносилось настоящее жертвоприношение невинных людей — шайкой полицейских разбойников под предводительством прокурора и с благословения Сарапульского окружного суда. Следствие совершенно фальсифицировано, над подсудимыми и свидетелями совершались пытки. И все-таки вотяки осуждены вторично, и, вероятно, последует и третье осуждение, если не удастся добиться расследования действий полиции и разоблачить подложность следственного материала. Я поклялся на сей счет чем-то вроде аннибаловой клятвы и теперь ничем не могу заниматься и ни о чем больше думать. Теперь для меня есть семь человек, невинно убиваемых на глазах у всей России, и я до сих пор слышу их стоны после приговора...»

— Маня...— говорю я шепотом, губы мои не слушаются, они дрожат.— А брат не говорил тебе, почему правительство делает это? Зачем?

Маня отвечает так тихо, что я слышу ее только сердцем, взволнованным и потрясенным сердцем.

— Брат говорит: царское правительство понимает, что все недовольны им. Оно боится, как бы недовольные не сдружились, не сговорились между собой,— тогда бы они стали сильные и сбросили это правительство! И оно науськивает всех друг против друга, одни народы против других. Вот русский народ — добрый народ, великодушный, и его натравливают на малые народы (в России очень много малых народов), ему рассказывают о них всякие подлые басни и байки, чтобы он их ненавидел. «Вот,— говорят ему,— видишь, рядом с тобой живут вотяки? Ты с ними дружишь, ты их не трогаешь, а они твои враги! Они убивают людей и приносят их в жертву своим богам...»

— Маня, самое последнее,— говори скорее, сейчас начнется перемена! — а кто же на самом деле убил этого нищего?

— Ну, это не хитрое дело. Нашли где-то труп нищего,— может быть, он спьяну умер на дороге, в лесу или замерз. Отрубили у него, у мертвого, голову, вынули сердце и легкие, искололи труп ножом... Врачи сказали ведь, что все это сделано не на живом, а на мертвом!

Раздается звонок к перемене. Я иду из гимнастического зала, как оглушенная. В голове моей мысли мечутся, как белки.

Как страшно, ох, как страшно думать обо всем этом!

И вдруг, словно солнце, в уме встает мысль о Короленко. Писатель, автор «Слепого музыканта», бросил все, ринулся защищать маленький вотяцкий народ, обвиненный в людоедстве. Добился второго, а теперь уже и третьего суда! И ведь Короленко не один; папа сказал: «С ним все лучшие люди России»... Мне становится веселее!

На перемене Лида Карцева рассказывает мне как раз об одном из этих лучших людей России: об обер-прокуроре сената, сенаторе Кони, по заключению которого и происходит теперь третий разбор злополучного мултанского дела. Лида знает это от своего папы. Сенатор Кони, которому сенат поручил ознакомиться с этим делом и дать заключение, так и заявил: «В этом деле совершена жестокая ошибка. Обвиняются не какие-то отдельные люди, совершившие или не совершив-

шие преступление, а обвиняется вместе с ними весь вотяцкий народ!»

Много времени спустя — через двадцать пять—тридцать лет — я познакомилась и встречалась с А. Ф. Кони. Было это уже после Великой Октябрьской революции, и А. Ф. Кони был уже бывший сенатор: революция упразднила сенат. Но Кони не злобствовал, как многие другие, не эмигрировал за границу. Глубокий, семидесятилетний старик, он принял революцию, он работал с Советской властью: писал воспоминания, читал лекции матросам Балтийского гвардейского экипажа и делал это с увлечением. Как-то в те годы я сказала ему: «Анатолий Федорович, когда я была маленькой девочкой, я восхищалась вашим поведением в деле мултанских вотяков». А. Ф. Кони улыбнулся тонко и мудро и, помолчав, сказал: «Да. Это — хорошее воспоминание моей жизни... Но восхищаться следует не мной, а Владимиром Галактионовичем Короленко».

ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ

12 мая начинаются у нас переходные письменные экзамены во второй класс. Первый экзамен — арифметика.

Накануне начался третий суд над мултанцами.

Дрыгалка буйствует, словно вконец взбесившаяся собачонка. Нас рассаживают так, чтобы никто не мог ни списать, ни подсказать, ни помочь подруге. Скамьи установлены в актовом зале, и на них сидят девочки из обоих отделений, первого и второго, перемешанные между собой. Справа от меня сидит Ляля Гагарина — она же «Ляля-лошадь», слева — Зоя Шабанова. Ляля-лошадь, обычно жизнерадостно ржущая деваха, сегодня мрачна, как зимние сумерки. Она смотрит на меня взглядом утопающей и мрачно говорит:

— Ни в зуб ногой!..

Это, очевидно, точное определение ее знаний.

Зоя Шабанова шепчет мне:

— Сашенька, поможешь?

— Конечно, помогу!

— И мне? — спрашивает с надеждой Ляля-лошадь.

— Помогу!

Но это оказывается ой как трудно! Экзамен по арифметике, и Федор Никитич Круглов дает экзаменационные задачи и примеры так, что каждый вертикальный ряд девочек решает не то, что соседний. То же самое, что решаю я, решает та девочка, которая сидит впереди меня, и та, которая сидит сзади. А соседки мои по горизонтальному ряду, справа и слева, решают другую задачу и другие примеры. Как им помочь?

Каждой из нас дано два листка бумаги, пронумерованных — для черновика и беловика. Я делаю вид, что мне трудно, что у меня что-то не ладится: насупливаю брови, сосредоточенно смотрю в сторону. Смешно сказать, но мне действительно немного мешает непривычность того, что я вижу из окна. В классе, окна которого выходят на улицу, я привыкла видеть поверх той части стекол, которые окрашены белой масляной краской, кусок огромной вывески на доме визави:

...ская дума и управа

Это часть вывески: Городская Дума и Управа. А над домом Думы и Управы я всегда вижу пожарную каланчу и высоко-высоко на ее вершине шагающего дозором по балкончику дежурного по пожарной охране города. С балкончика пожарной каланчи, говорят, виден весь город: чуть где загорится, дежурный поднимает тревогу, и из думского двора с громом и звоном выезжает пожарная команда. Выезд пожарных нам в институте не виден: ведь наши окна до середины закрашены. Но в самих звуках пожарного поезда, в звонах, коротких криках команды, в грохоте и металлическом скрежете есть что-то одновременно и беспокойное, и бодрящее, и тревожное, и успокаивающее:

— Пожар! Пожар! Горим! Помогите!

— Едем, едем, едем! Держитесь, выручим!

Здесь, в актовом зале, окна не закрашены, но в них не видно, за ними не угадывается никакой жизни: они выходят не на улицу, а на институтский двор с садиком. Сейчас, когда во всех классах идут экзамены, во дворе и в саду не видно ни одного человека. Только по тополям иногда проносится поглаживающий ветер, под которым шевелятся их серебряные листья.

Я уже решила задачу в черновике, но нарочно не тороплюсь переписывать ее набело: ведь чуть только Дрыга увидит, что я кончила, надо будет подать листок с решением и уходить. А у моих соседок дело, видимо, идет плохо. Перед ними лежат чистенькие оба листка: и черновой и беловой. Надо их выручать.

Зоя Шабанова смотрит на меня умоляюще, Ляля-лошадь явно собирается заплакать. Улучив минуту, когда и Дрыгалка и классная дама первого отделения (по прозвищу Мопся) находятся на другом конце, я быстро схватываю чистенький, без единой ци-

фирьки, с одним только заданием черновой листок Зои Шабановой и подсовываю ей свой беловой листок, тоже еще чистый. Зоя делает вид, что углубляется в работу, а я быстро решаю ее задачу и примеры и снова меняюсь с ней листками. Вся эта операция проходит как по ниточке! Никто ничего не заметил! Зоя спокойно переписывает то, что я ей решила. Но только я хотела проделать тот же фокус с Лялей-лошадью, как «ихняя Мопся» становится как раз у нашего горизонтального ряда и не спускает с нас глаз. Просто как неподвижный телеграфный столб! Тут же подходит и наша обожаемая Дрыга и нежным голосом (обе «синявки» разыгрывают друг перед другом комедию сердечной дружбы со своими воспитанницами) говорит мне участливо:

— Что же это вы так долго, Яновская? Неужели не решили?

— Евгения Ивановна, я решила, но хочу еще раз проверить...

— Правильно, Яновская! Правильно! — от души одобряет меня Дрыгалка и говорит негромко Мопсе: — Очень послушная девочка...

Это про меня! Про меня, которую она весь год только и делала, что травила! Я смотрю в свой листок и мысленно говорю: «А, чтоб ты пропала!»

Совсем, как мой дедушка, когда он читает в газете, что английская королева Виктория сделала что-нибудь, что ему, дедушке, кажется неправильным!

Наконец обе «синявки» проходят дальше. Я повторяю с Лялей-лошадью то же, что с Зоей Шабановой. Ляля перестает рыдать и прилежно списывает набело то, что я ей подсунула.

Тогда я быстро переписываю свое и подхожу к столику экзаменаторов, за которым сидят Колода и Круглов.

Федор Никитич просматривает мой листок, смотрит на итог задачи и примеров и одобрительно говорит:

— Молодец, Яновская! Все правильно. И почерк какой стал славный...

И я ухожу из зала. Я сама себя чувствую молодцом: как хорошо удалось решить задачи для Зои Шабановой и Ляли-лошади!

Почти бегу я по коридору (а этого ведь нельзя, надо «плавно-тихо-осторожно»), скатываюсь с лестницы и, на ходу одеваясь, бегу к двери на улицу.

— Куда так поспешно, Шура? — шутливо-кокетливо кричит мне розоволицая пятиклассница Хныкина, та, которую «обожает» Оля Владимирова.— Вас кавалер ждет на улице, да?

— Да, кавалер! — И я вылетаю на улицу.

Вот он, мой дорогой кавалер! Стоит на углу и ждет меня. Это дедушка. Он вчера обещал мне, что встретит на улице, сообщит мне газетные известия о мултанском деле.

— Дедушка, миленький... Ну?

Но дедушка очень хмурый.

— Не «ну», а «тпру»! — ворчит он.— Пока все очень плохо.

И он объясняет мне. Процесс начался вчера. Состав суда плохой («На помойку!» — по дедушкиному выражению): и судьи и прокурор — все те же, которые уже два раза в прошлом осудили мултанцев. Чего же можно от них ожидать? Они, конечно, в лепешку разобьются, чтобы доказать, что они были правы, что вотяки виновны, что незачем было огород городить и в третий раз ворошить это дело!

Я быстро переписываю свое решение и подхожу к столику, за которым сидят Колода и Круглов.

Но самое грустное, по словам дедушки, то, что очень плохой состав присяжных. А ведь вопрос о виновности или невиновности подсудимых решается на основании мнения присяжных: если присяжные сказали: «Да, виновны!» — судьи уже не могут оправдать подсудимых. Поэтому очень важно, чтоб присяжные были как можно более культурные, как можно более умные и толковые, в особенности в таком процессе, как мултанский, где надо хорошо разбираться во всей клеветнической стряпне полиции, во всей грязи лжесвидетельства и всякого вранья... А тут присяжных нарочно подобрали самых темных, неграмотных,— такие легко поверят всяким бабьим сказкам о том, будто бы вотяки каждые сорок лет приносят человеческую жертву своим языческим богам...

— Опять же,— говорит дедушка,— опять же плохо: не позволили защите вызвать на суд ни одного свидетеля! А свидетелей обвинения — сплошь лжесвидетелей! — на этом процессе выставили еще на одиннадцать человек больше, чем в прежних двух процессах! Конечно,— добавляет дедушка,— пока человек хоть немножко еще дышит, надо верить, что он будет жить... Будем думать, что и мултанцев оправдают... Но что-то похоже, что их закатают на каторгу!

Мы стоим с дедушкой на углу и молчим.

— Ну, что ж...— вздыхает наконец дедушка.— Повеселились мы с тобой, и довольно. Пойдем домой.

Но мне нужно дождаться, пока выйдут все мои подруги, узнать, кто как сдал, не провалились ли наши «ученицы». Я прошу дедушку сказать дома, что я экзамен выдержала, и остаюсь дожидаться у подъезда института. Дедушка уходит домой.

Наши выдержали все до единой! Есть срезавшиеся из числа учениц первого отделения. Всего удивительнее — срезалась Ляля-лошадь! Она не решила задачи,— вернее, ее мозгов не хватило даже на то, чтобы хоть списать то, что решила для нее я... Зоя Шабанова — та выдержала экзамен и очень довольна. А Ляля-лошадь ревет коровой и — самое великолепное! — обвиняет в своей неудаче меня.

— Она... у-у-у! Она... гы-ы-ы!.. нарочно... Она мне неверно решила, чтоб я срезалась...

То, что я выручала ее, рискуя — в лучшем случае! — отметкой по поведению, а может быть, даже исключением из института (ведь со мной бы церемониться не стали! Исключили бы — и все), этого Ляля не понимает, не хочет понимать. А ведь я уверена, что, если бы мне пришлось плохо и она, Ляля-лошадь, могла спасти меня, она бы для этого палец о палец не ударила!

К счастью, другие девочки из ее же первого отделения стараются вправить ей мозги.

— Да-а-а... Как же! Помогла она мне! — продолжает всхлипывать Ляля-лошадь.— Нарочно... нарочно мне неверно написала... чтоб я срезала-а-а-ась... У-у-у, какая!

— Что ты на нее смотришь! — сердится на меня Лида Карцева.— Она лошадь, ну и ржет. Не стоит из-за этого огорчаться, Шурочка!

В эту минуту Ляля лезет в карман за носовым платком и вместе с ним вытаскивает какой-то листок бумаги. Варя выхватывает у нее из рук этот листок.

— Вот оно! Вот решение, которое тебе написала Шура! — торжествует Варя.— Ну, вот, смотрите, все смотрите: верно Шура ей решила или нет?

Все разглядывают листок и удостоверяются в том, что Ляля-лошадь обвинила меня облыжно: на листке моей рукой написано совершенно правильное решение задачи и примеров. Кто-то предусмотрительно рвет листок в клочья и бросает их в мусорный ящик, чтоб не попался в руки «синявок».

С этого дня у всей нашей компании девочек жизнь течет, словно две набегающие друг на друга струи: всю неделю мы через день сдаем письменные экзамены (по арифметике, по русскому и французскому языкам) и ежедневно читаем газетные известия о ходе суда над мултанскими вотяками. Экзамены, хоть мы и волнуемся, протекают нормально и успешно. Зато течение суда неровное, тревожное. То кажется, что все повертывается для подсудимых хорошо, то внезапно наступает резкое ухудшение. За подсудимых самоотверженно борются В. Г. Короленко и один из знаменитейших адвокатов России, петербургский присяжный поверенный Н. П. Карабчевский (Короленко уговорил, увлек Карабчевского заняться делом вотяков, и все знают, что Карабчевский не берет никакого вознаграждения за свое участие). Короленко, Карабчевский, группа местных адвокатов дерутся за жизнь вотяков, за честь всего их народа там, в зале суда. Но все честные люди во всей России в течение восьми дней живут этим делом, волнуются, тревожатся, надеются, спорят, строят до-

гадки и предположения. Все это создает такое напряжение, словно миллионы проводов соединяют семерых вотяков на скамье подсудимых в городе Мамадыше со всей остальной Россией. И каждая самая маленькая подробность судебного дела гудит по этим проводам, как по туго-туго натянутым струнам...

Наконец экзамены наши кончены. Завтра нам выдадут годовые «Сведения об успехах и поведении». Завтра же будет объявлен приговор по мултанскому делу...

Вечером папа возвращается домой с необыкновенно таинственным лицом.

— Я тебе сейчас покажу такое!.. До потолка подпрыгнешь...— И он достает из кармана бережно завернутую в бумагу фотографию. — Смотри: Короленко!

На фотографии кудрявая голова и густо заросшее бородой лицо. Из этих обильных волос смотрят глаза необыкновенно добрые, чистые, умные. А в этих глазах та правда, которую не затопчешь, не утопишь, не сгноишь в тюрьме. Правда, которая не согнется, не заржавеет, не сломается...

— Это мне насовсем?— спрашиваю я.

— Нет, только посмотреть... Это у меня такие больные есть. Короленко подарил им свою фотографию. Они ею очень дорожат. Знаешь, — вспоминает папа, — что они мне еще рассказали? Когда Короленко уезжал из Петербурга на суд над мултанцами, заболела одна из его дочерей. Он знал, что девочка больна смертельно, что он, может быть, никогда больше не увидит ее, и все-таки поехал!

Помолчав, папа добавил:

— А девочка на днях в самом деле умерла...

На следующий день у нас выдают «Сведения об успехах и поведении». Переведены в следующий класс почти все, кроме трех или четырех отпетых лентяек. Лида Карцева, Маня Фейгель и я переведены в следующий класс с 1-й наградой — с похвальным листом и книгой. Тамара Хованская переводится со 2-й наградой — с похвальным листом.

«Сведения» раздает нам Дрыгалка. Мы сидим в классе, как на уроке. Дрыгалка называет наши фамилии по алфавиту. Каждая выкликнутая ею девочка выходит из парты, приближается к столику, за которым сидит Дрыгалка, и получает из ее рук листок «Сведений». Мы все такие веселые, счастливые, каждая из нас готова броситься на шею даже Дрыгалке и расцеловать ее! Од-

Мы, словно по команде, пускаемся парами плясать в аллее сквера...

нако самой Дрыгалке это чудесное настроение не передается: она, как всегда, сухая и чужая. Каждой девочке она дает листок «Сведений» и говорит своим бумажным голосом:

— Поздравляю вас...

Девочка «макает свечкой», потом берет свой листок и возвращается на место.

Когда все «Сведения» розданы, Дрыгалка встает и говорит:

— До свидания, медам. Желаю вам хорошо провести лето.— Улыбаясь (чудеса!) и грозя нам пальчиком, она добавляет: — И поменьше шалить...

Кивнув нам сухонькой головкой, Дрыгалка направляется к двери. Но тут же, спохватившись, она снова обращается к нам:

— А теперь ступайте вниз. Пара за парой. Не шаркать, не топать, не возить ногами... Одеться и уйти!

— Нельзя сказать,— говорю я Лиде,— чтобы Дрыге было очень грустно расставаться с нами!

Лида серьезно отвечает:

— А нам? Нам разве грустно расставаться с ней? Мы только оттого и счастливы, что больше ее не увидим.

На углу улицы меня ждет дедушка. Он издали машет мне газетой и кричит:

— Оправдали! Оправдали!

Вот она, правда! Как говорил когда-то мой первый учитель, Павел Григорьевич: «Правду нельзя ни утопить, ни запереть в каменную тюрьму, ни зарыть в землю: правда снесет все запруды, она пророет себе путь под землей, она проест железо и камень, она встанет из гроба!»

— Пускай их пляшут!—добродушно говорит Андрей.

Мултанские вотяки оправданы и свободны!

С дедушкой и группой моих подруг мы проходим в соседний Екатерининский скверик, занимаем две скамейки. Дедушка просто расцвел от радости. Еще недавно Юзефа сокрушалась:

— Наш старый пан аж с лица спал через тех румунцев (румунцы, всякий понимает,— это вотяки).

И действительно, в последние дни, когда исход процесса казался неблагоприятным, дедушка положительно не находил себе места от тревоги и беспокойства. Сейчас вотяки оправданы, я перешла с 1-й наградой — дедушка смотрит на мир гордо и весело, как цветущий пион.

— Девочки...— говорит Маня, обычно такая робкая и молчаливая.— Как хорошо, девочки! Ну, чего, чего нам еще надо, когда все так хорошо?!

Где-то близко слышен знакомый приятный голос, выпевающий:

— Сах-ха-харно-морожено!

— Вот оно! — говорит дедушка.— Вот чего вам надо... Я сейчас угощу всех вас мороженым!

Через минуту — другую Андрей-мороженщик со своей кадкой на голове подходит к нашим скамьям. Спокойно, неторопливо он снимает с головы кадку, ставит ее на землю, разминает рукой замлевшую шею.

— Никак старый господин Яновский? — вглядывается он в дедушку.— И Сашуркабедокурка!..

Так же узнает он почти всех присутствующих.

— А что, господин Яновский,— спрашивает Андрей,— тех басурман-то, слышно, оправдали, слава богу?

— Они не басурманы! — отвечает дедушка.— Они люди. Их хотели зазря закатать в каторгу,— не вышло.

— Не попустил господь! — крестится Андрей.

Мы переглядываемся с Лидой, Маней, Варей. Мы знаем: не бог спас мултанских вотяков, а писатель Короленко и все те, кто вступился вместе с ним за этих несчастных людей.

Мы с наслаждением едим мороженое. Андрей скатал нам шарики, наполовину из сливочного, наполовину из крем-брюле, или, как его называет Андрей, «крем-бруля».

— Вкусно!—причмокивает Меля.— С ума сойти!

В это время в одном из соседних дворов шарманка начинает играть модный вальс «Невозвратное время». Мы прислушиваемся и, словно по команде, пускаемся парами плясать в аллее сквера.

— Девочки! — пытается дедушка остановить нас.— Здесь же сквер, неудобно!

— Пускай их пляшут! — добродушно говорит Андрей.— Кому ж и плясать, как не им! Русскую пословицу знаете? «Концы сыты — и середка весела. Середка сыта — и концы играют»...

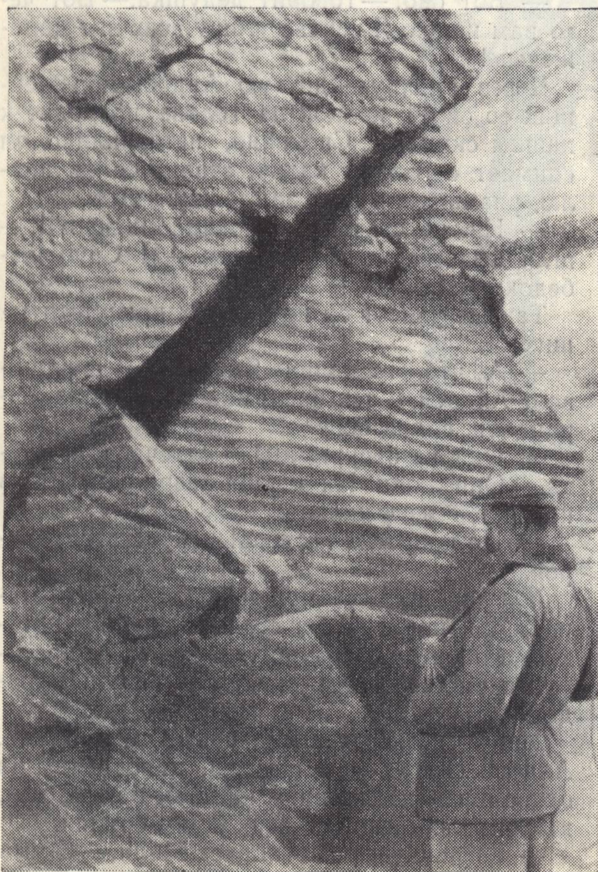
Мы пляшем!

Мы пляшем, хотя вокруг нас все теснее и ближе смыкается холодная, злая жизнь, хотя нам еще целых шесть лет надо учиться в нерадостном, мрачном институте...

Ничего! Мы одолеем эту учебу! Мы осилим зло и несправедливость! Мы еще увидим новую жизнь!..

Вы прочитали здесь, ребята, главы из книги Александры Яковлевны Бруштейн «В рассветный час». Книга эта составляет вторую часть трилогии «Дорога уходит в даль». Сейчас писательница работает над третьей частью. А повесть «В рассветный час» выходит отдельным изданием в Детгизе, и вы скоро сможете прочитать ее целиком. Если же кто-нибудь из вас не читал еще первой части, которая называется, как вся трилогия, «Дорога уходит в даль», обязательно прочитайте: вы познакомитесь с жизнью Саши Яновской до ее поступления в институт.

Бывшее дно бывшего моря



Видал ты рябь на дне реки, под водой? Если взглянуть на морское дно, там тоже увидишь рябь. Это ил и песок ложатся такими волнами под действием донных течений. А вспомни рябь, какая бывает на песке от ветра! И тут и там действуют одни и те же законы. Ведь ветер — это тоже течение, только воздушное, а не водяное.

Но вот на фотографии геолог. Выполняя работу экспедиции, он забрался высоко в горы и там на круто вздыбленной скале увидел рябь, окаменевшую рябь давно исчезнувшего морского дна.

Миллионы лет назад ее создали морские течения. На нее легли новые слои ила и песка, под тяжестью этих слоев, под тяжестью толщи воды нижний слой спрессовывался в камень-песчаник.

Потом, вследствие движений земной коры, море мелело, исчезало, его дно поднималось горами. В складки сминалось и дыбилось бывшее дно бывшего моря. Высоко над новорожденными долинами открытые солнцу, ветрам, дождям и снегам песчаники выветривались, растрескивались, и вот открылась глазам рябь древнего морского дна, «законсервированная» на миллионы лет.

Снимок этот сделан на Юго-Восточном Алтае, в верховьях реки Чулышман.

Евг. Девяткин

ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ
снова в наш лагерь!

Что затеяли на этот раз ребята? Что нового в звеньях?

ТАИНСТВЕННОЕ

В один из первых лагерных дней на доске объявлений появился странный плакат. Вверху листа привычное слово «объявление» летело куда-то в поднебесье на разноцветных воздушных шариках. Выше всех почему-то забрался красный шар с буквой «И». И шарики, наверное бы, улетели, если б не ниточки, которыми они были привязаны к увесистому вопросительному знаку, занимавшему большую часть листа. Вопросительный знак тоже был странный. Он улыбался и болтал ногами. Честное слово! А кроме того, он был в черной полумаске. Под всем этим стояла подпись: «Веселое звено».

В нашем необычном лагере, как вы знаете, все уже давно выбрали себе звено по вкусу: кто — спортивное, кто — юных туристов, кто — морское... «Веселого звена» в лагере не было — это все знали твердо. Кто же повесил такое странное объявление? Что оно означает?

Ребята подозрительно приглядывались друг к другу и по временам понимающе подмигивали. В таких случаях это обычно означает: «Я почти все знаю, расскажи мне только о кое-каких мелких подробностях, и, даю тебе слово, я никому не проболтаюсь».

Подмигивания ни к чему не привели. А тем временем объявления с подписью «Веселое звено» стали попадаться в самых различных местах и становились все загадочнее и загадочнее. Они, например, призывали ребят, для того чтобы открыть тайну вопросительного знака, совершить дальнюю прогулку по заданному в объявлении маршруту, и когда ребята приближались к конечному пункту путешествия, перед ними возникала какая-нибудь шифрованная надпись, которую предлагалось прочитать. Ребята послушно принимались за дело, и, если им это удавалось, тайна вопросительного знака становилась еще загадочнее.

Когда любопытство и нетерпение достигли предела, доску объявлений украсил новый плакат. На ниточках воздушных шариков вместо вопросительного знака теперь повисло сверкающее огнями фейерверков слово «карнавал».

Сразу стали понятными все таинственные намеки, скрывавшиеся в шифрованных надписях и загадочных рисунках. Но это не успокоило никого. Наоборот, лагерь пришел в негодование.

— Карнавал — это наше общее дело,— твердо заявили спортсмены,— и мы не можем допустить, чтобы кто-то присвоил себе право втихомолку заниматься его подготовкой. Хорош карнавал без выступления спортивного коллектива!

— Что это за таинственное «Веселое звено»! — возмущались туристы.— И почему мы должны доверить ему подготовку такого ответственного мероприятия? Курам на смех — карнавал без викторины «Знаешь ли ты родной край?»

В общем, все вели себя так, словно это они уже давным-давно решили провести карнавал и вот теперь кто-то собирается присвоить себе такую замечательную идею.

Кое-кто вообще усомнился в существовании веселого звена. И все же веселое звено существовало! Больше того, пионеры этого звена уже начинали кое о чем проговариваться, прозрачно намекая на то, что им многое известно и они имеют некоторое отношение к объявлениям, взбудоражившим весь лагерь. По всему было видно, что сохранять тайну для них теперь стало мучительно.

И тогда вожатый веселого звена решил: «Пора!»

Под доской объявлений появился столик, покрытый темно-синей скатертью, усыпанной золотыми звездами. Столик украшали надписи «Бюро находок карнавала», «Прием посетителей от... и до...». За столиком восседал вожатый, а около него с нагрудными значками веселого звена толпилось несколько всем знакомых ребят, каждый из которых был членом какого-либо из звеньев, давно существовавших в лагере.

«Посетители» потребовали объяснений. И тогда вожатый сказал:

— Вы что же думаете, звенья туристов или, скажем, охотников не должны быть веселыми?

— Должны! — сказали «посетители».

— Молодцы! — похвалил «посетителей» вожатый.— Теперь вам, вероятно, нетрудно будет догадаться, что стать членом веселого звена может каждый из вас. Надо только сдать в «Бюро находок» какое-нибудь дельное предложение о том, как лучше провести карнавал. Принимаются частушки и карикатуры, проекты аттракционов и заявки на исполнение стихов, сценок и физкультурных упражнений. Нам нужны эскизы карнавального оформления лагеря. Прошу не забывать об этом юных художников.

— А значки? — спросили ребята.— Мы тоже хотим такие значки, как у вас.

— Видите ли,— сказал вожатый,— мы нарисовали их сами. Это было не очень трудно. Несколько разноцветных шариков, рвущихся в поднебесье (эмблема карнавала), и на ниточках — буквы, образующие надпись «Веселое звено». Право, это не отняло у нас много времени. Понимаете?

— Понимаем! — ответили ребята.

С этой минуты «Бюро находок» едва поспевало рассматривать поступающие предложения. Буквально через час весь лагерь надел значки веселого звена. Радисты получили право носить их за предложение организовать шуточный карнавальный репортаж.

— Представляете себе,— перебивая друг друга, рассказывали они: — «Наш микрофон установлен в спальне мальчиков... Тихий час...» И вдруг раздается грохот! А диктор спокойным голосом комментирует: «Это Коля Забиякин, охраняя сон своих товарищей, убил муху».

— А последние карнавальные известия?.. «Наш корреспондент сообщает, что археологическая экспедиция, отправившаяся на раскопки в районе тумбочки Феди Сложаручкина, обнаружила большое количество предметов домашнего обихода. Ввиду того, что они плохо сохранились, ученым еще не удалось определить их назначение. Исключение составляет зубная щетка, которая, очевидно, ни разу не была в употреблении».

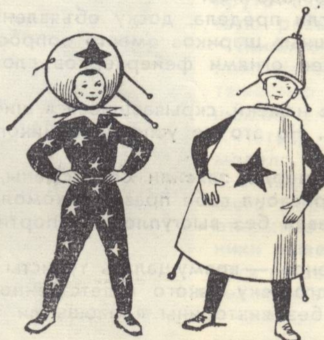
Лагерные частушки

Дай, споем с тобой частушки
О себе и друг о дружке
И о том, какой народ
В нашем лагере живет.

Наш горнист горнит упорно,
Выбивается из сил.
Только нет на свете горна,
Чтобы Гошу разбудил.

Есть у нас рыбак хороший,
Замечательный рыбак.
Он вчера поймал калошу,
Нынче выудил башмак.

В лес пошли мы спозаранок
По грибы по белые.
Принесли одних поганок
Мы корзинку целую.



Подумайте заранее над карнавальным костюмом. Используйте цветную бу гу, раскрашенную и накрахмаленную марлю, мох, живые цветы, зеленые ве

К ЛАГЕРНОМУ КАРНАВАЛУ.

Рисунки В. Константинова.

К ЛАГЕРНОМУ КАРНАВАЛУ. Рисунки В. Константинова.

Спортивное звено предложило физкультурную площадку лагеря превратить в «Городок спортивных аттракционов». Для этого ее надо соответствующим образом оформить. Так, чтобы, например, тот, кто карабкается по шесту или канату, чувствовал себя матросом, взбирающимся на мачту.

— Правильно! И пусть у него в руках будут сигнальные флажки, чтобы он сверху просигналил заданную фразу.

— А бум — это мостик через пропасть, и по нему надо пронести «груз с провиантом».

Предложение организовать на карнавале «Конкурс остроумия» тоже всем очень понравилось. Решено было нарисовать карикатуры и ничего под ними не подписывать, чтобы участники карнавала сами придумывали подписи, провести «Веселую викторину» с вопросами на темы лагерной жизни.

Вопросы для «Веселой викторины» стали придумывать все наперебой. Причем тут же предлагалось множество разных ответов. Кто-нибудь выкрикивал вопрос в самое неподходящее время, например, за обедом, и десятки голосов ему отвечали.

— Название какого известного кинофильма больше всего подходит к нашей волейбольной команде? — провозглашал кто-нибудь.

— «Два гроша надежды»!

— «Беспокойное хозяйство»!

— «Игра с чертом»! — неслось в ответ.

Вожатый вынужден был прекратить эту игру, заявив, что вопросы для «Веселой викторины» должны сохраняться в тайне и поэтому их следует сдавать в письменном виде.

Но больше всего разговоров было, конечно, о карнавальных костюмах. Будущий Дон-Кихот подыскивал себе Санчо Пансо, Три мушкетера учились владеть шпагами. По лесу в широкополой шляпе и пестром плаще одиноко бродил будущий шарманщик и выкрикивал:

— Внимание! Внимание! Угадываю прошлое, предсказываю будущее! Предсказания личные и интимные, а также коллективные.

Он репетировал. На руке у «шарманщика» была надета кукла-попугай, который должен будет вытаскивать билетики со «счастьем». «Шарманщик» немало потрудился над тем, чтобы все его друзья получили соответствующие их характерам «предсказания».

На эстраде готовилось представление. В репертуаре исполнителей было много песен, стихов и сценок из сборников «Веселый вечер», «Волшебный барабан», «Пионерский театр».

Вожатый веселого звена попросил поэтов Бориса Заходера, Геннадия Мамлина и Юлию Новикову специально для этого карнавала написать стихи, фельетон и частушки, композитора Л. Подкольскую — веселую песенку для туристов, а художника В. Константинова — помочь ребятам в оформлении праздника. Поэты и художники охотно согласились. Они только потребовали, чтобы им тоже были вручены значки веселого звена, на что вожатый, разумеется, ответил:

— Видите ли, мы делали их сами. Это очень нетрудно. Понимаете?

— Понимаем! — сказали художники и поэты.

Подготовка к карнавалу продолжалась.

М. Львовский

Хочет быть Марина модной.
Вот костюм ее походный:
Как ходули, каблучки
Да зеленые очки.

Прочитал наш мудрый Кузя
Много книг о кукурузе.
Кукурузу увидал,—
«Хороши овсы!» — сказал.

Наша Натка, наша Натка —
Знаменитая юннатка.
— Вывожу я,— говорит,—
Плюшки с бубликом гибрид.

Нынче вечером до колик
Хохотал ангорский кролик:
— Вот Сережа насмешил:
Он сказал, что я шиншилл!

Почему летят подушки
И болтают все болтушки?
Это в лагере у нас
Наступает «тихий час».

Ю. Новикова

На цветной вклейке общий вид карнавальных костюмов, а здесь, на чертежах, художник показывает, как они устроены.

КАРТОШКА

Л. КОРОСТИНА

Музыка Н. Подкольской.

Пеките, путники, в золе
В ненастный день картошку,
Тогда о доме и тепле
Взгрустнется лишь немножко.

Припев:
И мы печем ее, печем,
Томим под угольками.
Нам дождь и ветер нипочем,
Когда картошка с нами.

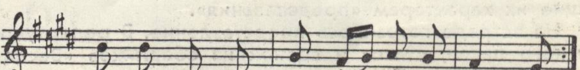
Туристы добрые в запас
Берут щепотку соли,
Она найдется и у нас,
Людей мы хуже, что ли?

Припев:
Картошку мы печем, печем,
Томим под угольками,
Нам дождь и ветер нипочем,
Когда картошка с нами.

Хотя взыгрался аппетит,
Повременим немножко,
Кто зря спешит, людей смешит —
Сырую ест картошку.

Припев:
И мы печем ее, печем,
Томим под угольками,
Нам дождь и ветер нипочем,
Когда картошка с нами!

Бодро



Это вожатый веселого звена МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ЛЬВОВСКИЙ. Мы сфотографировали его во время антракта в Московском театре юного зрителя вместе с героями его пьесы «Кристаллы ПС». Вы, конечно, хорошо знаете Михаила Григорьевича! Потому что не может быть, чтобы вы не видели в театре или не слышали по радио хотя бы одну из его веселых, остроумных пьес: «Синяя шапочка», «Всадник без головы», «Кристаллы ПС», «Новый костюм». А пьесу «Димка-Невидимка» знаете? Ее написал Михаил Григорьевич вместе с драматургом В. Коростылевым.

Ну, а песенку о зарядке:

Потому что утром рано
Заниматься мне
Гимнастикой не лень...—

вы знаете? А песенки «Внимание, на старт» и «Морозный денек»? Слова к ним написал Михаил Григорьевич. Ну вот видите, ребята, оказывается, вы уже давно знакомы с вожатым веселого звена.

Куда спешат

головастики

Вихрем
Мчится
Под водой
Головастик
Молодой,
А за ним —
Еще пяток.
А за ним —
Сплошной поток:
Тот без ног,
А тот — с ногами,
Этот — прямо,
Тот — кругами.
Кто налево,
Кто направо,
Так и носится ораза
Вдоль пруда,
Вокруг пруда...
Почему?
Зачем?
Куда?
— Головастики спешат
Превратиться в лягушат!

Борис Заходер

СЛУЧАЙ НА РЕКЕ

На реке ныряют в волнах,
Будто стая поплавков,
Сто вихрастых русых, черных —
Сто мальчишеских голов.

Лишь один Петров Сережа
На песке томится лежа.

— Ты, быть может, нездоров?
— Я здоров,— бурчит Петров.—
Мне бы море — вот тогда-то
Показал бы я, ребята!

Я пловец не худший в школе.
Приходилось в море мне
Плавать брассом, плавать кролем,
На боку и на спине.

— Научи нас плавать брассом!

— Нет.— Петров солидным басом.—
Ведь река не глубже блюдца,
Брассом здесь не развернуться.

— Погляди, достать не можем
Мы на этом месте дна.

— Я б достал,— в ответ Сережа,—
Только речка холодна.

И тогда Олег и Вова,
Два известных сорванца:
— Искупать,— кричат,— Петрова,
Знаменитого пловца!

Взяли,
Подняли,
С баркаса
Ловко бросили в Оку.

— Ну-ка кролем!
— Ну-ка брассом!
— На спине и на боку!

Смотрят на реку ребята:
— Где Сергей?

— Плывет?

— Куда там!

Брасса нет и кроля тоже,
Стилем тем поплыл Сережа,
Что зовется с давних пор
Стилем «плавать, как топор».

Широка река Ока,
Широка и глубока.

Не достать руками дна там.
Но уже со всех концов
В воду бросились ребята —
Пять отличнейших пловцов.

Невредимого, живого
Тащат на берег Петрова.

Хоть стоит Сергей смущенный,
Но бормочет:
— Ер-рунда!
Это п-пресная в-вода.
П-приходилось и с-соленой
Н-наглотаться иногда...
Мне бы м-море... вот тогда-то
П-показал бы я... р-ребята...

Геннадий Мамлин

ЛАГЕРНАЯ МАСТЕРСКАЯ ГОТОВИТСЯ К КАРНАВАЛУ

Вожатый звена М. Н. Митрофанов пригласил на сбор звена товарища У Фына. У Фын недавно приехал из Китая в Москву учиться. Он рассказывает о том, как проходят народные празднества у него на родине.

У нас в Китае очень веселые и красивые праздники.

Особенно торжественно отмечается праздник Нового года (в Китае он называется праздником Весны). На окна и двери домов наклеивают вырезанные из бумаги иероглифы счастья «Фу» и долголетия «Шоу», украшают жилища изречениями («Новый Китай будет жить вечно», «Китайцы и русские — братья навеки»), картинками-лубками и бумажными фонариками.

Все эти украшения создают приподнятое, праздничное настроение.

Старинный народный праздник — праздник начала лета — бывает в мае.

В мае мы чтим память Цюй Юаня — великого поэта-патриота древнего Китая. В знак скорби о погибшем поэте (он утонул в реке) люди в этот день катаются на лодках по рекам и озерам. Во всех провинциях Юга Китая проводятся «Состязания драконовых лодок» — лодок, украшенных изображением дракона.

В древности китайский народ считал сказочного дракона символом власти и благополучия, и на всех праздниках у нас и теперь исполняется «Танец дракона». Его исполняет группа танцоров, поддерживающих голову и туловище дракона с помощью легких шестов. Танцоры действуют так согласованно, что кажется, будто дракон живой.

А не сделать ли нам, ребята, китайского дракона? И разноцветные фонарики можно развесить всюду; они сделают лагерь праздничным, нарядным.

Несколько красивых фонариков вы видите на цветной вкладке. Сделать их не так уж трудно. Каркас фонариков может быть из тонких прутиков или проволоки. А оклеить его надо цветной бумагой или окрашенной в различные цвета марлей.

Но как сделать дракона? Никто из нас не видел его, не представляет себе, как он устроен. Давайте попросим помочь нам Николая Николаевича Рожнова, художника Центрального государственного театра кукол. В этом театре висит огромный дракон, привезенный из Китая, и Николай Николаевич знаком с его конструкцией.

Китайский дракон

Настоящий китайский дракон очень большой, он бывает 30—50 метров длиною. Мы с вами, ребята, для начала сделаем небольшого, длиною всего около 6 метров.

Туловище дракона состоит из жестких сборных конструкций и промежуточных мягких, которые могут свободно изгибаться.

Голова дракона — плоская, но сложная по своей форме картонная коробка толщиною в 20 сантиметров. Выкройка головы дана на рис. 1 и 2. Их нужно, увеличив по клеточкам, перенести на большой лист картона и вырезать. Затем, нарезав несколько полос картона шириной в 20 сантиметров, согнуть их по краям выкройки и по пунктирной линии, как показано на рис. 1, скрепить толстыми нитками (рис. 4), после чего швы оклеить полосками марли. Шея изготовляется так же, как и голова; толщина ее —15 сантиметров.

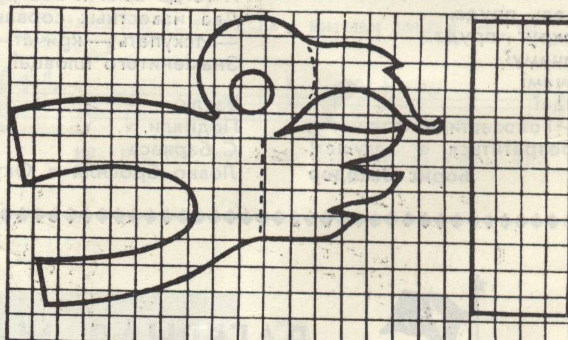
Чтобы соединить голову с шеей, следует взять палку около 2 метров и, отступя 24 сантиметра от ее верхнего конца, прибить доску размером 15 × 15 сантиметров. Прорезав отверстия в шейной коробке, вставить палку (рис. 3) и оклеить марлей ее соединение с картоном шейной коробки. После этого головную коробку надо прикрепить задней стенкой к доске, а верхний конец палки укрепить в голове. Рога и зубы вырежьте из бумаги и прикрепите к картону.

Так называемое «солнце», которое дракон держит в зубах, можно сделать из четырех проволочных колец на оси (рис. 5) и оклеить красной марлей так же, как и глазные отверстия в голове. В них можно вставить лампочки от карманного фонаря.

Жестких частей туловища должно быть не менее трех, не считая хвоста. Из фанеры толщиной 3 миллиметра надо выпилить кольца диаметром 25 сантиметров (рис. 6), из расчета три кольца на каждую часть. Кольца склеиваются между собой шестью тонкими рейками; к среднему кольцу прикрепляется палка длиной около 70 сантиметров (рис. 7). Затем надо оклеить конструкцию марлей или просвечивающей бумагой. Диаметр колец уменьшается к хвосту, и конструкция заканчивается приклеенным бумажным или картонным хвостом, напоминающим хвостовой плавник рыбы (рис. 8).

По верхней линии всех жестких частей куклы наклеивается бумажный зубчатый гребень (рис. 9). Внутри просвечивающих конструкций можно укрепить лампочки с батарейками.

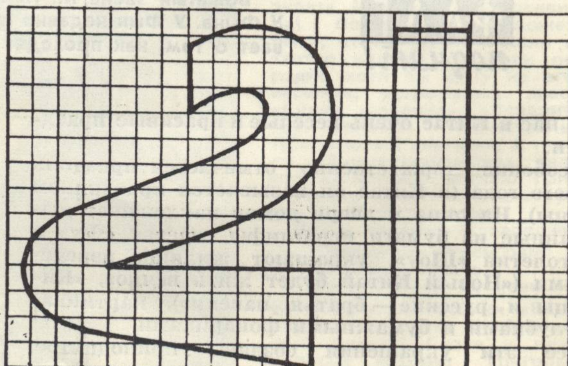
ВЫКРОЙКА ГОЛОВЫ



МАСШТАБ 1:10см

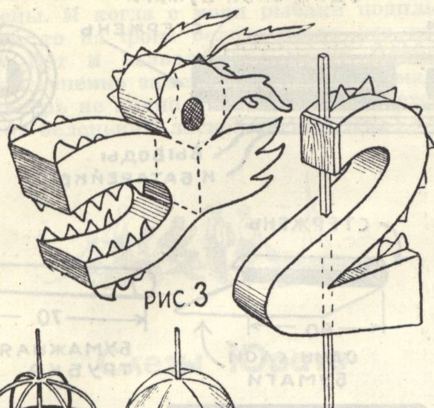
РИС. 1

ВЫКРОЙКА ШЕИ



МАСШТАБ 1:10см.

РИС. 2



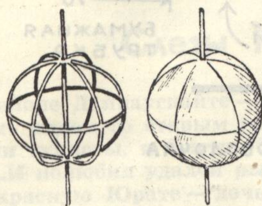
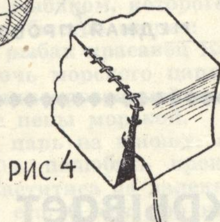


РИС.5



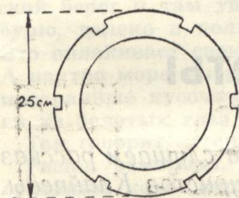
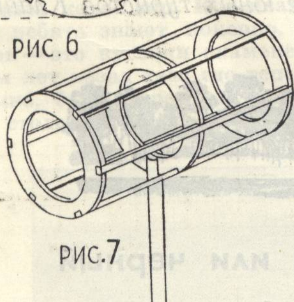
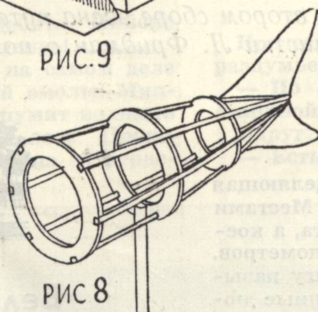


РИС.6





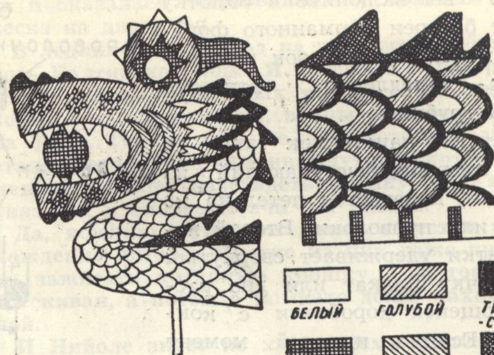
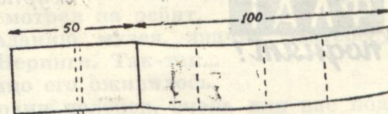


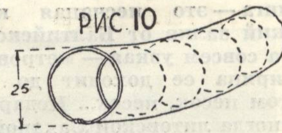
Рис. 11

Мягкая часть туловища сшивается, как обыкновенный рукав, из марли или тонкой ткани (рис. 10), внутри него пришивается 5 или 6 проволочных колец. Длина рукава — один метр; им соединяют между собой жесткие части.

Когда дракон будет готов, его надо раскрасить клеевыми красками: серо-голубая чешуя с темно-красными спинными гребнями. Общий тон головы темно-синий с белой, желтой и красной расцветкой (рис. 11).

Н. Рожнов





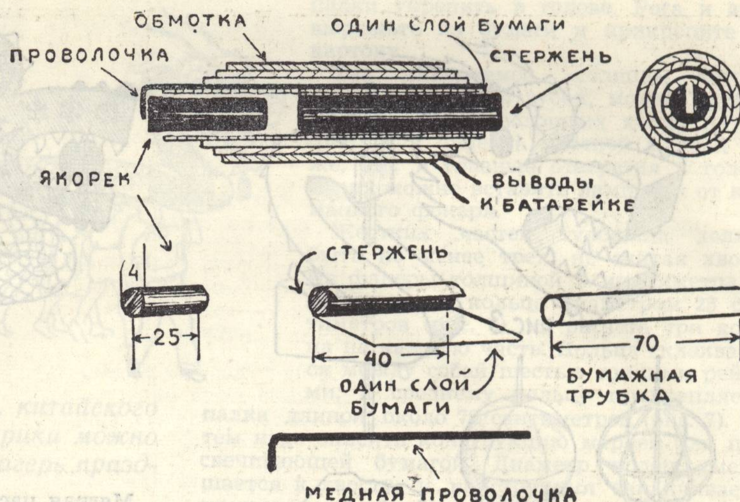
Замок-невидимка

Вы хотите, чтобы на карнавале неожиданно пошел дождь из конфетти или чтобы по вашему велению развертывались шутливые плакаты, и рисунки, взлетали бумажные самолетики? Для этого постройте простые приспособления — электрические замки. Устройство такого замка показано на рисунке.

Замок состоит из бумажной трубочки, наклеенной на отрезок гвоздя. Сначала стержень обертывается бумагой. Бумага склеивается, и получается трубочка. На трубочку наклеивается в четыре слоя навитая спиралью полоска бумаги длиной 70 миллиметров. Второй отрезок гвоздя, поменьше, свободно скользит в трубке. Чтобы он не выпадал, на трубочку накладывается крючок из медной проволочки. Поверх трубочки и крючка наматывается три слоя эмалированной медной проволоки диаметром 0,3 миллиметра. Это будет обмотка нашего электромагнита. Как

только вы включите в обмотку ток от батареи карманного фонарика, маленький отрезок гвоздя-якорек — немедленно втянется внутрь трубки.

Действует наш замок так: на конец якорька, выступающий из трубочки, надевается петелька из нитки или проволоки. Второй конец нитки удерживает свернутый в трубочку плакат или дно раскрывающейся коробочки с конфетти. Если в нужный момент включить ток, то якорек втянется в трубку, петля освободится — и дно коробочки откроется, осыпая участников карнавала цветным бумажным дождем или какими-либо другими сюрпризами.



Неринга раскрывает свои секреты

На втором сборе звена путешественников слушаем рассказ журналистки Л. Фридман о походе юных туристов Клайпеды.

Неринга — это песчаная коса, отделяющая Куршский залив от Балтийского моря. Местами Неринга совсем узкая — метров четыреста, а кое-где ширина ее доходит до пяти километров. И кругом песок, песок... Недаром Нерингу называют иногда литовской Сахарой. Высоченные дюны — горы песка. При сильном ветре они движутся по равнине, совсем как в настоящей пустыне. Вот только сосен таких могучих, золотоствольных, высоких их не может быть в пустыне.

Теплым июльским утром шагали по Неринге двенадцать друзей-туристов, мальчики и девочки из туристской секции Клайпедского Дворца пионеров и их руководитель Чесловас Кувикас.

У них задание краеведческого музея города Клайпеды. Музей пострадал во время войны, в нем мало экспонатов. Все, что касается старины, быта рыбаков Неринги, фольклора,— все это для музея бесценные находки. Пионеры решили помочь музею. И вот они отправились в старинный край рыбаков. Какие секреты откроет им Неринга?

Белый или черный

Ребята сидели на берегу неподалеку от деревни Йодкранте и ждали, пока дежурные сварят ужин. Костер горел жарко, и пламя его отражалось в море. Ребята притихли, молча смотрели на огонь. Вдруг Аделя Байкайте как бы про себя сказала:

— Черный берег... А почему он Черный, когда он совсем белый? Почему?

Ребята насторожились. Вот она, первая тайна. Йодкранте — по-русски Черный берег. А берег весь из светлого, совсем белого песка. Он белый. Почему же такое название?

И все повернулись к Чесловасу Кувикасу, бывалому туристу.

— И правда, почему?

Но и бывалые туристы не могут знать обо всем на свете. Кувикас сказал только:

— Утром попробуем выяснить. А сейчас ужинать и спать. Мы прошли сегодня двадцать километров.

Наутро ребята пошли в деревню и стали расспрашивать местных жителей. И вот что узнали.

Раньше здесь, на самом берегу, стояли огромные сосны. И когда с моря рыбаки подплывали к берегу, то на фоне белого песка лес казался черным. Вот и назвали это место Йодкранте. А лес постепенно замело песком, даже макушек сосен теперь не видно... Вот он, оказывается, какой, этот беленький ласковый песочек.

Слезы Юрате

Нийоле Дайнаускайте — летописец похода. Она сидит рядом со старым рыбаком, которого окружили туристы, и быстро-быстро пишет:

«...И полюбил удалой рыбак красавец Каститис прекрасную Юрате — дочь морского царя. Золотистые глаза Юрате были прозрачней воды моря, лицо ее было белее пены морской.

Рассердился морской царь на юношу: как посмел он, простой рыбак, полюбить прекрасную царевну! Заманил он Каститиса на далекий морской берег и там убил его. С тех пор ночью, в бурю, далеко в волнах слышится стон и плач. Это оплакивает свою любовь прекрасная Юрате. А наутро море выбрасывает на берег золотистые прозрачные кусочки янтаря—слезы, пролившиеся из золотых глаз царевны.

Так говорит легенда».

Рыбак замолчал. Задумались ребята. Нийоле отложила карандаш. Красивая легенда!

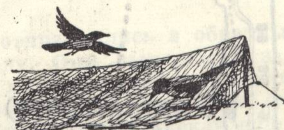
Все ребята знают, конечно, что на самом деле янтарь — это кусочки окаменевшей смолы. Миллионы лет назад там, где теперь шумит волнами Балтика, были огромные хвойные леса. Проходили столетия, деревья погибли, смола затвердела и оказалась погребенной под толстым слоем песка на дне моря.

В ледниковый период на этом месте образовалось Балтийское море. И теперь в бурю, расшевелив пласты, в которых многие сотни лет пролежали кусочки смолы, волны выбрасывают их на берег. Теперь это уже не простая смола. Она стала твердой, как камень. Внутри некоторых камешков можно разглядеть мушку или жучка, увязших в смоле тысячи лет назад...

Да, конечно, туристам давно известно происхождение янтаря. Многие из них даже пробовали зажигать янтарную крошку. Она горит, потрескивая, а потом в комнате долго пахнет сосной.

И Нийоле знает не хуже всех остальных. Но такое синее и загадочное сегодня море, такой теплый, совсем золотистый кусочек переливается у нее на ладони, что Нийоле думает: «Какие они светлые и прозрачные, слезы красавицы Юрате!»

На прощание рыбак подарил туристам небольшой мешочек с янтарем и кесель — круглую сетку вроде сачка. Вот такими сетями на Неринге исстари ловят янтарь со дна моря.



Жаркое из ворон

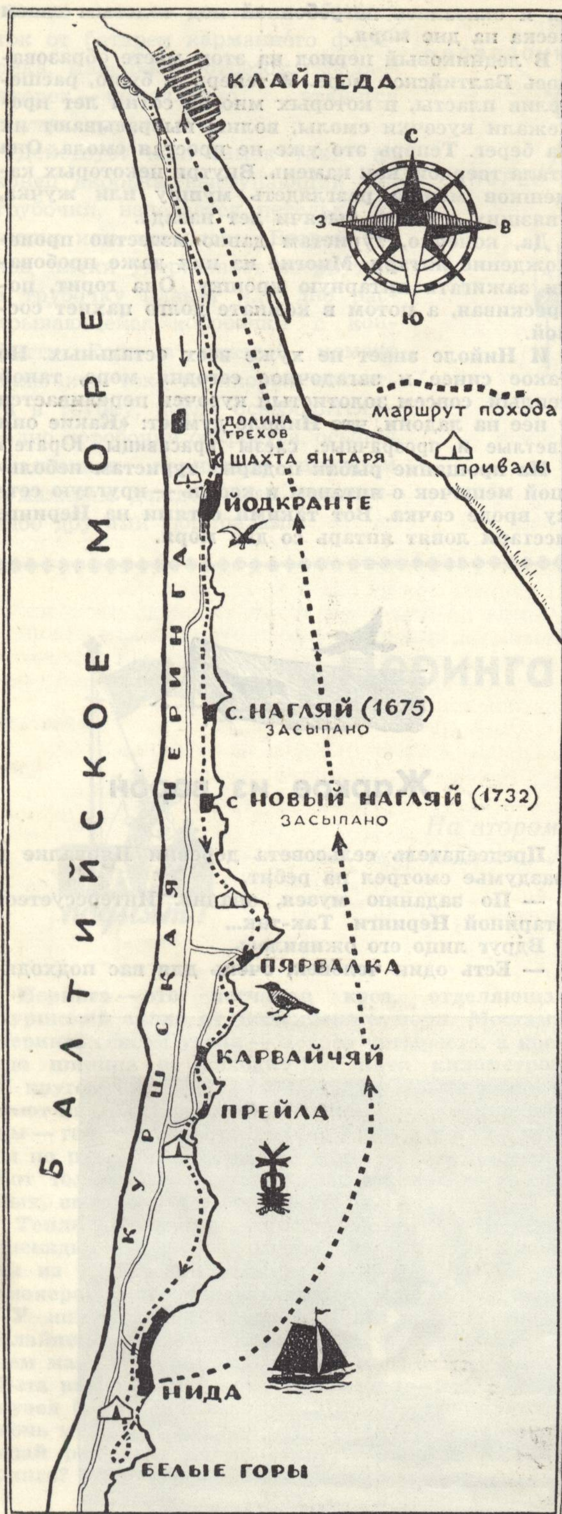
Председатель сельсовета деревни Пярвалке в раздумье смотрел на ребят.

— По заданию музея, значит. Интересуетесь стариной Неринги. Так-так...

Вдруг лицо его оживилось.

— Есть один человек, очень для вас подходя-

Там, где песок Неринги был рыхлым, туристы шагали прямо по воде.



Юные исследователи Неринги сделали подробную карту. На ней хорошо видно, где ребята делали зарисовки орнаментов, где видали баркас, где охотится на ворон старый рыбак, где были привалы.

щий. Бастикис. Это такой старик, лет шестьдесят уже рыбачит. И ворон ловит до сих пор.

— Ворон? — удивились ребята. — Зачем это?

— А вот он сам вам расскажет. — Председатель подозвал стоявшую в стороне девочку. — Лайма, проводи ребят к товарищу Бастикису... Он сейчас дома. Ревматизм у него. Семьдесят пять лет человеку, не шутка все-таки.

Бастикис оказался крепким, коренастым, дочерна загоревшим человеком. Он сидел около своего дома и чинил сеть.

— Завтра в море пойду, — объяснил Бастикис ребятам. — Путина, а я дома, как старик какой-нибудь.

И он весело подмигнул.

— Дедушка Бастикис, зачем вы ловите ворон? — не вытерпела Аделя. — Разве ворона — вредная птица?

— Наоборот. Очень даже полезная. Садитесь, расскажу, если интересуетесь.

И опять тихонько сидят туристы, снова торопливо пишет Нийоле...

В далекий путь собирается рыбак. Надо взять с собой пресной воды да еды побольше: неизвестно, сколько дней придется за рыбой гоняться. В старые времена, когда еще старый Бастикис был мальчишкой, не было вкуснее еды у рыбаков Неринги, чем воронье мясо. Ворон жарили, варили из них суп, солили целыми бочонками. Воронье мясо считалось здесь вкуснее куриного. К тому же существовала такая примета, что курица, даже и убитая, в море приносит несчастье. Недаром еще и теперь в Литве существует поговорка: «Курица накудахтала беду». Так что курицу избегали брать в море. А воронье мясо — другое дело. Тут и с приметами все спокойно, и цена ему недорогая. Посидел часок на берегу с сеткой — и сотню, а то и больше ворон наловил. Насолил кадушку мяса — всю путину можешь не беспокоиться.

Бастикис предложил туристам попробовать воронье жаркое. Но ребята вежливо отказались:

— Мы уже пообедали, спасибо.

— Понимаю. Непривычная для вас еда. Конечно, не тянет вас на нее. Вот и мои сыновья и внуки тоже никак не хотят попробовать. Ну, а я для себя одного еще ловлю иногда.

Старый баркас

Дорога вилась по берегу. Там, где песок был рыхлым и идти туристам становилось трудно, шагали по воде. Вот на этом месте на карте обозначены села Нагляй и Новый Нагляй. Никаких следов жилья... Еще в XVII и XVIII веках села были занесены песками. Они остались только на карте. Когда засыпало Нагляй, рыбаки построили южнее другое село — Новый Нагляй. Но и его не пощадил песок. Говорят, что в одну ночь дюны, гонимые ветрами, пустились в путь, и села не стало. Люди не успевали выбегать из домов: песок придавил двери, он проникал во все щели,

мелкий и колючий. Много людей погибло в ту далекую ночь в Новом Нагляе.

Туристам встретились высокие плетни из еловых веток. Они протянулись среди дюн, далеко от селений. Ребята знают, зачем на пустынном берегу стоят плетни,— это кордоны, преграждающие путь странствующим пескам.

И вот последний пункт — село Нида. Вокруг села — вековые леса. В этих местах водятся лоси. Лося, правда, ребята не встретили, только нашли в лесу большие ветвистые рога. Ребята влезали на «Белые горы» — самые большие дюны в Европе. Высота их — шестьдесят пять метров. Когда солнце освещает вершины «Белых гор», они блестят, как серебряные.

Домики в Ниде будто кружевные. Литовские народные орнаменты вырезаны на ставнях, на крылечках, на дверях. Домики покрашены в синий и красный цвет. Нида — это не только рыбацкое село. Это курорт.

В доме отдыха «Юрате» отдыхают рабочие, служащие, студенты, приехавшие в это красивейшее место из разных уголков республики.

А коренное население Ниды — в большинстве рыбаки. Рыболовецкая артель «Пограничник» — одна из лучших на Неринге.

Когда туристы разговорились с рыбаками Ниды, один из рыбаков, высокий человек в зюйдвестке и брезентовой куртке, сказал:

— Вот на этой посудине хотите покататься? — и указал на рассохшийся, щелястый баркас, стоявший у берега.

— Ой, что вы! — замахали руками ребята.— Он же сразу потонет!

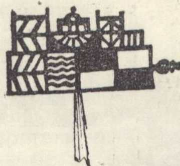
А у Адели сделалось такое испуганное лицо, что рыбак не выдержал и рассмеялся.

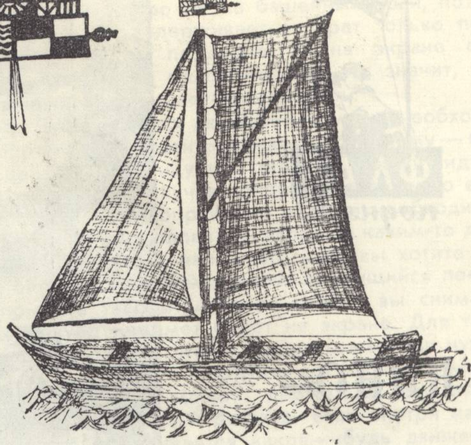
— Шучу. На таких баркасах только в старину по морю ходили. А теперь он без дела стоит. Так что можете его взять для своего музея как предмет старины. А мы вот на каких ходим.

В бухте покачивались на волнах добротные моторки и катера артели «Пограничник».

Взять баркас для музея было невозможно: очень уж он был громоздкий. Такой и в музее-то не поместится. Ромас Янкоускас сделал точную зарисовку баркаса и вымпела, укрепленного на мачте. Вымпелы были в старые времена на всех баркасах. Это флажок, выпиленный из фанеры. На нем нарисован герб рыбацкой семьи. У каждой семьи был свой герб. Сейчас такой вымпел — большая редкость, и ребята очень радовались, что удалось его найти.

На рассвете, когда еще не встало солнце, катер «Ветерок» вышел в море. На борту его находились наши туристы.





Ромас Янкоускас нарисовал баркас и старинный вымпел. Посмотрите: на вымпеле — елочки и волны,— изображения леса и воды вплетаются всегда в народные орнаменты Прибалтики.

Ребята отправлялись в обратный путь, домой, в Клайпеду. Они выполнили задание музея — дневники полны подробными записями, в альбомах — зарисовки, в кассетах фотоаппаратов — интересные кадры. И пускай еще не все загадки куршской Неринги пока разгаданы.

Непонятно, например, почему в районе Йодкранте чайки селятся только на одной горе, а вокруг стоят точно такие же горы, но птицы к ним и близко не подлетают. Почему? Почему вода в Куршском заливе солонее, чем в море? Кто был Бульвик, чьим именем назван мыс близ Ниды?..

На будущий год ребята опять пойдут на Нерингу. И тогда-то уж обязательно отыщут ответы и на эти вопросы. Много всяких «почему» возникает, когда ходишь по разным местам. Много секретов скрывается вокруг нас. Надо только постараться их разгадать.

Некоторые из своих секретов древняя Неринга открыла туристам из Дворца пионеров. Потому и возвращались они такие довольные, а морской ветер далеко уносил задорную песенку, сочиненную кем-то тут же в пути:

...Мы не только загорели,
Но немножко поумнели...

КИНО—ФОТО—СНАЙПЕРЫ

А это вожатый юных кино- и фотоснайперов ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАСПИЙ. Вы совсем недавно видели снятые им фильмы «Москва и москвичи», «Путешествие по Аргентине», «По дорогам Франции»...

Он снимает правдиво и точно. Зритель оказывается в самой гуще событий, о которых рассказывает Д. А. Каспий, потому что сам оператор, не считаясь с трудностями и опасностями, всегда, все время оказывается там, где происходит самое интересное. Так он снимал молодежные фестивали, так вел репортаж с фронтов сражающейся Кореи.

Сегодня он рассказывает о том, как вести первые съемки, как стать снайпером в кино и фотографии.

ПЕРВЫЕ СЪЕМКИ

Разговор у нас с вами пойдет сегодня о первых съемках, о ваших работах в кино и в фотографии.

Поэтому давайте устроим на этих страницах выставку ваших работ и посмотрим их.

Вот снимок Риммы Тарасовой «Встреча». Это очень точный, выразительный рассказ о том, как хорошо жить на свете, дружить с природой, узнавать ее. Видно, что лягушка не боится и девочка не визжит, как некоторые глупышки, а радостно изумляется.

Римма — наблюдательная девочка. Наблюдательность необходима, чтобы научиться снимать. Она помогает увидеть в любом событии самое главное и самое интересное, точно выбрать кадр.

Когда я занимался в школьном фотокружке, мы, несколько мальчишек, вышли снимать весенний ледоход на Волге. Это были наши самые первые снимки. Мы долго выбирали точку съемки, выгодное освещение предмета и самый предмет для съемки... У нас было всего по одной пластинке на каждого, и ошибиться было бы очень обидно... Как же в одном кадре рассказать о ледоходе?

Когда мы проявили наши снимки и отпечатали их, оказалось, что они очень не похожи друг на друга. Каждый из нас по-своему увидел ледоход.

Одного заинтересовал контраст мчащихся льдин с мирной игрой маленьких ребятишек — он сфотографировал малышей, пускающих у берегов кораблики. Мне понравились волгари, смолившие лодку,— и я снял их на фоне реки. А мой товарищ поймал аппаратом на середине реки старика в лодке. Его рассказ был самым динамичным и выразительным.

Но, может быть, вы думаете, что только в фотографии нужна такая точность отбора, потому что это короткий рассказ? А фильм идет полтора часа, и в него для более подробного рассказа надо вставить все, что увидел.

Нет, долгий рассказ тоже не должен быть растянутым, в нем не может быть беспорядочного перечисления всего, что попало в поле зрения. И фильм от фотографии отличается не количеством кадров, а движением.

Я сейчас говорю не о том движении, которое есть внутри каждого кинокадра, не о том, что в кино люди двигаются. Я говорю о движении сюжета.

В фотографии весь сюжет должен быть заключен в одном кадре, в одной картинке.

В кино иначе. Сюжет должен развернуться серией кадров. Это — повествование, а не простая смена кадров. Как бы ни были они интересны сами по себе, если это повторение одной и той же мысли, если кадры не двигают сюжет вперед, это не кино. Вот почему, прежде чем снимать фильм — хронику, очерк, что бы то ни было,— надо очень хорошо продумать план съемки, составить небольшой сценарий.

Киносъемка должна быть похожа на рассказ, который бы вы написали на бумаге.

ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ СНИМОК

Ребята! Присылайте в редакцию свои фотографии. Лучшие из них мы напечатаем в журнале. А за самый интересный снимок будет присуждена премия.

Снимки принимаем до 1 октября.

Скажем, на бумаге вы начали бы рассказ примерно так: «В живописном Подмосковном уголке, на берегу Клязьмы, раскинулись палатки нашего пионерского лагеря».

На экране это выразится следующими кадрами:

Общий план — живописный утренний пейзаж Клязьмы.

Общий план — над водой стелется утренний туман.

Общий план — сквозь туман поднимается солнце.

Общий план — спящий лагерь. Ряды палаток.

Крупный план — лагерные часы.

Средний план — из палатки выходит горнист Юра и дает сигнал к подъему.

А дальше в отдельных эпизодах-кадрах вы покажете самые интересные события дня или недели.

Совершенно не обязательно начинать фильм о лагере так, как предлагаю я. Могут существовать десятки решений. Я просто хотел показать вам, что в кинорассказе должна быть такая же логичная последовательность, как в рассказе литературном.

Избегайте беспорядочности и в самой технике съемки. Новичок обычно очень торопится, он перескакивает с предмета на предмет. Вот он навел аппарат на строящийся дом, тут же перевел его на рабочих, потом тотчас же на башенный кран, потом на грузовики. Он задерживает аппарат только полсекунды на каждом предмете. И на экране они мелькнут каждый за полсекунды. А это значит, что зритель ничего не успеет рассмотреть.

Бывает, конечно, что движения камеры необходимы. Например, вы хотите показать панораму — широкий пейзаж или улицу всю целиком, общий вид завода и т. д. В этом случае панорамирование (то есть движение аппарата) оправдано и даже необходимо. Можно передвигать аппарат и вслед за каким-то движущимся предметом, например, если вы хотите показать бегущего спортсмена или движущийся поезд.

Но помните твердо: сколько секунд вы снимали, столько секунд предмет будет на экране. Для того, чтобы зритель успел что-то рассмотреть, ему нужно несколько секунд. Для портрета достаточно 2—3 секунд, общий план может держаться на экране 6—8 секунд, а иногда и больше, если внутри кадра начинается и заканчивается какое-нибудь движение.

Фотоконкурс «Пионера»

Снимок москвича Бори Лебедева «Голубиный завтрак» (слева) — пример хорошей репортажной съемки. Правый снимок называется «Встреча». Автору снимка Римме Тарасовой из станицы Кущевской понадобилось много времени и труда, чтобы сделать эту фотографию. Вот что она рассказывает: «Три дня подряд я снимала «Встречу» неудачно и только на четвертый попалась более спокойная лягушка. Перепорчено было восемь негативов. Старые лягушки близко подпускают людей, только когда находятся в окружении воды: на кочке, камне. На берегу реки они за три метра бултыхаются в воду...»

Работы московских школьников: Е. Зайцев — «Лебеди», Ю. Исаков — «Гости из Финляндии на празднике игр».

При торопливой съемке не получатся у вас выразительными и сами кадры. Чтобы избежать этого, я советую провести перед съемкой небольшую репетицию.

Раскадрируйте свой сценарий на отдельные фотокадры и снимите сперва фоторассказ, как если бы это был кинофильм — с крупными и средними планами, с панорамой и т. д. Когда вы разложите все ваши фотографии в той последовательности, в какой они должны быть по плану съемок, или, еще лучше, если вы подклеите их на длинную полоску бумаги, вы сами почувствуете, какие кадры выразительны, а какие не нужны и чем их заменить.

Этого не следует делать перед каждой съемкой, но после двух — трех занятий вам легче будет снимать кинофильм.

Фотокадры помогут вам найти правильную композицию будущего кинокадра. Иными словами, занять такую точку для съемки, откуда все предметы, попадающие в кадр, расположатся наиболее выразительно. Например, можно снять портрет человека так, что в кадре над его головой будет очень много пустого неба, а голова человека попадет почти на нижнюю рамку кадра. Такая композиция неинтересна и неоправданна.

А вот еще пример. Посмотрите снимок Жени Зайцева «Лебеди». Приятно смотрится этот кадр: у него уравновешенная композиция, темные пятна расположены как-то очень симметрично, взгляд зрителя как бы уходит вдаль, по воде. Женя правильно выбрал момент. И он правильно сделал еще одну вещь — отрезал кусок своего снимка. Справа (я видел негатив) в кадр попал ствол дерева, он мешал зрителю, и Женя его срезал. Если бы он снимал потом в кино, то занял бы несколько иную точку, стал бы левее, чтобы сразу добиться хорошей композиции. Практика съемки, размышления над композицией помогут вам овладеть этим искусством — находить правильную точку для съемки.

На этом снимке видно, какое значение имеет композиция. В этой композиции снимок получился с грустным настроением. Пленные звери. На фоне большой каменной клетки они кажутся маленькими и бессильными. А попробуйте закрыть верхнюю часть снимка (по белой полосе) — и звери будут выглядеть совсем иначе. Кажется, что они на свободе, большие, могучие.

Вы не можете расположить предметы для съемки заранее самым выгодным образом, как, скажем, располагает их художник для натюрморта, вы должны снимать жизнь такой, какая она есть. Задача оператора заключается в том, что-

бы подлинную жизнь увидеть интересно, передать ее настоящую красоту, ничего не приукрашивая, ничего не инсценируя для красивости. Самая интересная съемка — это репортажная, когда работаешь незаметно для людей, которых ты снимаешь. Если человек не знает об аппарате, он ведет всегда себя естественно, непринужденно.

Я вспоминаю свою работу над фильмом «Москва и москвичи». Режиссер поручил мне в течение трех летних месяцев снимать все самое интересное, что я увижу на улицах Москвы. Он просил меня делать эти съемки незаметно для будущих героев фильма, чтобы они получились такими, какие они в жизни. И вот каждое утро я брал свой небольшой аппарат, садился в машину и разъезжал по улицам нашей огромной Москвы. Но с машины, конечно, не все можно снимать. Я оставлял ее в переулке и уходил на «охоту» за кинокадрами. Обыкновенно я выбирал людей, увлеченных каким-нибудь своим делом, и незаметно для них включал камеру. Мне приходилось так снимать детей, играющих в парках, покупателей в магазинах, милиционеров-регулировщиков, иностранных туристов, восхищающихся Москвой, рабочих-строителей. Как-то я снял проливной дождь на улицах Москвы и москвичей, бегущих от дождя. Работа была для меня очень интересной.

Попробуйте и вы сделать фильм о родном городе, снимая его репортажно.

Великолепный можно сделать репортаж и о походе, очень интересными могут получиться кинонаблюдения за природой.

Я замечал, что у людей, которые любят и знают природу, получаются интересные фильмы. И какое это полезное дело, сколько нового можно открыть людям, снимая жизнь природы!

Видели вы «Повесть о пингвинах»? Ее снял оператор А. Кочетков в Антарктиде. У него хватило и любви к природе и трудолюбия в течение долгого времени в трудных условиях вести такую сложную съемку. Получился великолепный фильм.

И пусть около вашего лагеря не живут пингвины, на вашем месте я все-таки снял бы фильм о птицах. Из укромного местечка на высоком дереве можно телеобъективом снимать изо дня в день птичье семейство. Сначала вы снимете в птичьем гнезде яйца. Потом из них вылупятся птенцы. Вы заснимите, как заботливая мама кормит своих детишек, как она учит летать свое подрастающее семейство, как птенцы отправляются в первые полеты.

Я не случайно рассказал вам о фильме Кочеткова: очень хорошо было бы для вас посмотреть его внимательно. И не так, как вы смотрите обычно, не с позиции зрителя. Обычно ведь зритель, увлекаясь содержанием фильма, не замечает на экране работы оператора или монтажера. Если хотите научиться снимать, смотрите фильмы с профессиональной точки зрения. Запоминайте наиболее интересные кадры фильма, освещение в кадре, чередование крупного плана со средним в монтаже. На мой взгляд, это наиболее полезная школа для начинающих кинолюбителей.

Если у вас есть товарищи-кинолюбители, неплохо проводить обсуждение каждого нового фильма. При этом не пересказывать друг другу содержание, как это бывает с увлеченными зрителями, а разбирать работу коллектива, создавшего фильм.

Вам, конечно, известно, что киноискусство — это коллективный труд сценаристов, режиссеров, операторов, актеров и многих других работников. Не забывайте об этом, и разбирая «взрослый» фильм и создавая свой. Одиночка сделает фильм хуже, чем коллектив.

Задумали снять какой-нибудь фильм или киноочерк — распределите в коллективе обязанности. Это поможет найти самые интересные приемы и решения в съемке.

И помните: главное для вас — наблюдательность, интерес и любовь к тому, что вы снимаете.

На пионерских киностудиях

Это кадр из документального фильма. Он снят в детском доме имени Дзержинского, в Памерках. В день семидесятилетия со дня рождения А. С. Макаренко сюда приехали старые его воспитанники. Это были дорогие гости. Ведь они создали многие добрые традиции, которые и сейчас бережно хранятся здесь и передаются от старших к младшим. С. А. Калабалин и В. И. Стебловский рассказывали ребятам о первых днях жизни коммуны имени Дзержинского. Ю. В. Колыманский вручил сегодняшним дзержинцам от лица всех старых коммунаров знамя.

Правда, интересно — хотя бы в кино — присутствовать на такой встрече? Вот почему ребята из кружка кинооператоров Харьковской областной станции юных техников и засняли этот фильм. Кружок существует недавно, но ребята запечатлели на пленке уже немало интересных событий.

Кадр внизу взят из фильма «Первое сентября», его снимали кинооператоры Чкаловской станции юных техников (Ярославская железная дорога).

ЗВЕНО МОЛОДЫХ ХОЗЯЕВ

— Много ли сегодня надоили? — спрашивает у Анастасии Ивановны Жуковой маленькая Наташа, большая любительница парного молока. Анастасия Ивановна, вожатая звена молодых хозяев, работает в совхозе «Степановское», Московской области.

Ребята, давайте знакомиться. Я вожатая звена молодых хозяев. К нам в звено я принимаю тех, кто не боится работы, ребят, которые хотят переделывать природу и хотят научиться так вести сельское хозяйство, чтобы с каждым годом росли урожаи наших полей и садов, чтобы из года в год увеличивались колхозные стада.

Давайте сразу договоримся: раз уж взялись за дело, будем выполнять его хорошо!

Третий год я уже работаю дояркой. Никто меня не заставлял идти на ферму. Сама выбрала эту профессию и теперь никогда не расстанусь с ней.

У меня тринадцать коров. В прошлом году я надоила от каждой коровы по четыре тысячи двести тридцать килограммов молока. Это не рекордный удой, но все же я довольна. Меня радует, что надои молока все время увеличиваются. За четыре месяца этого года я надоила от каждой коровы на пятьсот килограммов больше, чем в прошлом году за это же время.

«Наверно, вы своим коровам больше корма даете»,— говорят мне иной раз. Нет! Мои воспитанницы получают корма не больше, чем все коровы нашего совхоза. Но я наблюдаю за ними во время кормежки, знаю их характер: одна обидчивая, другая спокойная, одна неразборчива в еде, другая лакомка, привереда, ей надо посолить сено, а когда она насытится, забрать у нее остатки — все равно затопчет — и отдать соседке.

Словом, и к животным и к растениям надо подход иметь, с любовью ухаживать за ними.

Хорошо пасти коров и ночью. Тогда они дают больше молока. Если нельзя это организовать, надо выгонять коров на пастбище как можно раньше, как мы говорим в деревне, «на росу».

Да и на любую работу в деревне надо вставать до солнышка. Это должно стать вашей привычкой. Вы научитесь тогда беречь силы и здоровье. С утра, пока солнце не припекает, «по холодку», работать — одно удовольствие. А днем, в жару, отдыхайте. Спадет жара — снова можно поработать в поле, на огороде, в саду.

Каждый вечер подводите итог: кто сколько успел сделать, чтобы знать передовых ребят и брать с них пример, учиться у них.

И еще хочу вам посоветовать: старайтесь понять, зачем нужна ваша работа. Возьмем самый простой пример: как вы думаете, зачем окучивают картофель, капусту, помидоры, кукурузу? Если вы будете знать, что на стеблях этих растений, присыпанных землей, вырастают новые корни, добывающие из почвы дополнительное питание, вы эту работу сделаете лучше. Во время работы помните, что у вас есть такой хороший друг — книга. Дружите с наукой. Исследуйте, проводите опыты.

Сегодня я пригласила на сбор нашего звена юннатов и учителей биологии, у которых есть чему поучиться.

Над рекой Тишиной

РАССКАЗЫВАЕТ ВЕРА АЛЕКСЕЕВНА ГОЛУБЕВА, МЕТОДИСТ ОМСКОЙ СТАНЦИИ ЮНЫХ НАТУРАЛИСТОВ

Слово «омь» на языке барабинских татар значит «тишина». Вот и выходит, что наш город Омск стоит на Иртыше, в месте слияния его с рекой Омью—Тишиной. Но Омск — далеко не тихий город, и на нашей станции юных натуралистов с самой ранней весны жизнь бьет ключом. Здесь на семнадцати гектарах дружно хлопочут юные полеводы, лесоводы, цветоводы, зоологи... Наши ребята, например, упразднили цветочную рассаду. Они выращивают цветы семенами,

сея их под зиму, прямо в грунт. И астры, и львиный зев, и алиссум, и ноготки, и пиретрум — все эти цветы зимуют под снегом, рано дают всходы, весной не боятся заморозков, рано и богато цветут.

Раньше у нас в Омской области не сажали кукурузу: считали, что климат для нее неподходящий. Теперь кукуруза — наш добрый друг. Юные полеводы нашей станции вырастили и изучают двадцать пять сортов кукурузы, мы полностью обеспечены своими семенами.

У нас созревают даже арбузы и дыни, и очень вкусные! Наши юннаты выращивают их в открытом, но утепленном грунте.

На нашей станции есть и птицеферма, где, кроме кур, уток и гусей, живут два красавца лебедя, есть и кроликоферма. Там живут кролики пяти известных пород: венские голубые, горностаевые, ангорские, шиншиллы, рексы. А шестая порода совсем особая. Получили ее сами ребята путем скрещивания пород венской голубой, горностаевой и рекс. Называется этот кролик — «юннатский серебристый». Он очень красив. Шкурка у него блестящая, черная с проседью, как у чернобурой лисы.

Вот какую кукурузу вырастили омские юннаты.

Новое пополнение

Самым радостным днем для семиклассников Марьинской школы на Ставрополье был день, когда их приняли в ученическую бригаду.

Ребята очень волновались, когда их заявление разбирали на комитете комсомола, а затем на педагогическом совете.

Один Миша Корицкий был спокоен. Он оказался самым настойчивым и еще в прошлом году получил комсомольскую путевку — право работать вместе со старшеклассниками. Сто четырнадцать трудодней выработал он за лето.

Семиклассники, конечно же, выбрали Мишу своим звеньевым. Вы его видите на фотографии. Он дает задание членам своего звена. У ребят немало дел: звену выделили 25 сотых гектара моркови, десять соток лука, несколько рядков картофеля, помидоров, тыквы, капусты, участок сада. Все это нужно вовремя прополоть, окучить, полить.

Закреплено за звеном и кукурузное поле — целых шесть гектаров.

Тщательно ухаживают за кукурузой семиклассники. Ведь они хотят собрать не менее пятидесяти центнеров с каждого гектара.

Помидор

Проведите этот опыт у себя

РАССКАЗ УЧИТЕЛЯ БИОЛОГИИ Н. И. БОБРИКОВА ИЗ НИКОЛЬСКОЙ СЕМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ, СТАРОБАРДИНСКОГО РАЙОНА, АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В Сибири, да и в средней полосе нашей страны помидоры начинают краснеть поздно, а часто и вовсе не вызревают. Чтобы ускорить их созревание, агрономы советуют плоды накалывать проволокой (4—5 уколов в верхней части плода), а в нижней части стебля делать надрезы и в расщеп вставлять сухие коротенькие прутики (тогда ограничивается доступ питательных веществ к плодам).

А наши ребята нашли более простой способ.

Как-то выдался у нас на Алтае очень капризный август: дождливые, прохладные дни сменялись ясными и жаркими. Температура резко колебалась даже в течение суток: днем было 30°, ночью 10°.

На помидорах появились ожоги, и ребята в солнечную погоду укрывали помидоры травой, а в прохладное время раскрывали. Укрытые помидоры созревали быстрее.

Советую всем ребятам провести этот опыт. Как только плоды помидоров вырастут и из темно-зеленых станут бледно-зелеными, закрывайте их травой на два—три дня. Повторите это несколько раз.

Два урожая капусты

РАССКАЗЫВАЕТ ЛЮСЯ ПЕРЕКУТЯ ИЗ ГОРОДА БУЙНАКСКА, ДАГЕСТАНСКОЙ АССР

Я живу в Дагестане. Дагестан — это горная страна. Земли, удобной для полей и огородов, у нас мало, приходится сеять на склонах. На одном из таких огородов я выращивала раннюю капусту и собрала большой для наших мест урожай — 521 центнер в пересчете на гектар.

Как я выращивала капусту?

13 февраля посеяла семена капусты в ящичках. Через четыре дня появились первые всходы. В начале марта я поставила ящички в парник и ухаживала за рассадой до тех пор, пока не высадила ее в грунт. Это было 25 мая.

Через каждые три дня я поливала капусту и рыхлила почву. В конце июня подкармливала золой и птичьим пометом.

Когда я срезала кочаны, я срезала и все листья. На кочерыжке бывает пять—шесть спящих почек. Я оставила только две. Из этих почек развились новые кочаны, и в конце осени я собрала второй урожай.

Молодые хозяева соревнуются

ГОВОРИТ АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА ЖУКОВА, ВОЖАТАЯ ЗВЕНА

Кукуруза

Мне хочется вам, ребята, напомнить о том, что вот уже два года ЦК ВЛКСМ проводит Всесоюзное социалистическое соревнование комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников по выращиванию высоких урожаев кукурузы. И если вы участвовали в посеве кукурузы, если вы сеяли кукурузу на лучшей, хорошо удобренной земле, калиброванными, протравленными семенами и только квадратно-гнездовым способом; если вы потом вовремя прореживали кукурузу, подкармливали, пропалывали; если вы и сейчас продолжаете старательно и правильно ухаживать за кукурузой,— вы можете ожидать отличного урожая.

А кто получит самый высокий урожай кукурузы, тот выйдет победителем соревнования. Победители получат 1 100 премий. Для вас, ребята, выделено 225 премий: 100 путевок в пионерский лагерь «Артек», 100 путевок на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку и 25 бесплатных годовых подписок на газету «Пионерская правда». Кроме того, премированные комсомольские организации и пионерские дружины получат еще и наборы музыкальных инструментов или спортивного инвентаря стоимостью в 1 000 рублей.

Я надеюсь, что среди членов моего звена будет немало победителей соревнования.

Эти ребята живут в Красноярском крае. Раненько на зорьке выехали они на рыбалку целой компанией. А не организовать ли и вам, друзья, звено рыболовов? Что может быть увлекательнее рыбалки!

Фото Евгении Оцуп.

Рижская школьница Аусма Бурмейстере приехала на каникулы к своим родным в колхоз «Энкуре». Аусма помогает взрослой колхознице Милде Лубиня, с удовольствием возится с телятами и не променяет это занятие ни на какое другое.

Фото Евгении Оцуп.

Мы нашли помощников

ГОВОРИТ ВИТЯ МИХЕЕВ,
ЮННАТ СВЕРДЛОВСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ

Многие считают жабу уродливой и вредной. С первым я согласен, жаба некрасивая: кожа у нее шероховатая, серо-бурая, лапы короткие, и передвигается она медленно, неуклюже переваливаясь с боку на бок. Но я не могу согласиться со вторым обвинением.

Жаба — очень полезное животное. Она ловит на огородах вредных насекомых. Днем жабу не увидишь: прячется от солнца где-нибудь в подвале, под камнем или под пнем. Зато в сумерки жаба выходит на охоту, и на ее длинном липком языке погибает не одна сотня мух и букашек.

Вот почему мы ловим жаб и переселяем их на огороды.

И не только жаб. Переселяем мы в сады и жужелиц. Черно-фиолетового жука жужелицу, наверно, видел каждый из вас. У него длинные ножки, и он быстро бегает по земле, отыскивая вредных личинок и гусениц.

В тех местах, где много жужелиц, мы закапываем в землю стеклянную банку с куском порченого мяса. Вечером зароем банку до краев в землю, а утром в банке полно жужелиц. Забирай и неси в сад.

Еще очень полезна божья коровка. Она прожорливая и поедает много тлей.

Мы знаем, что чем больше будет в наших садах и огородах серых жаб, черно-фиолетовых жужелиц, красных божьих коровок, тем богаче урожай мы соберем.

ЗАПОМНИ

Некоторые ребята на прополке срывают сорняки, а не выдергивают их с корнем. После прополки сорняки снова отрастают, такая прополка бесполезна.

•

Не поленись несколько раз подкормить растения. Как это делать, спроси у агронома или учителя или прочитай в справочнике по садоводству, полеводству и огородничеству.

•

Собирай семена самых пышных и крупных цветов, самых урожайных кустов томата, самых сладких дынь, арбузов, самых крупных огурцов. Высуши семена в тени и сложи в отдельные пакетики. Не забудь написать на пакетике название растения, число и месяц сбора семян. Будущей весной ты посеешь эти семена, и они принесут хороший урожай.

•

Какая девочка, по-вашему, правильно поливает? Конечно, та, что справа. Она не поднимает лейку высоко, чтобы вода мягко ложилась на землю, не била сильной струей и не смывала почву с гряды.

Овощи лучше поливать реже, да как следует, чтобы вода проникла к корням.

Перед тем, как поливать капусту, помидоры или другие окученные растения, сделайте вокруг куста маленькую бороздку для воды. После полива заровняйте землю.

•

Поливайте огород рано утром или вечером, когда нет солнца, тогда на листьях и стеблях не будет солнечных ожогов. Ведь каждая капелька воды собирает солнечные лучи, как увеличительное стекло. Оттого и ожоги.

МОРСКОЕ ЗВЕНО

Это капитан первого ранга Александр Александрович Микульшин — командир нашего морского звена. В это звено мы приглашаем всех ребят — пионеров, мальчиков и девочек, которые мечтают о море, любят море, хотят стать моряками.

Сегодня наше звено выходит в первое плавание. На вахте — штурман дальнего плавания, писатель, моряк А. С. Некрасов. Ему командир поручил провести первую беседу.

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ

Выходим в море

Море — это дорога. Говорят: «Моря разделяют сушу...» А не вернее ли сказать, что моря объединяют ее?

Сотни тысяч тонн нефти, руды, хлеба идут от наших берегов в далекую Индию, в европейские порты, в Китай. Из Бразилии везут к нам кофе, из Индонезии бананы, из Бирмы рис. Десятки тяжелых железнодорожных составов не подняли бы того груза, который несет в своих трюмах один большой пароход.

Но море не только дорога. Море — это неиссякаемый источник богатств. Тысячи тысяч тонн рыбы, крабов, китового жира, драгоценные шкурки морского зверя, добротные кожи дельфина, удобрения для полей, кораллы, йод, перламутр, губки, жемчуг — вот сколько богатств дает человеку море!..

Но и это не все. Море — это школа богатырей, арена борьбы, на которой человек вступает в единоборство с ветрами, с бешеными волнами, с непроходимыми льдами, с туманами, с мелями, с жаждой и с голодом... Вступает в бой и... выходит победителем!

Вот что такое море!

Но море — это и путь для врага. Вспомните, сколько раз снаряды, выпущенные с вражеских кораблей, рвались в наших приморских городах. Подводные лодки, тайком подкравшись, к нашим берегам, высаживали шпионов и диверсантов. Под видом мирных рыбаков, приходили в наши воды разведчики, чтобы проложить дорогу вражеским боевым кораблям.

Ты хочешь стать моряком, мечтаешь о море? Это большая мечта. Но, чтобы свершилась большая мечта, нужно начинать с маленького.

Петр Великий, положивший начало могуществу нашего флота, свои первые морские походы совершал на просторах... крошечного пруда в Лефортове.

Но он умел мечтать, и в его мальчишеских мечтах крошечный ботик превратился в могучий боевой корабль, а берега заросшего ряской пруда раздвинулись далеко за пределы горизонта.

Помечтаем и мы...

Морские дороги

Чем не море наш пруд или даже лужа, которая осталась после ливня?

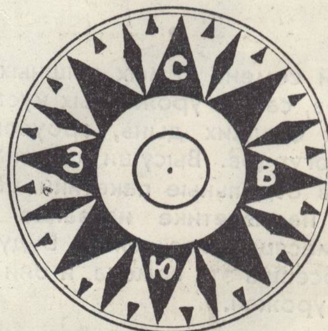
А раз так, тогда вперед, в дальнее плавание! Курс...

Стоп, а что такое курс корабля?

— Курс корабля — это угол между меридианом и направлением движения судна,— скажешь ты.

Отлично! Почти точный ответ.

Так вот: нам нужно с берега до берега пересечь



На плотной бумаге начертите такую картушку, в середине прорежьте отверстие. Осторожно снимите стекло с обыкновенного компаса и клеем «БМФ» приклейте картушку к стрелке так, чтобы вершина треугольника «С» пришлась точно против северного конца стрелки. Каждое деление морской картушки называется румбом. Всех румбов тридцать два.

наше море. Направление меридиана (линию юг — север) подскажет нам стрелка компаса.

Но плавать по такому компасу неудобно.

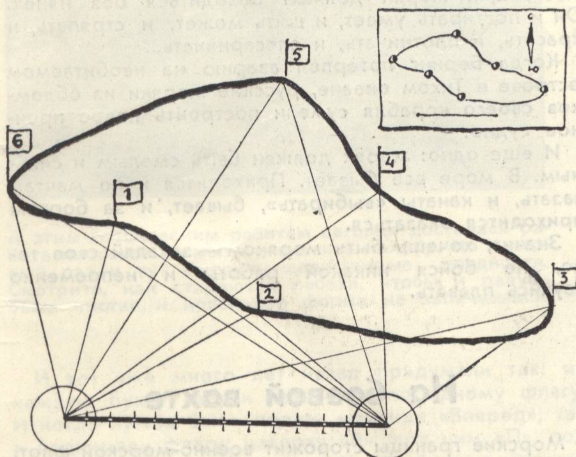
Придется для дальнего плавания немножко переделать наш сухопутный компас и превратить его в морской. Сделать это совсем нетрудно (рис. на стр. 50).

А теперь ставь компас на судно так, чтобы через центр картушки прошла линия нос — корма. И смотри: куда бы ни шло наше судно, деление картушки, стоящее против носа, сразу покажет курс. Допустим, наш путь лежит на юго-восток. Смотри внимательно: следи, чтобы все время держалось против носа твоего корабля соответствующее юго-востоку деление картушки (румб). Ну, а если рулевой прозевает, если картушка «покатится» влево на один — два румба, поправь рулевого, как поправляют на кораблях:

— Два румба вправо!

Но компас — это еще не все. Без морской карты в море не выйдешь. Выйти-то можно, конечно, но куда придешь?

Значит, придется делать и карту. Как ее сделать, показано здесь на рисунке.



Так снимается морская карта: из двух произвольных точек замечаются направления по компасу на приметные места залива, острова, мыса, который снимают. Расстояние между точками замеряют и в масштабе переносят на бумагу. По транспортиру из концов получившегося отрезка проводят пучки прямых под теми же углами. Точки пересечения прямых соединяют плавной линией.

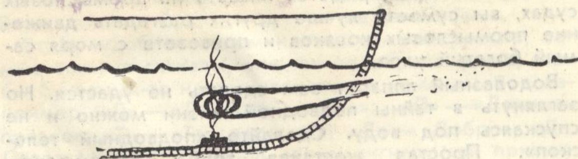
По такой карте уже можно плавать. А если есть мели на нашем море? Придется провести промеры глубин и все «опасные места» нанести на карту. Вот тогда карта готова. Она не очень точна и не совсем правильно построена, но все же она не хуже тех, которые делали офицеры Колумба, впервые положившие на бумагу берега и заливы Южной Америки.

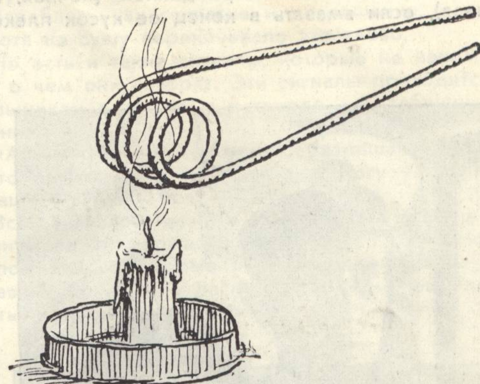
Карта готова. А корабли? У Петра I был ботик. А мы и с плотиком обойдемся.

Сделать его нетрудно: сбейте или свяжите попрочнее с помощью двух жердей два (если есть больше, так еще лучше) сухих бревна, чтобы получилось вроде буквы «Н», только не с одной, а с двумя перекладинками. Вот и готов наш корабль. Конечно, много на него не погрузишь, но одному— двоим можно отлично плавать и с шестом, и с веслами, и даже под парусами.

А если и такому кораблю не хватит простора в нашем море, тогда придется строить модели.

И вовсе неважно, чтобы они были отделаны с ювелирной тщательностью. Нам важно одно: чтобы они плавали. Любая дощечка с килем, рулем и парусом прекрасно пойдет по нашему морю. Если же хватит у вас настойчивости и умения,— можно сделать и самоходную модель (рисунок наверху).





Достань тонкую металлическую трубочку внутренним диаметром 1,5—2 мм, осторожно согни так, как показано на рисунке, и укрепи в любом плавающем корпусе так, чтобы отверстия трубочек выходили ниже линии погружения модели (ватерлинии). Если под спиралькой зажечь огонь (плошку с парафином, спиртовку), судно пойдет вперед тем быстрее, чем оно легче и чем тщательнее сделан корпус.

Карта есть, компас есть, флот есть, можно и в плавание. Пускайте по морю ваши корабли, отмечайте на карте их пути, записывайте в вахтенных журналах все, что случится с ними. «Открывайте» мысы, заливы, бухты, давайте им имена...

А потом эти карты со всеми пометками и журналы принесите в школу, и вам будет что рассказать друзьям о летних морских походах.

Богатства моря

Скорее всего, в нашем море совсем не окажется рыбы. Но жизнь есть в любом водоеме. Распознать ее, изучить, разведать — это уже полпути к овладению богатствами моря.

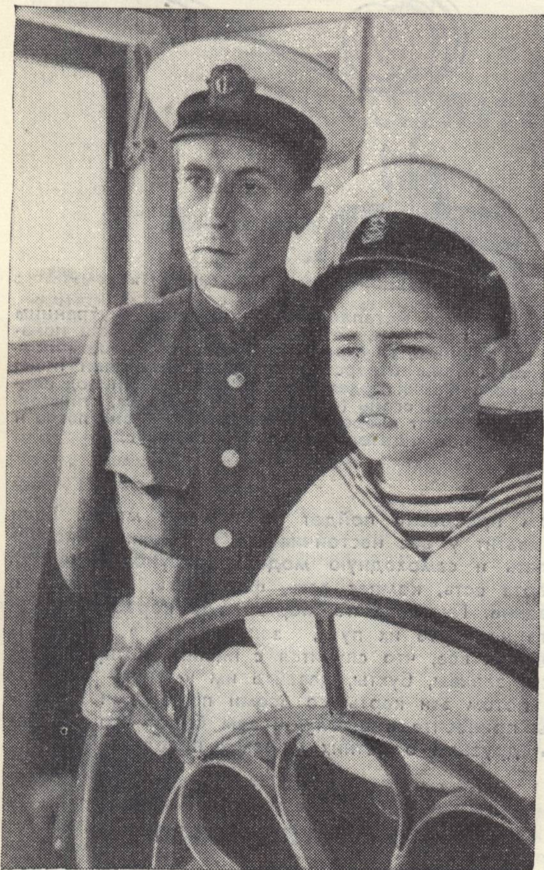
Соберите гербарий подводной флоры. Соберите коллекции фауны вашего моря. Ведите дневник своих наблюдений и заносите туда все интересное (а интересного в любом водоеме непочатый край).

Вот, например, простая ракушка... Один ее путь, прочерченный по илу прибрежной отмели, может стать темой пионерской диссертации... И как интересно внутреннее строение ракушки, особенно если

под ее створками окажется настоящая жемчужина! А паучок-серебрянка, который тащит с собой под воду шарик воздуха для дыхания, а похожие на лыжников скороходы-водолюбы, которые, обгоняя ваши корабли, проносятся по морю... Найдется на что посмотреть...

Наблюдайте, учитесь видеть и сопоставлять факты, и, кто знает, может быть, через много-много лет, если вам придется плавать на промысловых судах, вы сумеете лучше других разгадать движение промысловых косяков и привезете с моря самый богатый улов.

Водолазный аппарат вам сделать не удастся. Но заглянуть в тайны подводной жизни можно и не спускаясь под воду. Сделайте «подводный телескоп». Простая жестяная труба сантиметров в 10 диаметром, около метра длиной (печная, водосточная), если вмазать в конец ее кусок плексигласа или круглое стекло и погрузить на полметра в воду, дает возможность отлично видеть все, что делается на глубине нескольких метров.



В Москве, в Горьком, в городах, стоящих у больших рек, для ребят устроили детские речные пароходства. Так же, как на детских железных дорогах, в детских речных пароходствах ребята сами управляют кораблями, несут вахты на мостиках и у машин, сами принимают и отправляют суда. На этой фотографии горьковчанин Саша Депсамес стоит у штурвала. Нелегко первый раз вести судно по реке, но пассажиры могут не беспокоиться: рядом с Сашей стоит опытный капитан-наставник, который в случае нужды исправит Сашину ошибку.

Колыбель богатырей

Некоторые думают, что моряк — человек бесшабашный, этакий сорвиголова, которому все нипочем. А на самом деле моряк — это самый дисциплинированный человек.

Без дисциплины на море нельзя. Там, где стихия каждую секунду грозит людям, некогда спорить, некогда раздумывать. Там команда капитана должна выполняться немедленно, без возражений и наилучшим образом.

У капитана большая власть. Но эта власть не дается даром. В любом положении, что бы ни случилось, капитан должен сразу найти единственное правильное решение. Этому нелегко научиться. И прежде чем учиться командовать, нужно научиться подчиняться. Беспрекословно, быстро и точно выполнять любую команду.

Это первое. А второе — умей все делать сам. Настоящий моряк должен обходиться без нянек. Он и постирать умеет, и шить может, и стряпать, и красить, и плотничать, и слесарничать...

Когда Беринг потерпел аварию на необитаемом острове в Тихом океане, русские моряки из обломков своего корабля сумели построить новое прочное судно.

И еще одно: моряк должен быть смелым и сильным. В море все бывает. Приходится и по мачтам лазать, и канаты «выбирать», бывает, и за бортом приходится оказаться.

Значит, хочешь быть моряком — закаляй свое тело, не бойся никакой работы и непременно научись плавать.

На боевой вахте

Морские границы сторожит военно-морской флот. Флот состоит из кораблей. Но сколько бы кораблей ни собралось вместе,— это еще не флот.

Военно-морской флот — это корабли, спаянные единой волей, связанные единой целью, решающие общую большую задачу. Адмирал отдает боевой приказ — корабли исполняют его.

Но чтобы исполнить приказ, его нужно знать. Вот поэтому в морском сражении самое важное, часто важнее артиллерии, важнее брони,—это связь. Стоит потерять связь, и соединение кораблей превращается в сборище кораблей, неспособных к бою.

Сейчас корабли в любую минуту могут связаться по радио. А пятьдесят лет назад, когда не было радио, как тогда поддерживалась связь в бою? Ведь большие морские сражения бывали и тогда.

Рассыльного с пакетом по морю не пошлешь. Но зато, где бы ни стоял корабль, он со всех сторон виден на много километров. Вот и придумали моряки разговаривать в море флагами и огнями. Договорились, к примеру, так: такой-то флаг на мачте — значит, «вперед». Такой-то — «огонь по врагу», а такой-то — «человек за бортом». Удобно. Но чем сложнее становились морские битвы, тем труднее стало управлять кораблями. Ведь на каждый случай нужно придумать свой флаг, свой сигнал, да мало придумать, нужно еще запомнить его!

А этим горьковским ребятам сегодня досталась работа попроще: вымыть и скатить палубу. Но в первый раз и тут бывают неожиданные трудности. Смотрите, как стараются ребята, чтобы и палуба была чистая и новенькая форма не запачкалась!

И вот уже много лет назад придумали так: на каждую букву азбуки назначили по одному флагу. И когда нужно было подать команду «Вперед», так и поднимали флаги: наверху «В», под ним «П», под ним «Е», под ним «Р» и т. д. Но уж больно медленно шли такие переговоры: пока наберешь слово из букв-флагов, да поднимешь, да опустишь, да новое слово наберешь... Но и тут нашли выход: заранее договорились, на каждый случай какая буква (какой флаг) что означает. Тридцать шесть букв — это уже тридцать шесть разных команд. А можно поднять и двухфлажные и трехфлажные сигналы... И каждый из них тоже означает какую-то команду.

Но ведь всех сигналов не запомнишь! Вот и завели сигнальные книги. В них все сигналы подобраны по порядку букв алфавита.

Увидит сигнальщик на мачте соседа флаги (вот хоть такие, которые поднимает пионер на обложке этого журнала, «ДУЪ») и, если не помнит значения этого сигнала, раскрывает книгу для разбора сигналов, ищет в ней, как в словаре, Д...ДУ...ДУЪ... Вот, нашел. Рядом с этими буквами написано: «Желаю счастливого плавания».

Нужно ответить, поблагодарить. Сигнальщик ищет в другой книге для разбора сигналов, где слова и команды подобраны по порядку, слово «благодарю». Нашел, а против этого слова стоят три буквы: «АКЕ». Их и поднимет на мачте.

Но есть и такие сигналы, которые каждый сигнальщик должен знать напамять. На четвертой странице обложки журнала нарисованы сигнальные флаги Советского Военно-Морского Флота. Каждый такой флаг означает букву (или цифру), но называют их не просто буквами русского алфавита, а буквами славянской азбуки.

— Зачем? — спросишь ты.

А вот зачем. Скажет тебе начальник: «Поднять Вэ»,— а тебе послышится: «Поднять Фэ»; скажет: «Поднять Бэ»,— а тебе покажется: «Поднять Пэ»... Так и напутать недолго. А если скажут: «Поднять Веди, поднять Буки!»,— тут уж не ошибешься.

Чтобы удобнее запоминались самые простые, самые важные сигналы, они так подобраны у нас, чтобы буква как-то напоминала смысл команды. Вот, например, «Л» — «Держать левее»; «П» — «Держать правее»; «Т» — «Так держать»; «Д» — «Добро», «Да. Согласен. Разрешаю». К этому сигналу так привыкли у нас на флоте, что самое слово «добро» стали употреблять как согласие и разрешение, и даже с флота на сушу перекочевало это слово.

Но есть и такие сигналы, которые не напоминают то, о чем они говорят. Эти сигналы приходится сигнальщикам запоминать натвердо, как таблицу умножения.

«Аз» — «Не согласен, не разрешаю». «Есть» — «Что случилось?». «Како» — «Не могу управляться». «Наш» — «Гружу боевой запас».

Всех сигналов, даже однофлажных, тебе не запомнить, да это, пожалуй, и не нужно пока. Но если запомнишь некоторые из них, уже хорошо: самые главные команды и распоряжения сможешь передавать на большие расстояния.

Юные мотористы Таня Лосева и Толя Долгов работают в машинном отделении теплохода «Смелый», который отдан в распоряжение юных водников Московского детского речного пароходства.

В море встречаются корабли разных стран. В каждой стране свой язык. И тут тоже помогает флажной разговор: на всех языках сочетание определенных флагов (эти флаги такие, как и у нас в ВМФ) означает одно и то же.

Допустим, случилось несчастье на нашем корабле — нужен хирург. А стоим мы в японском порту, там по-русски никто ни слова не знает. Глядим в книгу, ищем слова «хирург», «необходим». По-нашему это два трехфлажных сигнала: «йрг» и «жще». Поднимаем на двух фалах эти флаги. И неважно, как звучит по-японски слово «хирург» и как по-японски слово «необходим». Но в японской книге для разбора сигналов против этих флагов тоже значится — «Нужен хирург». Здорово, правда?

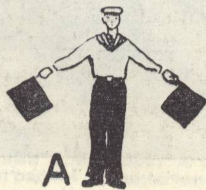
Но особенно удивляться нечему. Есть ведь и другие сигналы, которые во всем мире люди понимают, не зная языка. Красный сигнал светофора — это во всех городах мира значит «Стой!». А поднятый семафор на всех железных дорогах значит «Путь открыт». Кстати, семафор и пришел на железную дорогу с моря.

На маленькой шлюпке негде поднимать флаги. Но на этот случай морякам и двух флагов хватает. Есть способ сигнализации, который так и называется «Семафор». Каждая буква в таком семафоре соответствует определенному положению рук с флажками. И если оба сигнальщика, и передающий и принимающий, твердо знают семафорную азбуку, то они могут переговариваться очень быстро — до ста и более знаков в минуту.

Есть и еще виды связи между кораблями: есть азбука Морзе, есть прожекторная связь, есть подводный телефон... И все эти виды связи нужны. В бою может выйти из строя тот или иной аппарат. Но что бы ни случилось, связь между кораблями не должна прекращаться.

Вот поэтому рядом с корабельными антеннами до сих пор проведены к нокам рей сигнальные фалы. Вот поэтому, где бы ни был корабль: в бою, в походе, на якоре,— всегда несут вахту на нем зоркие сигнальщики, готовые заметить, принять, разобрать любой сигнал, доложить его вахтенному офицеру и по его приказанию дать ответ.

И ты, если хочешь стать военным моряком, учись зорко смотреть вокруг, не зевать, замечать все, что творится на море и на берегу. Выучи флажную азбуку, и азбуку Морзе, и флажной семафор.



СТРОИТЕЛЯМ И ТУРИСТАМ, ДРУЗЬЯМ ЛЕСА И ЗАТЕЙНИКАМ, КИНОСНАЙПЕРАМ И МОРЕХОДАМ! ВСЕМ ПИОНЕРАМ!

Отложите на два часа все свои занятия и немедленно отправляйтесь на спортплощадку.

Спортивное звено вызывает вас туда для очень важного дела: для тренировки по легкой атлетике.

Все пионеры должны подготовиться к Всесоюзным заочным соревнованиям в честь сорокалетия ВЛКСМ. Их объявил Центральный совет пионеров.

Мы будем состязаться в беге на 60 метров, в метании мяча, прыгать в длину и высоту.

Соревнования будут осенью, с начала учебного года. Но, конечно, к осенним соревнованиям надо тренироваться летом, сейчас, сегодня.

Это будет небывало многолюдное соревнование. Вы только вообразите, сколько у вас будет соперников! Миллионы пионеров! Тысячи дружин!

Победа достанется не только тем отрядам, в которых есть несколько выдающихся спортсменов, но тем отрядам, которые целиком, в полном составе участвуют в соревнованиях. И даже в первую очередь. Ведь значит, там все ребята занимаются спортом.

Итак, начинайте тренировку.

Внимание! На старт!

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Рассказ Маргариты ЯРОВОЙ

Рисунки Ф. Лемкуля.

Играли в круговую лапту. Первым выбили Димку: он сам поддался. Ему хотелось пить, а дома, в тазу для варенья, лежали спелые вишни.

— В такую жару вишни даже лучше, чем вода,— рассуждал Димка, набивая вишнями карман своих широких сатиновых брюк.— Водой сейчас не напьешься!

Когда он выбежал из дому, новенький ярко-синий мяч уже не носился над поляной. Ребята сбились в тесную кучку и громко, встревоженно галдели, а сам хозяин мяча, маленький востроносый Валерик-Буратино, плаксиво пищал тоненьким голоском:

— Кто, кто изломал мой мячик? Давайте делайте сейчас же, как было!

Димка протиснулся вперед. На бурой, вытоптанной полянке лежал новый мяч. Он казался теперь разбухшим, тяжелым, и его впалый бок уже не отливал на солнце эмалью.

— Здорово! На гвоздь напоролся, да? — спросил Димка.— Кто это его?

— Кто... кто...— перебила его Галка, сердито двигая широкими выгоревшими бровями,— это уже совсем неважно, кто!

— А что важно? — удивился Димка и незаметно сунул за щеку несколько вишен.

— Да этот мяч подарили Валерику на день рождения. Понимаешь? И тетя Маша дала его Лене под ее личную ответственность. Понимаешь?

— Да, под мою личную ответственность,— тихо подтвердила Лена.— Нам доверили, а мы...— Она виновато взглянула на мяч из-под своей черной кудрявой челки.

— Такой мяч тридцать рублей стоит,— убежденно сказал Федя, потрогав босой ногой дряблую кожу мяча.— Где она такие деньги возьмет? — На широком сдобном лице Феди появилась растерянная улыбка.

— Пятнадцать! — сказала Лена.— Я такой же у нас в сельмаге видела.

— Пятнадцать! А где такие деньги возьмешь?

— Нам доверили, а мы...— с отчаянием повторила Лена, и в ее черных глазах заблестели слезы.

— Постойте!— закричала вдруг Галка.— Я придумала!

Она схватила блестевший у забора осколок стекла и нацарапала на тропинке по сухой, растрескавшейся земле: «15 : 6».

— Пятнадцать на шесть. Сколько это будет?

— Не делится,— уверенно сказал Федя.

Галка нетерпеливо дернула загорелым плечом, поправляя сползшую лямку цветастого сарафана.

— Тогда пятнадцать на пять. Валерка ведь не считается.

— По три рубля. Подходяще! — обрадовался Федя.

— Только бы сам Буратино не проболтался,— сказал рыжий Костя.

— А мы его!..— Федя показал кулак.

— Не стыдно? — возмутилась Лена.

— Мы его, маленького, в сельмаг возьмем,— ласково начала Галка, тревожно оглядываясь по сторонам.— Мы ему заводную машинку покажем.

Ребята обернулись, ища глазами Валерку, но его красная жокейка уже мелькала за редким зеленым частоколом новой дачи.

— Все согласны по три рубля? — угрожающе спросила Галка, тряхнув растрепанными светлыми косами.

— Единогласно,— сказал за всех Костя.

Лена смахнула слезы.

Только теперь Димка понял, что и ему придется выкладывать три рубля. На его широком, облупившемся от загара носу выступил пот, а толстая нижняя губа, всегда придававшая его лицу обиженное выражение, оттопырилась, вытянулась подковкой и совсем закрыла короткую верхнюю.

— Послушайте, ребята,— начал он торопливо и немного картавя (вишневые косточки за щекой мешали ему говорить),— меня же тогда не было! Я домой бегал, когда вы его порвали.

— Ну и что?

— Ну и вот! И не буду я три рубля платить. Когда я пошел, он целый был.

— Ну и что?

— Ну и вот: кто-то порвал, а я плати. Нашли дурачка!

Димкины уши горели, будто он только что получил встрепку.

— Значит, ты против всех? — запальчиво выкрикнула Галка и обвела прищуренными зеленоватыми глазами ребят, будто призывала их всех в свидетели.

— И нет! И ничего подобного! А деньги я вносить не буду! — не сдавался Димка.— Я же не виноват!

— И никто не виноват! Это просто несчастный случай.

— Может быть, ему дома три рубля не дадут,— высказал свою догадку Костя.— Разные бывают родители.

— Конечно, мамка мне столько не даст,— уныло, с притворным вздохом отозвался Димка и украдкой взглянул на Галку: кажется, поверила.

— А рубль даст?

— Рубль даст. Если ее очень попросить.

Димке не пришлось выпрашивать у мамы рубль.

— Слышала я о вашем «несчастном случае»,— с веселой усмешкой сказала она Димке.— Сегодня сельмаг закрыт. Ты завтра отдашь.— И она выложила деньги из сумочки на комод.

«Наверно, встретила дорогой Галку,— догадался Димка.— Везде ее спрашивают!..»

Утром, уходя на работу, мать ласково потрепала спящего Димку по щеке.

— Смотри, рассеянный с Бассейной, не потеряй свой рубль! Ты вчера забыл двери на терраску закрыть. Курицы половину вишен поклевали. Вот тебе и варенье!

Димка ответил ей сонным бормотанием и отвернулся к стене.

Стукнуло медное кольцо калитки. Димка соскочил с дивана. Рубль был еще совсем новенький, лаковый, хрустящий. «Такой даже отдавать жалко»,— подумал Димка.

Он вышел во двор и сел на залитое солнцем крыльцо. Хлопотливо, озабоченно кудахтали куры, и в высокой траве алым маком качался петушиный гребень. У забора, под старым тополем, растянулся Барбос, изредка лениво позвякивая цепью. Димка поднял голову. Ветки тополя будто завязли в густом синем небе.

«Жарища будет!» — подумал он.

И сейчас уже солнце заметно припекало его голые плечи и спину в выцветшей сиреневой майке.

Хорошо бы сходить выкупаться на карьеры! Там река настоящая! Не то что эта свинячья лужа — Пехорка! И пляж песчаный! Да разве одного мама отпустит! Вот был бы жив отец, каждое бы воскресенье ходили!.. И мороженку в такую жару тоже не плохо. Димка с удовольствием потрогал в своем кармане рубль.

Все-таки зря с него просят деньги! Конечно, дело не в этом рубле. Если он захочет, может разбить копилку, там уж, наверно, целых пять рублей накопилось. Даже больше! Не рубль ему жалко, а просто почему он должен платить? Ведь, если считать по правде, в этом несчастном случае один он не виноват: его же не было. Всякому ясно, что не он порвал.

А если бы он объелся мороженым и заболел и совсем на улицу не выходил, обошлись бы они тогда без его рублевки?

И Димка решил заболеть.

Он наскоро позавтракал холодными макаронами, запивая их вишневым киселем, и, старательно замотав себе горло клетчатым маминым платком, прошелся по всей квартире, придумывая, чем бы заняться. День обещал быть длинным и скучным. Только теперь он заметил записку на буфете под синей сахарницей.

«Димочка! Разогрей макароны и съешь кисель. Сходи курицам за кормом и купи керосина. Не забудь почитать. Целую. Твоя мама».

«Оказывается, два дела я уже сделал,— подумал Димка и вычеркнул «макароны» и «кисель».— Та-ак! Дальше: сходить за кормом и за керосином. Ну, раз я болею, само собой понятно, не ходить. А почитать я еще успею».

Димка заглянул в сарай и случайно среди груды всякого хлама обнаружил старинный умывальник с осколком мраморной доски. Он с трудом выволок его во двор и долго раздумывал, на что он еще годится.

Пожалуй, из него получится неплохой шалаш, если забить его фанерой и покрыть сверху толем.

Когда шалаш был готов, Димка попробовал укрыться в нем от жары. Шалаш оказался слишком мал. Сидеть в нем приходилось согнувшись, прижав колени к животу. Ноги у Димки скоро затекли, от нагретого солнцем толя в шалаше было душно и жарко, как на самом солнцепеке. Пришлось вылезать из шалаша.

— Ты чего так мало сидел? — спросила его Галка, заглядывая через щель в заборе во двор.— Я по часам заметила. Всего-навсего восемь минут. Дольше строил!

Димка нащупал в кармане рубль и невольно зажал его в потном кулаке. Ему не хотелось замечать ехидных ноток в Галкином голосе.

— Да одному скучно,— признался Димка.

— А ты бы сидел и учил таблицу умножения.

— Да-а, нашла дурачка, тогда еще скучнее!

Галка молчала. Димке показалось, что она карабкается на забор.

— Смотри, Галка,— сказал он беспечно, с независимым видом подходя к забору.— Я все-таки здорово за это лето подрос, а в прошлом году я был самому себе только вот посюда.— Он стукнул ребром ладони по своему виску.— Смотри, вот посюда. А ты?..

Галка влезла на забор. Ее всегда растрепанные светлые косички были туго заплетены новыми голубыми лентами.

— Не прыгай,— предупредил ее Димка.— У меня, наверно, скарлатина. Тридцать... Тридцать восемь и два.

— Подумаешь! У меня даже сорок было, да и то я не умерла. Ну, давай рубль!

Но Галка вдруг исчезла, а вместо нее («Совсем как в кукольном театре»,— подумал Димка) появилось сердитое лицо ее бабушки.

— Я вам покажу, бездельники, как по заборам лазить! Прыгаете тут, всю смородину у меня поломали!

И, заметив платок на Димкиной шее, она добавила так же ворчливо:

— Допрыгался! Ну заходи, я тебе сушеной малины дам.

— Спасибо, — по-гусиному прошипел Димка.

«Хорошая бабушка у Галки! — подумал он с благодарностью.— А ей действительно нечего тут лазить. Только смородину ломает».

Но Галка, должно быть, терпеливо дождалась, пока ее бабушка заберется по скрипучим ступеням на терраску, и между щелями забора снова замелькал знакомый сарафан с выцветшими васильками.

Димка обежал дом и вышел с другой его стороны. Во дворе было тихо. Назойливо жужжали мухи, кружась над миской Бар-

боса, к которой он не хотел притрагиваться в такую жару. Димка слышал его короткое, частое дыхание, видел, как вздрагивает рыжая шерсть на его впалых боках, а с длинного языка капельками стекает вода. Димка хотел поиграть с ним, но он вяло махнул хвостом и лениво выдернул из Димкиных рук свою лапу.

Солнце давно уже стерло тень от старого тополя и от забора и заливало теперь весь двор. Куриная семья плескалась в песке, поднимая крыльями желтую пыль.

«А им хорошо, весело»,— подумал Димка и плюхнулся в прогретую солнцем траву. От запаха мяты и полыни у Димки легонько закружилась голова, и он не заметил, как начал дремать под ровное стрекотание кузнечиков.

В обед пришла мать. Потрогав Димкину голову, она заставила его проглотить две таблетки стрептоцида, напоила липовым цветом с медом и, закутавши одеялами, строго-настрого запретила вставать с постели.

Вечером у Димкиного дома собрались ребята. Они долго звали Димку, делали ему какие-то знаки, кидали в стекло комочками из репья, но Димка так и не подошел к окну: разморенный жарой и духотой, он и впрямь чувствовал себя больным и даже не стал пробовать нажаренные матерью его любимые пироги со свежей капустой.

Духота к вечеру стала еще сильнее. Собиралась гроза. Небо заволокло черными тучами. Тоненько, гнусаво пищали налетевшие с улицы комары. От их ожогов нестерпимо горела шея, и Димка долго не мог заснуть. Ему казалось, что в его жизни еще не было такого длинного и тоскливого дня.

Только в полночь по деревянной крыше терраски горохом рассыпались первые капли, ударил гром, и по кряжистому стволу тополя чиркнула молния. После дождя с улицы потянуло сырой прохладой.

«Завтра махнем с ребятами за грибами»,— радостно подумал Димка, засыпая под глухое ворчание уходящего грома.

Димку разбудил горластый петух. Он сидел на заборе, поблескивая букетом атласных перьев, и каждый раз, прокричав свое «ку-ка-ре-ку», косился на Димку хитрым лиловым глазом в золотом ободке.

Мокрый от дождя забор еще дымился на солнце. С дырявых листьев тополя падали радужные капли.

Димка растворил окно. Пахнуло ароматной утренней свежестью.

Через дорогу, легко перепрыгивая лужицы, бежала Лена. От ее спортивных туфель, начищенных зубным порошком, слепило глаза. Под белой, похожей на шляпку гриба панамой подпрыгивали черные пружинистые кудряшки. Она прижимала к груди толстую книгу в желтой обложке.

— Ленка! Какая книжка? — гаркнул он во все горло.

— «Остров сокровищ»!— крикнула она и, подойдя к окну, спросила, участливо подняв тонкие, дугой бровки: — А как у тебя горло, Димочка?.. Все еще болит?

— Ага,— сказал он вдруг осипшим голосом и снова кивнул на книжку: — Где взяла?

— Валеркина мама дала.

— Значит, уже отдали деньги? — обрадовался Димка и торопливо, чтобы скрыть свою радость, добавил: — Как она? Ругалась?

— И ничуть даже!

Озорно разбрызгивая босыми ногами лужицу, подбежал Федя. Он был в синих трусиках и в тюбетейке, а к его шоколадной спине плотно прижимался рюкзак.

— Ведь правда, Федя, нас не ругали?

— Наоборот. Даже похвалили, что мы все такие дружные.

— А деньги она не взяла. И мы сразу все в кино пошли на «Хоттабыча». А потом мороженое купили!

— Ага! — подтвердил Федя, прищелкнув языком.— А сейчас мы едем...

Но Лена дернула его за руку.

— Не стыдно тебе дразнить человека? Ведь ты же видишь — у него горло...

— Да чего уж вы? Говорите, теперь все равно,— сказал Димка.

— Сегодня мы купаться на карьеры идем с дядей Петей!

— Здорово! — вздохнул ошеломленный Димка. Ведь дядя Петя, отец Валерки,— мастер спорта! С таким, если даже захочешь, не утонешь! С таким и его бы мама отпустила на карьеры.

Димка сунул сжатый кулак в карман, захрустел забытый новенький рубль... Но теперь от этого хруста у Димки стало тоскливо и гадко на душе.

Сокровища КМА, или неоконченная история одного клада

НЕПОСЛУШНАЯ СТРЕЛКА

В один из летних дней 1783 года — ровно 175 лет назад — курский губернатор принимал приехавшего к нему важного гостя.

— Чрезвычайные открытия не позволяют мне дольше пользоваться вашим гостеприимством! — сказал гость.

— Какие чрезвычайные открытия могут случиться в моем городе! — усмехнулся губернатор.

— Ошибаетесь, ваше превосходительство. Определяя магнитное склонение в Курской губернии, я убедился, что оно весьма превосходит магнитное склонение в Воронеже и Орле!

Через час тройка рысаков мчала дорожный возок на север. Академик Петр Борисович Иноходцев спешил доложить своим коллегам о замечательном открытии.

Ты знаешь, конечно, что стрелка компаса смотрит на магнитный полюс, который не совпадает с географическим, находится от него примерно в тысяче восьмистах километрах, и что поэтому, если пойти по компасу точно на север, то можно не попасть в пункт, который по географической карте лежит к северу. Вот это самое несовпадение, называемое магнитным склонением, и определял академик для городов России, чтобы компасом можно было пользоваться с уверенностью.

В Орле и Воронеже стрелка компаса отклонялась от географического меридиана градусов на восемь — девять. Каково же было удивление ученого, когда оказалось, что в близлежащем Курске стрелка отклоняется на целых пятнадцать градусов! Он несколько раз проверил наблюдения в разных местах вокруг Курска — и все так же какая-то могучая сила оттягивала стрелку от правильного положения! «Что это за сила! — думал академик.— Может быть, в недрах земли, где-нибудь между Курском и Орлом, лежат магнитные руды!»

Но напрасно торопил он ямщика, нещадно нахлестывавшего лошадей. В столице к его сообщению о магнитной аномалии отнеслись как к курьезу. И вскоре забыли об открытии. Забыли прочно — на целых девяносто лет.

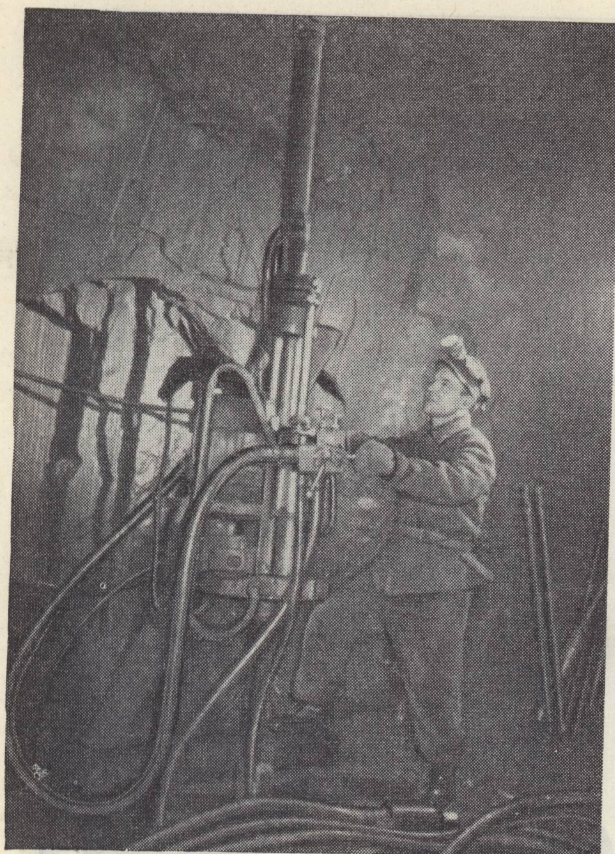
Все новые буровые вышки вырастают в степи под Курском и Белгородом. Геологи поднимают со дна скважин все новые образцы руды — подсчеты богатств КМА еще не закончены.

НА ПОЛПУТИ ОТ КЛАДА

Второй раз магнитную аномалию обнаружили в 1874 году, и не в Курске, а сотней верст южнее — около Белгорода. Вскоре ученые установили, что магнитная стрелка странно ведет себя на огромной территории — почти от самого Харькова и чуть ли не до Орла.

Но царское правительство не заинтересовалось этим поразительным явлением. Только несколько энтузиастов, студентов и ученых, на свой страх и риск продолжали изучать его.

Двадцать лет жизни отдал Курской магнитной аномалии, или, как ее сокращенно назвали, КМА, профессор Московского университета Лейст. Каждое лето, когда кончались занятия в университете, профессор уезжал в Курскую губернию и на собственные деньги вел магнитные измерения. Он измерил магнитную силу курских недр в четырех тысячах



Такими станками бурят скважины для взрывчатки в подземном кварцитном руднике имени Губкина.

пятистах пунктах. В некоторых местах магнитная стрелка охотно поворачивалась в любую сторону — на север, на юг, на запад или на восток. Посаженная не на вертикальную, как у компаса или часов, а на горизонтальную ось, она вставала торчком, указывая прямо под ноги исследователю — в глубь земли.

Такую сильную магнитную аномалию еще никому не приходилось наблюдать. Ученый объявил, что здесь лежат несметные массы железа. Но как доказать это!

Однажды Лейсту удалось уговорить местные власти отпустить деньги на бурение двух скважин. Он горячо взялся за дело. Одну скважину заложили в селе Непхаево, другую — в селе Кочетовка. Лейст был уверен, что здесь железо находится на глубине всего ста пятидесяти метров. Наконец-то тайна КМА будет раскрыта!

Но вот пробурено сто пятьдесят метров, сто шестьдесят, а из скважин идет только глина да песок. Пробурено еще пятьдесят метров — руды все нет, все те же глина и песок! Когда одна из скважин достигла двухсот сорока пяти метров, курское земство отказало в деньгах.

— Ваши фантазии уже влетели нам в копеечку,— заявили профессору в Курске.— Может быть, под нами действительно есть железо, но на какой глубине! Версту, а может быть, сто верст придется бурить! Земля-то матушка не прозрачна!

Теперь мы знаем, что скважина Лейста закончилась на полпути от клада.

ЛЕНИН ПОДПИСЫВАЕТ РЕШЕНИЕ

Судьбу КМА изменил Октябрь.

...1919 год. Ты представляешь себе, как выглядела тогда карта нашей страны!

Весь север захватили англичане, Урал — в руках Колчака, на Украине — Петлюра и Деникин. Только самый центр карты — вокруг Москвы — свободен. Нет хлеба, нет угля, нет железа.

И как раз в это трудное время в кабинете Владимира Ильича Ленина произошел такой разговор.

— Хочу посоветоваться с вами,— сказал Владимир Ильич, обращаясь к ученому,— посмотрите-ка.

— «Проект решения Совета Труда и Обороны,— прочитал вслух академик Лазарев.— Признать все работы, связанные с разведкой Курских магнитных аномалий, имеющими особо важное государственное значение... Все советские, гражданские и военные власти должны оказывать этим работам полное содействие...»

Он положил документ на стол и с изумлением посмотрел на Ленина.

— Но, Владимир Ильич, курские недра за неделю не исследуешь, тут могут понадобиться годы, если не десятилетия...

— Дорогой Петр Петрович, это только господин Черчилль считает, что Советская власть продержится не больше недели! — засмеялся Ленин.— Мы думаем иначе! Нужно, чтобы курское железо пришло на заводы как можно скорее. Не взяться ли вам за это дело?..

В том же девятнадцатом году под руководством Лазарева начались исследования Курской области. А после победы молодой Советской республики над белогвардейцами и интервентами по инициативе Ленина была создана Особая комиссия по исследованию Курских магнитных аномалий.

ТАЙНА РАСКРЫТА

Шесть лет работала комиссия. Она установила, где сильнее всего отклоняется магнитная стрелка. Но этим не ограничились. Существуют такие приборы — гравиометры («гравис» по-латыни значит «тяжелый»). С их помощью можно измерить плотность различных горных пород.

Когда Лазарев привез гравиометры на КМА, они засвидетельствовали: в глубинах Курской области залегают различные породы. Участки повышенной плотности — гравитационные аномалии — нанесли на карту.

И вот в руках ученых две карты: на одной намечены полосками участки магнитных аномалий, на другой — клеточками участки гравитационных аномалий. Когда наложили одну карту на другую,— полоски и клеточки совпали. Так было доказано, что магнитные явления на КМА вызываются скоплениями в глубинах земли каких-то пород.

Теперь оставалось только добраться до этих магнитных пород и убедиться, что они содержат железо.

Геологи принялись бурить сразу восемнадцать глубоких скважин в разных местах. Бурение шло довольно быстро, из скважин на поверхность извлекали песок и глину, известняк и мел.

Скважины достигли уже двухсот, трехсот, а некоторые — четырехсот метров глубины, но там — все тот же песок, глина, известняк и мел.

Однажды буровой мастер, работавший на скважине в городе Щигры, заметил, что она очень медленно углубляется. Непрерывно крутилась тяжелая колонна буровых штанг со стальной коронкой на конце, но почти не уходила вглубь.

Мастер извлек со дна скважины керн — тяжелый и почти черный каменный столбик. На своем веку он пробурил не один десяток скважин, и ему не нужно было дожидаться результатов анализа. Он сразу побежал к телефону — большому желтому ящику, какие теперь можно увидеть только в музеях,— долго крутил ручку аппарата и, когда наконец его соединили с главным геологом, торжественно произнес:

— Дошли до железа!

СУНДУК ОКАЗАЛСЯ ПУСТЫМ

И вот образцы со дна пробуренных скважин в руках у геологов. Отчего же ученые сокрушенно покачивают головой, глядя на эти блестящие черные столбики!

Представь себе, что тебе досталась старинная карта, на которой у скрещения двух дорог стоит крестик, место, где зарыт клад. Представь себе, что ты стал копать как раз в этом месте. Копал, копал... Наконец, когда ты уже выбился из сил, лопата ударилась о что-то твердое...

Усталость как рукой сняло! Ты торопливо выбрасываешь землю из ямы, копаешь все глубже и глубже. И вот перед тобой старинный сундук, а в нем, наверное, клад!

Ты, волнуясь, поднимаешь крышку и видишь: сундук пуст...

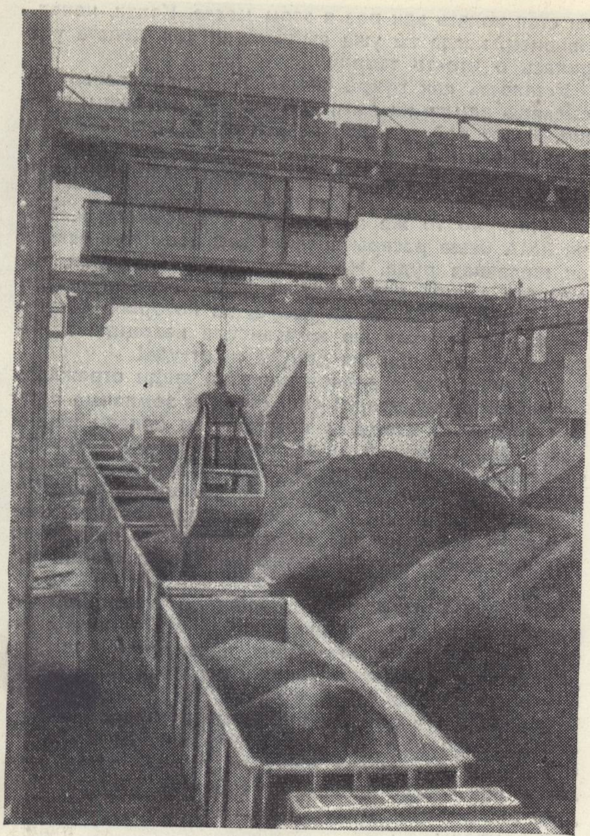
Примерно то же произошло и с геологами. Тайна КМА была раскрыта, причиной аномалии является железная руда. Но какая! Анализ показал, что металла в этой руде — всего одна треть, а остальное — кварц, тот самый кварц, из которого состоит песок. Да к тому же железистые кварциты лежат очень глубоко. Как их добудешь оттуда!

Ты читал, как в давние времена люди ограждали от врагов свои города! Они строили земляные валы или каменные стены, а вокруг стен копали рвы и наполняли их водой. Точно так же природа укрыла от людей и железную руду КМА. Слои твердых пород и мела прослаиваются подземными реками, озерами, болотами, или, как говорят геологи, «напорными водоносными горизонтами». В некоторых районах пять — десять таких «оборонительных полос».

Когда обо всем этом сообщили правительству, решено было, что добывать с большой глубины такую бедную железную руду невыгодно: слишком дорого она обойдется. Денег у нас пока было мало, а строить нужно было много.

Двадцать лет строили железные рудники и рядом с ними огромные заводы на Украине, на Урале, в Сибири, а сокровища КМА оставались нетронутыми, о них только писали в учебниках и энциклопедиях как о любопытном, но пока бесполезном явлении природы.

Плавучие земснаряды прибыли сюда со строительства Куйбышевской гидроэлектростанции. Они будут размывать породу в траншеях будущего рудника — Лебединского карьера.



Обогащенная руда по железной дороге отправляется на металлургический завод.

ЖЕЛЕЗО ПОЛУЧЕНО

Но что ни говори, а у железных руд КМА были не только минусы, но и довольно основательные плюсы: близость от Москвы, Харькова и других промышленных городов — первый плюс, огромные залежи руды — второй. Поэтому, когда наша страна окрепла после разрухи, стала богаче, горняки все же решили начать добычу железистых кварцитов КМА.

Самым трудным было проложить ствол шахты — бетонный колодец, по которому спускают под землю людей и машины и поднимают руду. Известняки и мел можно взорвать аммонитом, но как быть с подземной водой!

Сделали так. Пробурили несколько скважин и стали нагнетать в них охлаждающую жидкость, пока не заморозили всю землю вокруг. Вода превратилась в лед и перестала угрожать проходчикам ствола. Они строили его в замороженном грунте.

Не будем рассказывать о многих других хитростях, к которым прибегали инженеры и рабочие, скажем только, что шесть лет назад рудник был построен. Ему присвоили имя академика Губкина, одного из первых исследователей КМА.

Из железистых кварцитов нельзя сразу выплавить металл, сперва из них нужно удалить часть кварца.

Ты знаешь, что рожь и пшеницу перемалывают в муку на мельницах. Но эти мельницы — игрушки по сравнению с той, в которой мелют глыбы кварцита, выданного из рудника имени Губкина.

Перемолотую каменную крупу пропускают через другую машину — магнитный сепаратор. Сильные магниты притягивают к себе крупицы железной руды, а частицы кварца выбрасываются прочь. В сепаратор сыплется простой кварцит, а из сепаратора выходит обогащенная руда, которую уже можно загружать в доменную печь.

Вполне возможно, что перо, которым ты пишешь, сделано из руды, сто семьдесят пять лет назад отклонившей стрелку компаса академика Иноходцева...

УЧЕНЫЕ ПРОСТУКИВАЮТ ЗЕМЛЮ

Казалось бы, тайна раскрыта, рудник построен, железо получено — чего еще желать!

Но металлурги были недовольны: железо, выплавленное из кварцитов, обходится очень дорого.

Были недовольны и геологи. Они считали, что главные сокровища КМА вовсе и не найдены. Надо искать богатую железом руду!

И началось новое наступление на сокровища КМА. На этот раз разведчики недр были вооружены до зубов. И армия разведчиков была многочисленна, как никогда: она насчитывала несколько тысяч инженеров и рабочих. В первом эшелоне шла курская геофизическая экспедиция во главе с опытным исследователем недр Николаем Генриховичем Шмидтом.

Геофизики должны были указать, где следовало искать богатую руду.

Ты помнишь, как профессору Лейсту сказали когда-то в курском земстве, что земля, к сожалению, не прозрачна!

С тех пор земля, конечно, не изменилась. Но люди на этой земле изменились. Советские люди превзошли героев любой сказки и по части ковров-самолетов и по части сапог-скороходов. Научились они и видеть землю насквозь. Только не глазами, а приборами.

Начали они с того, что послали в небо самолеты с магнитными аппаратами и тщательно определили место и силу всех магнитных аномалий...

В 1927 году ученые считали, что в недрах этого района лежит двести пятьдесят миллиардов тонн кварцитов, а недавно геолог Калганов определил запасы железистых кварцитов в девять триллионов тонн. Это — огромное число, оно состоит из девятки с двенадцатью нулями (9 000 000 000 000)! Из такого количества руды можно выплавить столько железа, что его хватит всем народам земли на много тысяч лет.

Установив границы кварцитов, геофизики занялись поисками богатых руд.

Помнишь, как, осматривая тебя, когда ты болел, доктор, положив пальцы левой руки тебе на спину, пальцами правой руки постукивал по ним! Так же «простукивали» геофизики области мощных залежей кварцитов. Только «стучали» они не пальцами, а взрывами динамита и «слушали» не ухом, а специальными аппаратами — сейсмографами.

Толща земли ведет себя по-разному под ударами взрывов. Через одни породы толчки проходят быстрее, через другие — медленнее, а от кварцитов они вовсе отражаются. Богатая железная руда ведет себя еще интереснее: она «поглощает» толчок, как говорят геофизики.

— Смотрите! — показывали геофизики геологам.— Магнитная стрелка все так же отклоняется! Отклоняется! Плотность пород не уменьшилась! Нет, не уменьшилась. А сейсмограф вдруг «оглох». Почему бы это!

И геологи ставили на карте крестик, каким испокон веков все порядочные кладоискатели отмечали предполагаемое местонахождение клада. Скоро на карте появились десятки и сотни таких крестиков...

СОКРОВИЩА НАЙДЕНЫ

Геологам не пришлось обижаться на своих друзей-геофизиков: каждая пробуренная в помеченных крестиком местах скважина одарила их прекрасной железной рудой, чуть ли не вдвое более богатой, чем кварциты из рудника Губкина.

Сейчас поиски еще в полном разгаре, но уже найдены настоящие сокровища. Больше всех «повезло» экспедиции геолога Чайкина, которая исследовала магнитные аномалии возле Белгорода. Эта экспедиция обнаружила две подземные кладовые, наполненные миллиардами тонн железной руды необычайно высокого качества.

Одну из кладовых — в пятнадцать километров длиной! — нашли под селом Яковлево, неподалеку от Белгорода.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Мы приехали на стройку. Гляди — вон виднеется экскаватор со здоровенным ковшом. Если бы мы с тобой простояли здесь не день и не неделю, а целый месяц,— мы так и не увидели бы дорогу пустой: по ней все идут и идут с рычанием дизели-самосвалы. Порожние — к экскаватору. Нагруженные — от него.

Со строительства Лебединского карьера за четыре года нужно увезти тридцать два миллиона кубометров земли, которая лежит поверх руды. Чтобы представить себе, что это такое — тридцать два миллиона кубометров! — давайте прикинем, сколько понадобилось бы времени, чтобы перевезти всю эту землю одним самосвалом, самым большим, двадцатипятитонным.

Если бы самосвал подходил каждые десять минут и днем и ночью, зимой и летом, в будние дни и в праздники, то ему пришлось бы работать сорок четыре года!..

Руду начнут добывать здесь уже в будущем году и будут добывать под открытым небом. А глубоко под карьером в крепком камне — кварците — придется строить шахту, но не для добычи руды. По коридорам подземной шахты — штрекам — не будут ходить электровозы, груженные рудой. Там потечет вода — очень много воды! Инженеры-проектировщики скажут нам, сколько: они уже все заранее измерили и рассчитали. Так вот, в эту шахту будет вливаться каждый час столько воды, что, если всю ее перекачать в железнодорожные цистерны, понадобится двести пятьдесят цистерн.

Зато наверху, где будут добывать руду, станет суше.

Неподалеку начинают строить еще один карьер, Михайловский. Он должен дать руду в шестидесятом году. И немало: два с половиной миллиона тонн! Здесь будут загребать землю диковинные машины с колесом, на котором укреплены огромные лопаты-черпаки.

В Кривом Роге, на Украине, железную руду добывают давным-давно. И так много, что, наверное, каждый третий гвоздь и каждая третья машина в нашей стране сделаны из криворожской руды.

А на КМА только около Белгорода в несколько раз больше железа, чем во всем Криворожском бассейне. Десять миллиардов тонн первоклассной руды — это уже известно! А геологи предполагают, что там еще больше руды. Но ведь, кроме Белгородской кладовой, есть еще Южно-Лебединское, Гостищевское, Стойлинское и Салтыковское месторождения!

Сейчас развертывается начатое по призыву Коммунистической партии наступление на сокровища КМА. XIII съезд ВЛКСМ объявил рудники Курской магнитной аномалии ударной комсомольской стройкой — и вот сотни и сотни юношей и девушек приезжают в город Губкин, который вырос рядом с первым рудником.

Что же будет здесь завтра! Не просто завтра, когда ты вернешься из школы, а через несколько лет, может быть, через пять, может быть, через десять лет!

Тогда ты уже окончишь школу и сможешь поехать на КМА работать.

Что же увидишь ты там, где сегодня видны только вышки буровых станков и экскаваторы!

В сверкающем белом здании рудника — таких рудников здесь десятки — почти не встретишь людей. Посмотри на часы — подходит время твоей смены, пора и тебе спускаться в шахту. Надевай пластмассовую спецовку — задолго до твоего прихода машина-чистильщик смыла с нее каждую пылинку — и отправляйся к лифту. Нажал кнопку — мягкая кабина плавно спускается под землю на глубину в пятьсот метров. Перед тобой зажигается экран телевизора, и шахтер, которого ты сменяешь в забое, сообщает тебе, что за время смены — за четыре часа — машины работали исправно. Садись в пассажирский вагон подземной дороги, и электровоз доставит тебя туда, где добывается железо.

А где ты будешь жить на КМА! В городе Н., где недавно построен завод... Что это за город, какой завод! Мы не знаем, как будет называться этот город, сегодня его еще нет даже на планах строителей. А завод, может быть, назовут Михайловским или Яковлевским, в честь тех мест, которые дали ему пищу — железную руду. Здесь, наверно, будут выплавлять гораздо больше чугуна и стали, чем в Магнитогорске или в Запорожье,— ты слышал, конечно, про тамошние заводы-гиганты. Может быть, это будет самый большой завод в мире...

Когда подрастешь, приезжай на КМА. Дел для тебя здесь будет достаточно!

Валентин РИЧ,
Михаил ЧЕРНЕНКО

ЛЕСНОЙ СЕРВИЗ

О. ДРИЗ

Рисунки О. Зотова.

Среди кувшинов расписных
Протиснувшись с опаской,
Раз к старику-горшечнику
Явились мы за сказкой.

Жужжал, вертясь, гончарный круг
В лад песенке сверчка;
Сказав: «Хоть мне и недосуг...»,—
Соскреб горшечник глину с рук
И сел у камелька.

«Давным-давно,—
Так начал он,—
В непроходимых чащах
Водилось множество зверей,
Ревущих и мычащих.

Там жили
Зубры, кабаны,
Олени, лани,
Лоси,
В дремучих зарослях лесных
Немало развелось их.

Раз пробирался чащей той
Мой пра-пра-
Пра-пра-
Прадед,
Да как-то странно:
Шаг шагнет
И на пенек присядет.

А дело в том, что по пути,
По всей звериной стежке
В сырую землю вкопаны
Тарелки, чашки,
Плошки.

А возле каждой
Плошечки
По дикой пестрой
Кошечке.
А возле каждой
Чашечки
По маленькой
По пташечке.
У каждой
У тарелочки
По рыженькой
По белочке.

Пьют вкусный чай они лесной
И, занятые болтовней,
Вполне друг с другом ладят...
В лесной пугливой тишине
Прислушался к их болтовне
Мой пра-пра-
Пра-пра-
Прадед.

Под ухом чаепитчики
Трезвонят:
— Спорить будем,
Такой посуды никогда
Не изготовить людям!

Вот, скажем,
Наш почтенный лось:
Ему кувшинов удалось
Здесь смастерить немало.
Там чашки выдавил олень,
И даже кабану не лень
Выдавливать бокалы.

Вот сколько мастеров у нас
Умелых,
Знаменитых!
Здесь руки вовсе ни при чем,
Все дело здесь
В копытах!

Тут опустился
Пра-пра-пра-
Прапрадед на колени,
Лесного отхлебнул чайку
Из чашечки оленьей.

— Что ж,—
Губы обтерев, сказал,—
Пить из такого можно!
И весь диковинный сервиз
Он вырыл осторожно.

Сушить поставил на порог,
Потом в печи его обжег.

Вот, знать, пошла откуда
Гончарная посуда!»

Перевела с еврейского
Т. Спендиарова.

«Как там Энди?»

Алан МАРШАЛЛ

Рисунки О. Траскиной.

Джо не очень-то любил бегать. В тех редких случаях, когда обстоятельства вынуждали его мчаться на полной скорости, он бежал так, что даже любимый баран Макферсона, даже донельзя рассвирепевший свегмен не в силах были догнать его.

Джо удачно подражал блеянию баранов и непочтительно комментировал пристрастие свегменов к спиртным напиткам. Частенько спрятавшись за деревом и осторожно выглядывая оттуда, он распевал вслед проходившему мимо сезоннику:

Виски много нахлестался,
Берегись, чтоб не взорвался!

Спасаясь от сезонников или баранов, Джо бежал сосредоточенно и быстро; его короткие брюки трепыхались где-то под самыми коленями, жеваный галстук матросской куртки плотно прижимался к груди.

В обыкновенных же обстоятельствах Джо предпочитал сидячий образ жизни. Он любил сидеть на бревне, поставив локти на колени, и наблюдать, как наши собаки рыщут среди кустарников в поисках кроликов.

Возможно, приучил его к этому я. Из-за полиомиелита я должен был ходить на костылях, а для Джо разделять все ограничения тех, кого он любит, было чем-то само собой разумеющимся.

Он превратил наши прогулки по кустарникам в серию коротких переходов от одного привала к другому, причем всегда делал вид, что именно он предпочитает такой способ передвижения.

— Не можешь ли ты посидеть немного и посмотреть по сторонам? — говорил он, когда замечал, что мне пора отдохнуть.

Джо мог смотреть на все. Муравей был для него так же интересен, как слон для мальчика, обладающего меньшим воображением.

— Если бы муравей был величиной со слона, он бы выколотил из слона душу,— заявил он однажды, когда был настроен особенно глубокомысленно.

Ежегодно сельский округ Туралла, расположенный в трех милях от нашего, устраивал спортивную встречу на большом выгоне за местным трактиром.

В этот день все пространство вокруг дороги, опоясывавшей «стадион», бывало заставлено двуколками и открытыми колясками, на земле валялись оглобли, изгороди пестрели привязанными к ним лошадьми, которые уныло щипали траву, стоя в упряжи; вокруг бродили мужчины и обсуждали возможность предстоящего дождя: «Кисло нам тогда придется».

Завтракали, сидя на траве, позади колясок, ели сандвичи, запивая их чаем, который кипятили тут же в походных котелках. Мужчины и женщины сплетничали, дети с криком бегали среди палаток.

На соревнования являлись все. Не прийти — значило прослыть чудаком или показать, что имеешь зуб против кого-нибудь из устроителей.

Когда на стене почтовой конторы появлялась первая афиша, школьники собирались вокруг нее взволнованной толпой. С этого дня и до начала соревнований вся их деятельность бывала окрашена ожиданием предстоящего события; манера тех, кто умел бегать или ездить на велосипеде, становилась еще более снисходительной, приниженное положение тех, кто не умел,— более заметным.

Мальчики, у которых были велосипеды, старались ввертывать в свою речь гоночные термины. Они подкатывали к школе на бешеной скорости, крича друг другу: «Дожимай!» или «Выхожу вперед, сторонись!»

Школьные бегуны стояли на старте, едва прикасаясь к земле кончиками пальцев. При крике «Марш!» они подскакивали и бежали на цыпочках странным стилем, к которому никогда не прибегали в других случаях. Время от времени они замедляли бег и осторожно оглядывались на девочек: смотрят ли?

В этом году мы с Джо решили не поддаваться общему течению и заняли позицию, которая, как мы считали, придавала нам вид старых, опытных спортсменов. Со скучающими лицами выслушивали мы похвальбы наших бегунов и велосипедистов, но после дня воздержания Джо рухнул, и уже на следующий день он стоял на старте и носился по школьному двору «легким галопом», внезапными рывками обгоняя изумленных товарищей.

Свой внезапный интерес к спорту Джо полностью приписывал влиянию дедушки, который в свое время был знаменитым бегуном, а сейчас мирно покоился на Туралльском кладбище.

— Это как-то рвется из меня,— объяснял Джо,— я ведь никогда не любил бегать, но, очевидно, это у меня в крови.

Каковы бы ни были причины, превращение это доставило Джо немало хлопот. Теперь по вечерам, сняв ботинки, он прыгал через бревна или носился, описывая широкие круги, склонив голову, как лошадь в упряжке, и вовсю работая руками.

Время от времени он выкрикивал сам себе какие-то замечания, то хваля, то порицая себя, и ругал воображаемых соперников, которые будто бы пытались помешать ему первым прийти к финишу.

Я сидел на траве и наблюдал за ним, бросая иногда совет или поощрение.

— Не торопись, за тобой никого нет,— кричал я, когда Джо пробегал мимо меня.

Джо никогда не убегал далеко, ему нужна была аудитория.

— Я могу перегнать всех на свете,— кричал он, приплясывая вокруг меня на цыпочках и устремив взгляд на верхушки деревьев.

Предполагалось, что кто-то принял вызов, потому что Джо внезапно завопил: «На старт!» — и припал к земле. Но, должно быть, другие бегуны очень уж тесно столпились вокруг него, так как он начал кричать: «Расступитесь! Дорогу!» По всей видимости, приказ не произвел эффекта, так как он тут же вскочил на ноги и свирепо зарычал: «Я тебя научу вежливости, корова!»,— после чего затанцевал назад, как боксер, и стал бешено молотить кулаками.

— Дай ему,— заорал я,— пусть знает!

Это еще больше воодушевило Джо, который самозабвенно сражался, высунув кончик языка и закрыв глаза. Похоже было на то, что он превратит своего противника в отбивную котлету, но тут появился Энди.

Энди был младшим братом Джо; лицо его носило выражение настороженности и подозрительности — результат жизни, проведенной в постоянном ожидании гадостей от меня или Джо.

Он был гораздо младше нас, и в обязанности Джо входило присматривать за ним. Джо не любил присматривать за Энди, зато Энди всегда был полон стремления вверить себя заботам Джо.

— Чего тебе? — спросил Джо, не меняя своей воинственной позы.

— Мама сказала, чтобы ты присмотрел за мной,— проговорил Энди, настороженно наблюдая за тем, как мы отнесемся к его заявлению.

— Ладно,— согласился Джо после краткого раздумья.— Оставайся с нами, только никуда не удирай.

Энди просиял.

— С кем это ты дерешься, Джо? — спросил он.

Джо оставил вопрос без внимания.

— Ставлю сотню фунтов, что я перегоню всех на свете! — закричал он.

— Ставлю сотню фунтов, что я проползу быстрее всех на свете! — нараспев закричал я в ответ, внезапно загоревшись желанием не оставаться в стороне.— Я проползу быстрее тебя и быстрее всех. Я чемпион мира по ползанию.

Я опустился на траву и пополз быстрыми рывками.

Джо заинтересовался. Он тоже опустился на траву и пополз вслед за мной, крича:

— Берегитесь, я величайший ползун в мире!

Джо ползал быстрее меня, но он не привык ползать и временами невольно приподнимался над землей.

— Не отрывай колен от земли,— строго приказал ему я.

Мои колени были крепче, так как мне не раз приходилось ползать в крутых местах, где костыли бывали бесполезны.

— Послушай-ка,— сказал я, когда мы остановились передохнуть,— что если мы установим чемпионат мира по ползанию, а?

Джо с сомнением покачал головой.

— Никто не устраивает чемпионатов по ползанию, — сказал он наконец.— Вот если бы установить первенство мира по бегу...

— Не пойдет, — возразил я. — Какой же из меня чемпион по бегу?

— Ну, ладно, — быстро согласился Джо. — Значит, мы оба с тобой чемпионы и устраиваем соревнование на первенство мира.

Энди, который с уважением прислушивался к словам Джо, рискнул высказать мнение, что «ползание лучше всего остального».

— Ты еще слишком мал для того, чтобы понимать что-нибудь в ползании, — строго остановил его Джо.

— И недостаточно крепок, — добавил я.

Мы вдруг почувствовали себя старыми, многоопытными ползунами и с удовольствием снисходительно поучали Энди.

Чемпионат мира решено было провести на следующий вечер на стадионе. В центре стадиона была поросшая травой круглая беговая дорожка длиною в четверть мили. По ней мы и решили ползти, твердо убежденные в том, что до нас никто еще не ползал на такое расстояние,— убеждение, делавшее соревнования еще более желанными.

Условившись встретиться на следующий вечер пораньше, мы отправились по домам, но перед тем как разойтись, Джо оттащил меня в сторону и прошептал на ухо:

— Будь наготове. Я хочу завтра смотаться от Энди.

Энди с понимающим выражением лица следил за тем, как мы шепчемся.

— Я расскажу маме, если вы от меня завтра удерете,— предупредил он.

Джо изобразил безграничное изумление.

— Да мы вовсе не собирались удирать от тебя, Энди! Правда, Билл?

— Конечно, нет,— поддержал я Джо.— Мы всюду будем брать тебя с собой.

— Мы как раз только что говорили, что возьмем тебя как-нибудь на охоту, правда, Билл?

Я почувствовал, что Джо заходит слишком далеко.

— Не надо брать его на охоту, Джо,— сказал я жалобно.

Джо прижал губы к самому моему уху и нетерпеливо прошипел:

— Никто его не собирается брать, я это говорю, чтобы сбить его с толку.

Но план не удался. Когда на следующий вечер мы встретились с Джо, Энди шел за ним следом.

— От Энди не избавишься, когда готовится что-нибудь интересное,— угрюмо пояснил Джо. Видно было, что присутствие младшего брата давит на него тяжким грузом.

На Джо и на мне были вельветовые брюки ниже колен и длинные бумажные чулки, которые от долгих стирок приобрели какой-то блекло-голубой оттенок. Таким образом наши колени были защищены. Энди же носил короткие носочки и штанишки выше колен.

Дойдя до стадиона, мы объяснили ему, что даже если бы он был совсем большим мальчиком, он все равно не мог бы с голыми коленями ползти на первенство мира на дистанцию четверть мили; но выражение его лица оставалось упрямым.

— Я хочу ползти с вами,— сказал он.

— Энди не переспоришь, если он забьет себе что-нибудь в голову,— сообщил Джо результат своих многолетних наблюдений над Энди. Пока я обследовал беговую дорожку, Джо дефилировал вокруг стадиона, громогласно возвещая:

— Первенство мира по ползанию! Все сюда! Собирайтесь! Налетайте!

В процессе своего жизненного опыта Джо накопил массу таких выкриков, большая часть которых была совершенно неприменима к чемпионату по ползанию, что не мешало Джо бодро выкладывать их все один за другим в твердом убеждении, что они «создают обстановку».

— Торопитесь, торопитесь, торопитесь! — кричал он.— Осталось место еще для троих! К барьеру, пожалуйста! Первенство мира по ползанию!

Энди в упоении следовал за Джо. Он восхищался Джо, когда тот взывал к народу.

Я сел на траву и стащил ботинки. Потом пополз, наслаждаясь упругим прикосновением травы.

— Иди сюда, Джо,— крикнул я,— до чего здорово чувствовать траву под ногами. Кажется, я прополз бы милю!

— Начинается великое состязание! — провозгласил Джо. Он тоже сел на землю и стащил ботинки. Затем спросил: — А как быть с Энди?

— Эй, Энди! — крикнул я.— Ты будешь идти рядом с нами и говорить, кто впереди. Можешь кричать «Нажми!» и все такое.

— Я хочу ползти вместе с тобой и Джо.

— Ты только полюбуйся на него,— возмутился Джо.— Что я тебе говорил! Он забил себе в голову, что будет ползти, а сам не проползет и десяти ярдов, как начнет скулить, чтобы мы его подождали.

— Если ты поползешь с нами, Энди, мы не будем останавливаться и ждать тебя,— предупредил я.

— Я хочу ползти с вами,— упрямо повторил Энди.

— А, чтоб ты пропал! — яростно воскликнул Джо.

— Ладно,— согласился я,— ползи.— Затем я повернулся к Джо: — Как только он поднимется на ноги, мы исключаем его из соревнования. Пусть тогда бежит впереди нас, если ему захочется. Это неважно.

— Идет,— согласился Джо,— теперь на старт.

Мы с Джо бок о бок опустились на дорожку, Энди расположился позади нас.

— Внимание! — крикнул Джо.— Марш!

Так начались соревнования на первенство мира по ползанию.

Это был бесконечно долгий путь, и времени для разговоров у нас хватало. Первые несколько ярдов мы проползли довольно быстро, затем я вспомнил, какое расстояние нам предстояло покрыть.

— Не торопись. Полегче,— остановил я Джо.—Нажмем перед финишем.

— Перейти на замедленный темп! — провозгласил Джо. Затем добавил обыкновенным голосом: — А как там Энди?

— Как ты там, Энди?—спросил я.

— Хорошо, — ответил Энди, который полз за нами по пятам.

— По этой траве хорошо ползти, правда? — обратился я к Джо. — Но чулки на коленях мы протрем до дыр.

— Ого, мои колени уже побаливают, — пожаловался Джо, сбавляя темп,— а как твои?

— Ничего как будто бы, — ответил я нерешительно, — у меня все в порядке.

— Четверть мили — немалый путь, — задумчиво проговорил Джо. Затем, повысив голос, спросил: — Как ты там, Энди?

— Хорошо.

— Энди — молодчина, — продолжал Джо,— жаловаться он не станет. Но, конечно, его надо было оставить дома. После этого чемпионата от него останется одно мокрое место. Слишком уж он мал, чтобы участвовать в чемпионате мира по ползанию.

Последние слова одним своим звучанием вселили в нас новую энергию.

— Не отставай! — заорал Джо.

— Нажимай! — завопил я, выползая вперед.

— Голову наотрез, Энди сейчас приходится круто,— с некоторым нетерпением проговорил после паузы Джо.

— Как ты там, Энди?

— Хорошо.

— Он это будет твердить даже перед смертью! — Временами Джо испытывал к Энди безграничное презрение...— Верить ему нельзя.

— Я начинаю потеть,— пожаловался я.

— Я сам весь мокрый,— ответил Джо.— Как колени?

— Болят.

— Мои чертовски! Воображаю, каково приходится Энди. Как твои колени, Энди?

— Хорошо.

— Он с ума меня сведет,— пробормотал Джо.— Много мы проползли?

— Должно быть, больше половины.

— Черт!

— Энди сейчас, наверное, уже совсем го-

тов,— решил я, после того как некоторое время мы ползли молча.

— Я думаю! Попрошайка несчастненький.— В словах Джо звучала искренняя жалость.— А трава здесь не такая густая, как там, где мы начинали.

— Это неплохо,— успокоил его я.

— Я, кажется, начисто стер колени,— признался Джо.— Представляю, как мучается Энди. Как ты там, Энди?

— Хорошо.

— Парень долго не продержится,— решительно проговорил Джо,— но жаловаться ему не на кого. Сам полез.

— У меня уже почти не осталось сил...— в конце концов признался я.— Но я доползу!

— Дьявольски болят колени,— жалобно сказал Джо.

— Мы уже у финиша,— сказал я,— теперь надо нажать.

— Полный ход! — завопил Джо.

— Вперед, Туралла! — закричал я.— Нажимай вовсю!

Преодолевая боль и ломоту во всем теле, мы старались ползти все быстрее, как вдруг слева от меня показалась какая-то маленькая фигурка, которая стремительно продвигалась вперед, набычив голову и быстро работая коленями.

— А, черт! — Я даже задохнулся.— Да ведь это Энди!

— Провалиться мне!—воскликнул Джо.— Энди...

Энди прополз мимо нас с напряженным и взволнованным лицом, глядя прямо перед собой, на то место, где на траве лежали мои костыли. Он уполз от нас все дальше и дальше, пока не достиг финиша, где он вскочил на ноги и издал торжествующий вопль:

— Я чемпион мира по ползанию!

— Чтоб тебя разорвало!—пробурчал Джо, с трудом поднимаясь с земли.— Негодяй говорит правду.

Он запустил в Энди сухой коровьей лепешкой и яростно заорал:

— Катись домой и не попадайся мне в руки, или я с тебя шкуру спущу!

Энди удалился на безопасное расстояние.

Джо растянулся на земле рядом со мной.

— Ой, колени! — жалобно простонал он, потом добавил с неожиданной силой: — Я его убью, когда приду домой. Клянчил, клянчил, втерся в чемпионат, а потом взял и выхватил у нас первенство из-под самого носа.

— А он, должно быть, крепкий парень,— сказал я, почувствовав к Энди внезапный интерес.— Я думаю, он самый выносливый парень в Австралии.

— Верно! — воскликнул Джо и даже привстал, чтобы посмотреть на Энди.— Вот это верно. Ты только взгляни на него. Что в нем, ведь смотреть не на что, а паршивец стал чемпионом мира по ползанию.

Мы вдруг прониклись энтузиазмом и наперебой начали восхвалять Энди. Мы перечисляли все подвиги выносливости и долготерпения, которые наблюдали в нем прежде.

— Никогда в жизни,— с жаром сказал Джо,— не встречал я такого ползуна, как Энди.

— Он ползает лучше тебя и лучше меня,— говорил я,— он ползает лучше всех на свете.

Мы встали и подошли к Энди, который в одиночестве сидел на траве. Нас распирало от гордости за него. Джо обнял его за плечи, и мы все вместе пошли домой. А потом мы целыми неделями расхваливали его повсюду.

— Он величайшее чудо в мире,— говорил Джо,— можете уж мне поверить.

Перевела с английского Екатерина Гроссман.

ТРИ ТАЙМЕНЯ

Вл. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Рисунки В. Трофимова.

Таймень - цветок

Есть у меня один дружок. Ловит он под Москвой ершей да пескарей, а на сердце у него мечта: «Вот закачусь на быструю горную речку, закину блесну — и сядет на мой крючок чудо-рыба, черноспинный таймень. Поборюсь я с ним, вытащу — и стану счастливым!»

Слов нет, мечта приятная, да выполнить ее нелегко: все дела да заботы и всегда времени нет. Да и накладно: в поезде надо ехать почти неделю, таймень-то дороже слона обойдется! И сидит мой дружок двадцать лет на Москве-реке: то ерша вытащит с мизинец, то пескаря со спичку. А поймает хорошего окунька — рот до ушей и в глазах радость...

Я вспомнил о друге, когда прошел по Бии километров двадцать пять и увидел, как «сыграл» большой таймень.

В прозрачную Бию здесь впадала молочно-зеленая Сары-Кокша, и долго тянулся у левого берега отчетливый след этой мутной горной речки. Словно в одном фарватере текли две реки, и их воды не смешивались. У самой границы двух вод и ударил таймень — сильно, резко, как бичом. И дождем разлетались от него перепуганные хариусы и чебачки.

Подойти к этому месту не удалось: утесы преграждали путь, узкая таежная тропа терялась среди завалов и выворотней. Полезешь — того и гляди ногу сломаешь!

Но все же я добрался до небольшой площадки на отвесной скале, невысокой, как телеграфный столб. Встал, осмотрелся, чтобы не задеть крючком за ветки, и далеко забросил блесну: чуть не к другому берегу.

Подо мной струя воды отчаянно билась об острый мыс, где торчал почти затопленный куст тальника.

Ведя блесну, я засмотрелся на него: поминутно кланялся реке, дрожал, листья на нем трепетали.

Вдруг возле куста раздался оглушительный удар. Удилище так дернулось, что я едва не выронил его.

Над крутым мощным буруном на струе сверкнула радуга. Желтое пузо метровой рыбы мелькнуло и скрылось. Оранжевым цветком выскочил из воды широкий хвост. Я дернул. Звенящая леска обмякла. Блесна со свистом пролетела мимо меня, словно ее запустили из пращи. И все стихло. Только в груди у меня часто и гулко стучало сердце.

Я бросил удилище, сел на камень и раза два — три глотнул воздух, как рыба, которую только что вытащили из воды.

Потом спохватился, полез в кусты, забрался на кедр, долго отцеплял блесну и ругал себя последними словами.

Ругал, ругал, а затем рассудил: «Да ведь это хорошо, что ушел таймень! Все равно я не вывел бы его здесь». Рыба была крупная, с ней ли возиться на этой площадке, откуда нет спуска к воде?

Видел я тайменя? Видел. Это оранжевый цветок в воде! Держал его на крючке? Да! Вот и отлично! Бия еще не кончилась, впереди удачи и огорчения. Так зачем же страдать от этой потери?

— Выше голову! — сказал я себе.

Но ухи в этот день не было...

В чужой ухе

Весь день по реке шли бревна вразброс, молем. Они почти сплошняком забивали фарватер, некуда было забросить блесну.

Тонкие бревна плыли быстрее, толстые отставали. На реке стоял непривычный шум: чурбаки сталкивались и налезали друг на друга, подкидывая над водой то могучий комель, то менее кряжистый хвост.

Часам к семи сплав прекратился, и я вышел к реке со спиннингом. Хотелось побыть одному на ровной и чистой полянке, белой и желтой от ромашек, кумачовой от кипрея. Но сюда причалили туристы и уже разбивали палатки.

Староста группы, расторопный и шумный, отдавал распоряжения, а затем подсел возле меня и спросил:

— Рыбки для нас не поймаете?

— Не знаю. Сам еще ухи из тайменя не пробовал.

— Ну, ловите, ловите! Мы сварим и вас угостим.— Сказал и ушел.

Спускался вечер, теплый и тихий. И наступал такой удивительный час в горах и в тайге, когда под высокой скалой — сумерки, на гребнях гор — зарево заката, на реке — яркое отражение последних лучей солнца.

Темные сумерки лежали слева, в ущелье, откуда бежала свинцовая, мрачная Бия. Краски заката — золотые и розовые — были сзади, где по пологим сопкам лежала необозримая синяя тайга. Прямо передо мной высилась суровая серая скала; из-за нее вылетал веером позолоченный сноп лучей. А справа, где скала обрывалась стеной над зеленой еланью, во всю силу полыхало солнце. Оно заливало светом весь плес, и я мог смотреть туда только из-под ладони.

Блесна улетала влево, в сумеречную, почти ночную Бию, и мне не всегда удавалось видеть, куда падала тяжелая металлическая рыбка. Течение сносило блесну, и она шла мимо скалы. Тут было светлее, и я уже различал, где белая леска касалась воды. А когда наступило время вытаскивать блесну, свет от реки с такой силой бил в лицо, что я крутил катушку с закрытыми глазами.

Таймень взял на самой грани сумерек и света. Он прыгал через голову, выбрасывался свечой и раскидывал сверкающие брызги. У берега, на отмели, я прыгнул в воду и схватил его.

Он был маленький, не больше килограмма весом. И разглядывал я его в сумерках. Но даже в эту пору дня мой первенец был очень красив. Его хвост нежного оранжевого цвета напоминал большой лепесток алтайского огонька. По светло-серому телу были разбросаны фигурные черные пятна. И весь он казался ярко-пестрым. А голова была тупорылая и лоснящаяся, с маленькими глазами, рот огромный, с острой щеткой зубов.

Прибежал староста, залюбовался тайменем, а потом забрал его и ушел.

А когда я пришел к костру, ухи уже не было...

Староста виновато моргал, подбрасывал в огонь смолистые ветки и все поправлял свои длинные и непослушные рыжие волосы:

— Увлеклись! Понимаете? Отродясь не ели такой вкусной штуки. Мы, знаете ли, нахваливали вас, наливали-подливали, глянули в котел, а там пусто! Вы уж, того... не серчайте! Завтра поймаете, будет и у вас уха. А сейчас вот каша, вот кофе. Эх, беда-беда: был обед, и ужин нам нужен! — шутил он, орудуя поварешкой в котле с пшенной кашей.

Пропал мой таймень в чужой ухе, но я не сердился. Ведь сбылась моя мечта: поймать чудо-рыбку, о которой я лишь читал в книгах...

Ласточка над рекой

Кончились пороги на Бие. Начались широкие плесы, длинные перекаты. Река стала спокойнее.

По берегам уже не было видно кедров: тайга осталась позади. Зато чаще стали встречаться березовые рощи. И над каждым плесом склонялись кудрявые ветлы.

В зарослях черемухи появились спелые ягоды. Словно облитые черным блестящим

лаком, они так и манили к себе. Они крупные, немного вяжут во рту и сладкие, и недаром зовут их «алтайским виноградом».

Часами я пропадал в черемушнике, выбирал самые большие, зрелые ягоды. А по деревне ходил, прикрывая рот рукой, он был такой темно-фиолетовый, будто я съел ведро черники.

За тайменями же почти не охотился: они надоели. Уха из них казалась сладкой, жареные куски — липкими и мягкими. И если таймень попадался, я пересыпал его солью, заворачивал в тряпку, потом подсушивал на солнце. И получалась вкусная, солоноватая теша; она так и таяла во рту, словно самая дорогая, нежно-розовая семга.

Утром и вечером я не раз наблюдал, как носились по плесу, жировали таймени. Ловкие, сильные, они хватали и мелких рыбешек, и лягушек, и жуков. Бросил я окурок, так и к нему подплыл таймешка, наподдал его носом и недовольно хлестнул хвостом.

В одном таймене я нашел белочку в намокшей и грязной коричневой шубке. Видимо, хотела белочка переплыть Бию, а прожорливый хищник ее подкараулил.

Но уж очень хотелось мне поймать тайменя, который охотился за ласточками.

Береговые ласточки день за днем резвились над плесом. Они ловили мошек и иногда касались воды раскрытым клювом, оставляя за собой маленькие круги на поверхности.

Подлетала ласточка к воде, и сейчас же рядом с ней раздавался оглушительный всплеск. Промахнувшись, таймень иной раз выскакивал из воды и плюхался бревном обратно. Таких я еще не лавливал: голова, как у теленка, хвост, как большая лопата.

Одна ласточка зазевалась, и таймень проглотил ее. Стая береговушек заметалась над рекой, унылым писком оплакивая свою подружку.

Я сбегал за спиннингом и начал стегать по Бии тяжелой темной блесной. Таймень

жировал то слева, то справа. И никак не удавалось подбросить ему приманку под самый нос.

Так прошло больше часа. У меня заныли плечи от усталости. А таймень все же взял блесну. Он сжал ее, как тисками, и понесся, как трамвай. Белой струной побежала за ним леска. Катушка засвистела. Я надавил на нее ладонью; на коже большого пальца появился ожог. Еще миг, леска кончится, таймень рванет, и все пропало!

Но он дошел до омута и залег на дне.

Я позвал его, резко дернув удилищем. Он не поддался, а кинулся вверх по реке. Потом выскочил на поверхность, встал на хвост и так потряс головой, словно собака, когда ее пчела ужалит в нос.

Вернувшись в омут, таймень залег в другом месте, чуть дальше, и затащил меня в воду. Я стоял по пояс в реке, совершенно забыв о холоде, и тянул, тянул, дергал. Таймень уступил мне, сдвинулся, и на катушке обозначились первые витки мокрой лески. Я нажал — таймень напрягся. Пришлось сдать ему весь запас лески. Так мы и боролись: я — к себе, он — к себе.

Но спиннинг — чудесная штука! Удилище — тонкое, гибкое, упругое — прочно; леска надежная, стометровая. И даже такой таймень не диковина; придет и он к берегу, дай только срок!

Прошел еще час в напряженной борьбе. И таймень пришел ко мне: черный, как мореный дуб, пролежавший на дне реки тысячи лет, с огненным хвостом и фиолетовыми пестринами. Последние метры он тащился на боку, ощерив страшную зубастую пасть.

Мокрый и грязный, я еле-еле выволок его на траву, лег рядом. И такая взяла меня истома, что я не мог даже пошевелить рукой.

Таймень засыпал, и яркие краски на нем блекли. Он словно полинял, выцвел и еще больше напоминал короткую и толстую дубовую чурку.

А над рекой резвились и щебетали ласточки, веселой стаей делая круги надо мной. И я мог думать, что они поют песенку для меня: ведь это я убрал с плеса зубастое чудовище, которое так ловко охотилось за ними...

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

Помните, ребята, веселые картинки художника Ведерникова в февральском номере нашего журнала? Редакция «Пионера» объявила конкурс на лучший рассказ по этим картинкам, написанный на том иностранном языке, который ребята изучают в школе. Наши читатели прислали много рассказов на английском, французском, немецком, испанском и русском языках. Конечно, русские рассказы жюри конкурса рассматривало только в том случае, если их присылали ребята из зарубежных стран.

Жюри конкурса признало лучшими рассказы Игоря Хнеркова (Москва) и Ани Поляковой (Харьков). Им вручаются подарки, присланные английским журналом «Герл» («Девочка»).

Хороших рассказов оказалось много, и жюри конкурса присудило поощрительные премии:

Г. Астрамскайте (Вильнюс), Лере и Саше Ярославским (Москва), Гидону Кремеру (Рига), В. Ракуленко, Сергею Коломойцеву, Л. Алешиной, Вале Дорошенко (Сталино), Марианне Розен (Москва), Вячеславу Докудовскому (Воронеж), Людмиле Кисляковой (Центральный поселок, Сталинской обл.), Тамаре Зайденвар (Минск), Гале Малышок (г. Похвистнево), Г. Шелеповой (дер. Москали, Омской обл.), Лизе Классен (Московский зерносовхоз, Кустанайской обл.), Евгении Бекерман (Ленинград), Наташе Голодновой (Ростов-на-Дону), Виктору Тимошенко (Иркутск), Римме Тарасовой (станица Кущевская, Краснодарского края), Николаю Жуковскому (с. Вишевское, Гродненской обл.), Тане Курдюковой, Соне Смолицкой, Тане Троицкой (Москва), Лене Бутковской (Днепропетровск), Владимиру Неронову (Куйбышев), В. Иванову (с. Дмитровка, Кировоградской обл.), А. Михееву (с. Красный бор, Горьковской обл.), Инне Смирновой (Тирасполь), Жене Долбищеву (Москва), Николаю Бокию (пос. Кировск, Могилевской обл.), Тане Ким (Красноярск), Николаю Абалакову (ст. Сергач, Горьковской обл.), Виктору Илюшкину (Баку), Светлане Марченко (с. Беликское, Полтавской обл.), Петру Чебану (Кишинев), Г. Гадахабадзе, О. Кавсадзе (Тбилиси), Степану Шехяну (Ереван), Свете Левинской и Ларе Бутузовой (Баку), Саше Антоновичу (Москва), В. Киселеву (Ленинград), В. Купенко, И. Купенко (Москва), Кире Тонковой (Ленинград), Алле Клаз, Лене Юнгман (Рига), Наташе Артикуловой (Москва), Майе Герасимовой (Тбилиси), Наташе Тарасовой (Таганрог), Лене Кувичко (Вильнюс), А. Болотницкому, Виктору Иванько (Одесса), Инне Каган (Харьков), В. Аксельману (Москва), Андрею Козыреву (Ленинград), Людмиле Аваковой (Грозный), Богдану Крюкову (Ленинград), Славе Лязину (Москва), Ю. Синайскому (Саратов), Виктории Лернер (Вильнюс), Богумилу Богунеку, Владимиру Кодоуту, Соне Дуловой, Хрудошу Барвику, Наде Кубицовой, Марии Флорияновой, Антонину Ленерту, Анне Элиашовой, Зузане Шейвловой, Георгине Веселовской, Власте Эсслеровой и ученикам 8-го класса «А» 3-й восьмилетней школы в г. Литвинове (Чехословакия).

Рассказы о незаметных жителях песков

П. МАРИКОВСКИЙ

Рисунки автора.

ОДНОНОГИЙ СКАКУН

Трудно приучить себя рассказывать сразу о предмете очерка. Невольно начинаешь свой рассказ издалека, с той обстановки, в которой произошло знакомство с одним из героев. Природа, населенная множеством живых существ, сложнейшая жизнь каждого из них возбуждает в человеке особое чувство поиска неразведанного, открывает в нем исследователя, глаза его начинают видеть необыкновенное в самом обыкновенном.

Вот и сейчас, когда я вспоминаю о встречах с одноногим скакуном, в моей памяти прежде всего возникают картины природы.

Мне дважды привелось встретиться с ним, и обе встречи хорошо запомнились.

Что может быть чудеснее дорог в незнакомой местности, где все ново, неожиданно и все время кажется — вот сейчас, за этим холмом, возникнет что-то интересное!

После скалистых, угрюмых гор, пустыни, каменистых ущелий с испуганно бегущими по осыпям кекликами и настороженно выглядывающими из-за вершин архарами внезапно открылась широкая долина со змейкой желтых прошлогодних тростников. Проносятся стремительные чирки; тяжело взмахивая крыльями, неохотно поднимаются журавли, присевшие отдохнуть после долгого пути на свою родную северную сторону.

Проносятся стремительные чирки.

Дорога упирается прямо в ручей. Вода — это радость для путешественника. Можно вдоволь напиться, пополнить иссякнувшие запасы в бачке, помыть запыленную и забрызганную грязью машину и умыться самому.

Сейчас, весной, ручей во всей своей мощи, он превратился в реку. Из-за этого радость открытия неизвестной долины омрачается заботами. По опыту своему я знаю, что прежде чем выйти из ущелья, дорога должна пересечь ручей несколько раз, и, кто знает, под силу ли нашему маленькому «Москвичу» преодолеть эту преграду? Приходится разуваться и лезть в холодную воду.

Дно здесь каменистое, а глубина брода выше колен. «Москвич» не пройдет здесь. А дальше? Дальше может быть еще хуже. Как бы не пришлось возвращаться обратно.

Наспех разбив палатку, отправляемся на детальную разведку. Мы обследуем один за другим броды, выбираем места переправ. В холодной прозрачной воде мелькают стайки маленьких рыб. В мелких заливчиках, там, где вода теплее, греются молодые водяные ужи. Стены ущелья то расходятся широко в стороны, то сближаются; тогда черные скалы подступают к самой воде и тростникам, а ручей шумит на камнях маленьких перекатов. Но вот долина становится широкой, ручей уходит влево, а дорога вьется по высокому правому берегу. Разведка закончена. Итак, нам предстоит пересечь шесть бродов.

Прежде чем повернуть обратно, мы взбираемся на вершину горы и смотрим на выход из ущелья, в ту сторону, куда потек ручей, на обширную пустынную равнину, уходящую к едва различимой полоске горизонта, задернутой сизой дымкой.

Как много всюду красно-оранжевых тюльпанов, красных маков и ревеня Максимовича с громадными плоскими листьями, едва ли не в метр диаметром!

По небу плывут белые кучевые облака, их синие тени ползут по бескрайней желтой пустыне. У выхода из ущелья, в полукилометре от нас, синяя тень заползает на черную гору, а там, где она была раньше, появляются какие-то светло-желтые пятна.

— Сайгаки! — возбужденно шепчет мой помощник Коля.

Светло-желтые пятна как будто слегка передвигаются с места на место, то сходятся вместе, то расходятся в стороны. Может быть, это просто светлые камни кажутся живыми от напряженного разглядывания? Надо посмотреть подольше, тогда все выяснится. Но тихо наплывает синяя тень и закрывает светло-желтые пятна.

— Определенно сайгаки! — уверяет Коля.

Солнце стало клониться за черные горы. Нам надо торопиться обратно, пока не наступила холодная весенняя ночь. Так мы и не узнали, что это за пятна.

Вся первая половина дня ушла на переправы. К выходу из ущелья мы добрались только к обеду. Ярко светило солнце, тюльпаны горели огоньками. Кое-где большие листья ревеня захватили едва заметную дорогу и скрипели под колесами машины. А там, где вчера Коле почудились сайгаки, росли в

Цветущая ферула Иешка.

полном цвету большие, в полроста человека, ферулы.

Это — замечательное растение. Толстый лакированный стебель, почти не утончаясь и не ветвясь, подымается из земли и внезапно заканчивается развесистой, круглой, как шар, шапкой мелких веточек, усыпанных желтыми цветами. У каждого цветка — широкая оторочка. Стебель снаружи покрыт тонкой, но прочной оболочкой, внутри же заполнен пористой и легкой белой тканью. Растение это, вырванное из земли, несмотря на свои большие размеры, очень легкое. И как только оно удерживается в почве, почему ветер не вырывает его? Потом я узнал, что это была ферула Иешка — типичное растение пустыни, эфемер, расцветающий ранней весной.

Цветы ферулы издают сильный и приятный аромат. На запах цветущей ферулы слетелись все жители пустыни. Кого только тут не было: пчелы, осы, наездники, мухи, жуки и бабочки! Весь этот многоликий мир насекомых жужжал и сверкал своими разноцветными одеждами. Иногда налетал ветер, слегка вздрагивали желтые цветы, потревоженные насекомые поднимались роем и, собравшись на подветренной стороне, толклись в воздушной пляске. Ветер разносил запах цветов, и по тонким струйкам аромата сюда мчались все новые и новые пробужденные весной насекомые.

Наполнив свои морилки богатым уловом, мы расстались с ферулой Иешка.

Но не навсегда. Вторая встреча произошла уже в разгаре жаркого лета.

Над пустыней висело яркое, жгучее солнце и нещадно грело сухую, пыльную землю.

Горный ручей в широкой долине обмелел. По прошлогодним желтым тростникам прогулялся кем-то пущенный огонь, и на месте сожженных растений выросли пышные зеленые тростники с серебристыми метелочками. Над тихими мелкими заводями реяло множество синих и зеленых стрекоз-стрелок, беспрерывно подлетали к воде страдающие от жажды осы, пчелы и мухи. В густых, тенистых зарослях попрятались комары; они замерли в ожидании прохладной ночи и архаров, спускающихся к ручью на водопой.

Пустыня выгорела, не верилось, что еще совсем недавно она была расцвечена тюльпанами и маками. Большие листья ревеня высохли, ветер их поломал и разметал по пустыне, как клочки бумаги.

А что там, где была ферула?

Пусто. Только высохшие листья прижались к редким кустикам солянки-боялыша.

Я раздумываю над тем, куда делась ферула.

— Скачет! Смотрите, кто-то скачет! — прерывает мои размышления Коля.

Над кустиками боялыша, перекатываясь по ветру, мчится круглая шапка высохших и пружинящих ветвей ферулы Иешка. Вот она уткнулась в кустик, зацепилась за него и, влекомая ветром, повернулась боком, взмахнула в воздухе толстым стволом, как штангист, уперлась им о землю, перескочила на этой ноге через препятствие и снова помчалась дальше. Опять препятствие, снова взмах ногою, упор, скачок и стремительный бег. До чего замечателен этот одноногий скакун, ферула Иешка!

Мы бросаемся на поиски одноногих скакунов и находим их немало. В глубоких ложбинках — груды застрявших путешественников. Сухая ферула еще более легка и, несмотря на свой крупный размер, кажется невесомой.

Ветер раскачивает ферулу, и в почве у корневой шейки образуется воронка. Ткань корневой шейки не такая, как в пористом и легком стволе, и, странно, она слегка влажная на ощупь. По-видимому, она гигроскопична от обилия солей. Достаточно пройти небольшому дождю, и влага, скопившаяся в воронке, попадает на корневую шейку.

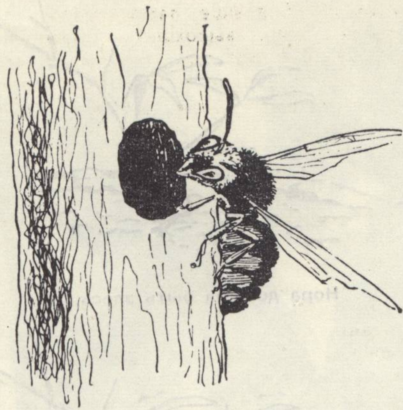
Для чего нужна влага высохшей феруле?

На влажной корневой шейке растет какой-то зеленовато-синий грибок. Легкий запах плесени подтверждает это. Грибок разъедает ткань корневой шейки. Дунет ветер — шейка сломается, и одноногий скакун на свободе, скачет по пустыне, рассевая всюду свое потомство — плоские семечки. Скачет он долго, до тех пор, пока не поломается парус и от круглой шапки останутся жалкие пеньки на верхушке сухого толстого ствола.

Как все замечательно устроено у ферулы! Ветви в форме шара и широкая поверхность цветов — парус для того, чтобы катиться по ветру; легкий и прочный ствол-нога — чтобы перескакивать через кустики, убежать и разнести семена как можно дальше; впитывающая влагу корневая шейка вместе с грибком — магический замок, вовремя открывающийся и отпускающий на волю растение с созревшими семенами.

Но какой же это рассказ о насекомых, скажете вы.

Слоники прогрызли отверстие в стволе ферулы и покинули свои убежища.



В стволе ферулы поселилась мохнатая пчелка.

С шумным обществом насекомых над цветущей ферулой мы встретились весной. Насекомые оказались и в сухой, мертвой феруле. Все это обнаружилось, когда Коля стал разрезать ножом ферулу. Ствол ферулы режется легко, его пористая ткань хороша для расправилок. Энтомологическая булавка погружается в нее без сопротивления и держится прочно. Как теплоизоляционный материал сердцевина ферулы, пожалуй, непревзойдена. Если бы научиться засевать ферулой бесплодную пустыню, она нашла бы широкое применение в промышленности.

Разве мог такой теплый да еще и подвижный домик остаться незаселенным? Конечно, нет. В сердцевине ферулы оказались слоники. Они проникали из земли туда еще личинками, выедали обширный продольный канал и окукливались. В стадии куколки крупные серые слоники с длинными хоботками совершали вместе с ферулой путешествие по пустыне, потом, став жуками, прогрызали отверстие в плотной стенке и покидали свое убежище.

Небольшие мохнатые пчелки, кажется, только и ожидали того момента, когда слоники проделают в стволах отверстия-окошечки. Озабоченные, как всегда, сильно занятые, пчелки проникали в стволики ферулы через эти окошки, выгрызали в мягкой сердцевине продольные ходы и заполняли их ячейками. В каждой ячейке лежало яичко и запас пыльцы с медом. Ячейки разделены перегородками из слегка уплотненной сердцевины стебля растения и расположены одна над другой.

Многим пчелкам, видимо, не хватало места в стебельках. Тогда они сами прогрызали окошечки в тонких веточках шапки-паруса, и устраивали там ячейки с детками. Оболочка веток не так прочна и поддается челюстям пчелок.

Мохнатая пчелка, видимо, давно связала свою жизнь с ферулой и неизменно селилась в ее мягкой, сухой и теплой сердцевине. Почему мы так думаем? Потому, что развившиеся личинки замирали в своих домиках и выходили из старых, поломанных стволов ферулы только в разгар лета, когда отцветала новая ферула, незадолго до того, как ее должны были покинуть серые слоники.

И не только мохнатые пчелки и серые слоники пользовались замечательными передвижными квартирами ферулы. В широкие продольные ходы, оставленные слониками, на зиму набивалось много разного шестиногого народа, спасающегося от зимней стужи, снега и холодных ветров.

Неудавшийся снимок

В пустыне Джусан-Дала саксаульник жалкий и реденький. Издалека он кажется густым, но сколько ни идешь к серо-зеленой полоске, деревья расступаются в стороны, всюду виден горизонт раскаленной пустыни с озерами-миражами, и нет нигде густого леса.

Солнце, казалось, перестало двигаться по небу и замерло, жаркое и ослепительное. По белой сухой земле ветер проносит обрывки засохших растений, позвякивает сухими коробочками с семенами, свистит в редких ветвях саксаула.

От ветра качаются из стороны в сторону сухие былинки, скачет перекати-поле, колышутся белые озера-миражи. В такое время, когда все в движении, трудно наблюдать за насекомыми.

На кончике веточки серой полыни раскачивается какой-то темный комочек, шевелится. Тут что-то живое.

Лежа на земле, я разглядываю в лупу верхушку веточки полыни. На ней, оказывается, большое общество маленьких красненьких клопиков с черными пятнами. Да какие они забавные! Похожие друг на друга, совсем одинаковые, как капли воды. Толстенькие красные животики клопиков еще мягкие, а черные головы с поблескивающими глазами, как лакированные, отражают синее небо и яркое, повисшее на нем солнце. Клопики слабо шевелят усиками, едва перебирают ногами. Кое-кто из них пытается взобраться повыше, кое-кто, наоборот, спуститься на землю.

Это один выводок, братья и сестры, они дружно вышли из яичек и сейчас крепнут с каждым часом и набираются сил для будущей жизни. Тут же рядом на веточке уже пустые оболочки яичек. Они располагаются несколькими правильными рядами и очень похожи на бочонки, аккуратно сложенные где-нибудь на складе. У каждого «бочонка» ребристые бока и кругленькая, теперь уже отброшенная в сторону крышечка.

Многочисленное семейство (а тут не менее полусотни клопиков), видимо, появилось на свет недавно, в тихие утренние часы. В этот ответственный момент, когда малейшая помеха или механическое повреждение могут нанести неисправимый вред народившимся младенцам, стояла тишина, ветра не было, и клопики все сразу покинули «бочонки». Теперь им все нипочем, лишь бы пожарче грело солнце и скорее твердела красно-черная одежка. А то, что они все собрались на самой верхушке черной полыни и далеко видны в своем ярком одеянии, неважно. Клопики не зря так заметно разукрашены. Наверное, они очень невкусны, отвратительны и открыто об этом предупреждают всем своим видом.

Кучка черно-красных клопиков — прекрасный сюжет для фотографии. Но когда ветер так сильно раскачивает кустик полыни, не так-то легко сделать снимок при большом увеличении с маленькой диафрагмой и большой экспозицией.

Впрочем, выход есть. Надо сорвать веточку и воткнуть ее пониже в землю. Она не будет так сильно вздрагивать от ветра.

Веточка срезана ножницами так осторожно, что клопики не почувствовали никакой опасности. Сейчас остается только воткнуть веточку вон в ту трещинку. Нет, трещинка извилистая, узкая, и в нее глубоко не просунешь веточку. Пожалуй, лучше воспользоваться аккуратным круглым отверстием чьей-то норки. Норка отвесная, и веточка легко закрепилась в ней. Теперь скорее сменить объектив, надеть промежуточные кольца.

Какие чудесные клопики в видоискателе зеркальной камеры! Ветер чуть шевельнул веточку. Через две — три секунды наступит затишье, и тогда, выбрав удобный момент, можно щелкнуть. Но... веточка серой полыни начинает погружаться в норку, сперва рывком, потом медленно... Все пропало! Потревоженные клопики, не желая спускаться в страшное подземелье, спешно разбегаются.

Идиллия счастливого многочисленного семейства нарушена. И снимка нет. Верхушка веточки, торчащая из норы, еще раз вздрогнула и остановилась.

Странно! Кто там, в этой аккуратной норке? Сейчас все узнаем.

Осторожно, пинцетом я начинаю вытаскивать веточку. Она свободно извлекается, будто никто ее не держит. Но не могла же она сама с растопыренными в сторону ответвлениями упасть в норку.

Нет, кто-то есть в норке. Нужно вытащить веточку легко, осторожно, чтобы таинственный обитатель подземелья не ощутил силы своего противника.

Вот как будто он схватил веточку снова, крепко держит ее, не отпускает. Надо осторожно тащить веточку кверху.

В темноте норки ничего не видно. Но вот заблестело несколько ярких, блестящих огоньков — это глаза. Они уже совсем близко около выхода. Ну, сейчас решительный рывок кверху... Раз!

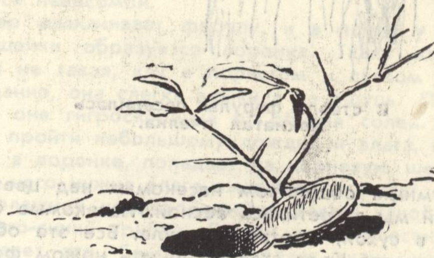
И вместе с веткой наверх вылетает крупный паук. Он слишком поздно понял свою ошибку, упал около норы, раскрыл свои крючья, которыми цеплялся за веточку, и сидит, широко расставив в стороны ноги, ошеломленный и одураченный.

Из норы выскочил паук.

Паук весь серый, с темными пестринками на ногах, черными полосками на груди, с черной, как бархат, грудью и желтоватым брюшком. Это настоящий тарантул [1]. Я еще не встречал таких. Пока незнакомец растерян, надо скорее фотографировать. Торопясь, привинчиваю к объективу дополнительные кольца, и вдруг все куда-то исчезает. Нет ни паука, ни его норы!

[1] Тарантулы — в большинстве случаев полуоседлые пауки, роющие в земле норы, в которых они проводят большую часть жизни. Лишь немногие из тарантулов ядовиты и опасны для человека, и то в слабой степени.

Нора должна быть здесь.



Ее прикрывала дверка.

Что за наваждение!

Паук мог сбежать и притаиться в своей серой одежке где-нибудь совсем рядом. Но куда девалась нора? Не мог же и ее утащить тарантул? Уж не спутал ли я чего-нибудь?

Нет, не спутал. Вот плоский камешек, около которого сидел тарантул, вот веточка серой полыни — бывшее убежище красных клопиков. Около нее должна быть и норка.

Приученный к самым разнообразным обманчивым уловкам своих знакомцев-насекомых, я тщательно ощупываю землю и расковыриваю подозрительные места пинцетом.

Поиски продолжаются недолго. Там, где была нора, открывается, прямо как в сказке, круглая дверка, сплетенная из плотной паутины. Она совершенно точно, без малейшего зазора закрывает отверстие норы. Сверху дверка замаскирована вплетенными в паутину камешками, комочками земли. Дверка слегка выпуклая. Так прочнее. Когда дверка закрыта, различить норку совершенно невозможно. В одном месте крышечка прикреплена к стенке норы аккуратным и гибким шарниром.

Какое замечательное приспособление эта крышечка! Понадобилось, скажем, пауку уединиться, чтобы спокойно насытиться своей добычей, или пришло время линять, или отложить яички в кокон — паук закрывает свое жилище дверкой. Закончены дела — дверка открывается, и добро пожаловать к коварному хищнику в гости! Паук терпеливо ждет, кто из насекомых пустыни в поисках тени, прохлады и укромного уголка заползет в нору.

Теперь я не досадую на то, что снимок не удался. Не беда, что напуганный паук поумнел и больше не хватает веточку, опущенную в нору. Раз есть одна нора, найдутся и другие такие же. Через час поисков раскопан десяток нор, и я становлюсь обладателем многих секретов паучьей жизни.

На воле белочки селятся в дуплах или вьют теплое гнездо, по форме вроде муфты, где-нибудь высоко в густых ветвях старой ели. А в зоопарке для них построены специальные домики. Вот наверху беличья пара выглядывает из своего жилья. Белки любопытны. Должно быть, что-то их очень заинтересовало. Вон как насторожились!

Лесная жизнь полна забот. Например, еловые шишки не каждое лето родятся. Нынче в одном лесу, а на будущий год — в другом. Где уродились шишки, туда перекочевывают и белки со всей округи. Иное дело — в зоопарке. Живи без хлопот. Казалось бы, незачем запасать корм: ведь все равно завтра снова принесут люди поесть. А все же белочка ведет себя так, как диктует ее природа. Взгляните на нижний снимок: фотообъектив поймал как раз тот момент, когда белка прячет пищу про запас.

С сытной едой, в удобных домиках белки совсем прижились в зоопарке. Они отлично чувствуют себя и зимой и летом, выводят бельчат, резвятся, бегают, прыгают и доживают до своей беличьей старости — лет до пяти — шести.

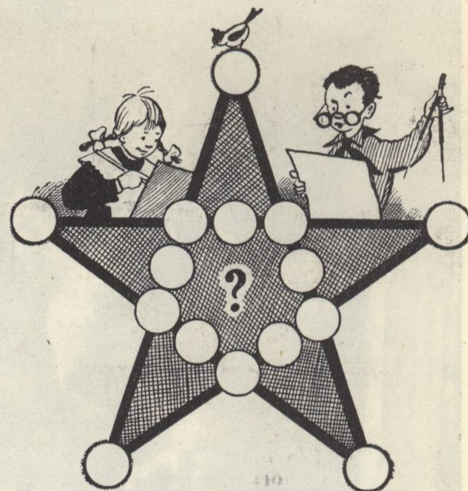
Фото Н. НЕМНОНОВА.

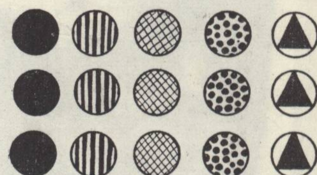
ПО ПЯТИ РАЗНОЦВЕТНЫХ ФИШЕК

Перечертите эту фигуру на отдельный лист плотной бумаги, увеличив вдвое, и наклейте на картон. Нарежьте из картона 15 круглых фишек и раскрасьте их в разные цвета — по три фишки каждого цвета.

А теперь решите головоломку. Постарайтесь разместить все фишки в гнездах фигуры так, чтобы на каждой из прямых линий находились фишки разного цвета.

Е. Тихонов





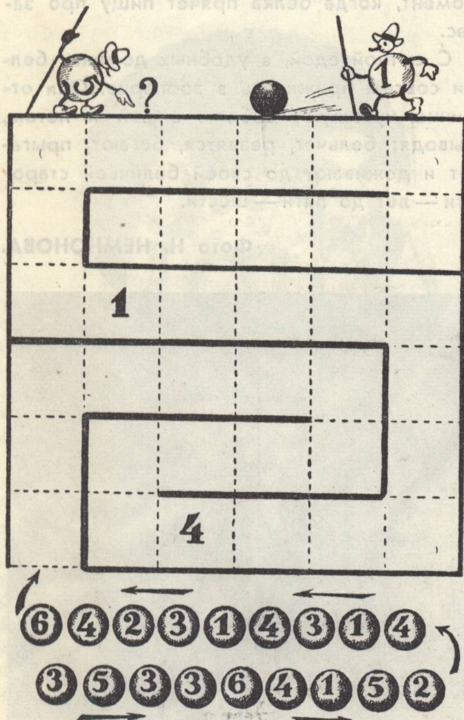
ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ ЦИФРЫ

Перерисуйте чертеж в увеличенном масштабе и наклейте на картон. Вырежьте фишки с цифрами и установите их в том же порядке, как и на чертеже: первая в ряду фишка с цифрой «6» должна находиться у левой нижней клетки — начальной клетки маршрута.

Требуется все 18 фишек, не меняя их порядка, передвинуть на клеточное поле по коридорам, образуемым жирными линиями, причем в каждом горизонтальном и вертикальном ряду должна получиться одна и та же сумма.

Цифры «1» и «4» на поле указывают, какие фишки должны находиться в помеченных этими цифрами клетках.

Г. Зотов

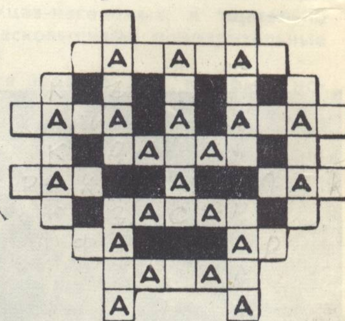


КТО БЫСТРЕЕ СОСТАВИТ КРОССВОРД

Перерисуйте этот кроссворд в нескольких экземплярах. Когда у вас соберутся друзья, раздайте всем по листочку. Устройте состязание: кто быстрее заполнит пустые клетки буквами так, чтобы по всем горизонталям и вертикалям получились слова — имена существительные единственного числа?

Составить такой кроссворд — дело не очень трудное, поэтому мы и предлагаем использовать его для игры. Так как он допускает много различных решений, мы ответа на него не даем.

Если эта игра вам понравится, заготовьте еще несколько листочков с фигурой кроссворда, но вместо буквы «А» в те же клетки впишите другую гласную букву.



Напишите, как прошла у вас игра в «скоростное» составление кроссворда и кто принимал в ней участие.

М. Белых

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 05455. Подписано к печати 27/VI 1958 г. Тираж 420 000 экз. Изд. № 660. Заказ № 1458.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

В МАГАЗИНЫ КНИГОТОРГА И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

СКОРО ПОСТУПЯТ В ПРОДАЖУ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КНИГИ ДЕТГИЗА

АРТЕМЬЕВ И. **Искусственный спутник Земли.** Рассказы о советских исследователях ракет и об искусственном спутнике Земли. Серия «Наука и техника шестой пятилетки». Цена 3 руб.

БРОДСКИЙ Б. **Каменные страницы истории.** Рассказы об архитектурных стилях. Цена 4 р. 70 к.

ВЕРЗИЛИН Н. **Путешествие с домашними растениями.** Серия «Школьная библиотека». Цена 5 р. 20 к.

ГАЛЬПЕРШТЕЙН Л. **По следам «золотого ключика».** Фотокнижка о кондитерской фабрике. Цена 3 р. 15 к.

ЗАХАРЧЕНКО В. **Океан — Океанище.** Путешествие через десять морей и два океана на остров Сахалин. Цена 4 р. 50 к.

ИВАНОВСКИЙ М. **Время.** Книга об истории календаря и часов, методике исчисления времени. Цена 4 р. 40 к.

ИВАНОВСКИЙ М. **Золотое правило.** Рассказы по истории механики. Серия «Школьная библиотека». Цена 75 коп.

ЛУИЗОВ Н. и ТЕРЕБИНСКАЯ Н. **Холодный свет.** Книга о достижениях оптики и светомеханики, об использовании люминесценции. Серия «В помощь школьнику». Цена 2 р. 35 к.

ЛУРЬЕ М. **Письмо греческого мальчика.** Цена 80 коп.

МАР Е. **Человек строит дом.** Рассказы о современном жилищном строительстве. Цена 5 р. 85 к.

НОВОПОЛЬСКИЙ П. **На берегах Невы.** Книга о Ленинграде, об исторических памятниках города. Цена 4 р. 40 к.

ПЕШКИН И. **Тайна стального шарика.** Рассказы о создании и широком применении шарикоподшипников. Цена 2 р. 85 к.

РЯБИНИН Б. **Алые гребешки.** Рассказы о сельскохозяйственных животных. Серия «Школьная библиотека». Цена 2 р. 95 к.

СКРЕБИЦКИЙ Г. **На новом море.** Рассказы о Дарвинском заповеднике на Рыбинском море. Цена 3 р. 35 к.

СТЕКОЛЬНИКОВ Л. **Рассказы о бабочках.** Записки натуралиста и советы юным собирателям бабочек. Цена 1 р. 35 к.

ФЕРСМАН А. **Камень плодородия.** Очерк об истории и значении открытий апатитов Кольского полуострова. Серия «В помощь школьнику». Цена 2 р. 35 к.

ХАЛИФМАН И. **Пароль скрещенных антенн.** Книга о муравьях. Цена 4 р. 30 к.

ХАРКЕВИЧ И. и ШЕЙКИН А. **В совхозе.** Цветная книжка-картинка о работах в животноводческом совхозе. Цена 1 р. 10 к.

ЯКОВЛЕВ А. **Жизнь Земли.** Как люди узнали, что было миллионы лет назад. Цена 3 р. 80 к.

Заходите почаще в книжные магазины, следите за поступлением новых научно-художественных книг.

Перечисленные выше книги еще не поступили в продажу, поэтому цены на них указаны не точно.

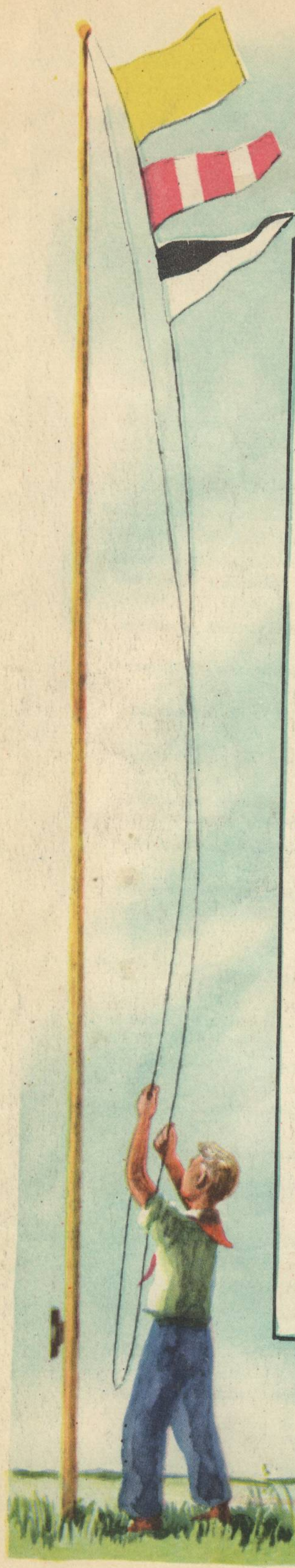
Союзкнига

Цена 2 р. 50 к.

Это флаги военно-морского свода сигналов. Слева от каждого флага — соответствующая ему буква, цифра или другое обозначение. Под флагами — равнозначные сигналы по азбуке Морзе. Некоторые сигнальные флаги означают целые фразы (команды, сообщения, запросы).

Внизу изображен сигнал бедствия. В Военно-Морском Флоте этот сигнал отсутствует, им пользуются только корабли гражданского флота.

Подробнее о флажной сигнализации рассказано на сборе морского звена (страницы 50—54). Если вы прочитали эти страницы, вы уже знаете, какой сигнал поднял юный сигнальщик друзьям, уходящим в плавание.



А	М	Ш	Гюйс	Исполн.
Б	Н	Щ	Газ	1
В	О	Ъ	Дым	2
Г	П	Ы	Телегр.	3
Д	Р	Ь	Шлюп.	4
Е	С	Э	Воздушн.	5
Ж	Т	Ю	Норд	6
З	У	Я	Зюйд	7
И	Ф	1 допл	Ост.	8
Й	Х	2 допл	Вест.	9
К	Ц	3 допл.	Вопр.	0
Л	Ч	4 допл.	Ответ.	

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИГНАЛ БЕДСТВИЯ